

Голос “Галактики”

Альманах

Минск
«Ковчег»
2018

УДК 821.161.3
ББК 84(4Бей=Рус)-5
М41

Литературно-музыкальное
объединение «Галактика»:

*Мешкова Екатерина Ивановна, Тихонович
(Вермут) Евгений Францевич, Ботяновский Афанасий
Леонидович, Сердечная Светлана Александровна,
Муравский Анатолий Александрович и др.*

Составители: Екатерина Мешкова,
Афанасий Ботяновский

Шеф-редактор: Екатерина Мешкова *Вступительные
статьи:* Екатерина Мешкова,
Евгений Вермут

Мешкова, Е. И.

М41 Голос «Галактики»: альманах / Мешкова Екатерина. —
Минск : Ковчег, 2018. — 168 с.

В альманах «Голос “Галактики”» включены произведения как профессиональных, так и начинающих авторов. Все они – участники литературно-музыкального объединения «Галактика», которые возглавляет белорусская поэтесса Екатерина Мешкова.

ISBN 978-985-7202-95-9.

УДК 821.161.3
ББК 84(4Бей=Рус)-5

ISBN 978-985-7202-95-9

© Мешкова, Е. И., 2018
© Оформление.
ООО «Ковчег», 2018

Рождение новой Галактики

Одна из величайших загадок Вселенной состоит в том, что бесконечные триллионы звезд не разбросаны равномерно в космическом пространстве. Нет, звезды группируются в галактики, точно так же, как люди собираются в городах, оставляя незаселенными пространства между ними.

Знаменитый русский ученый и основоположник теоретической космонавтики Константин Циолковский говорил: “В Золотой век войдут люди, которые научатся объединяться. И объединение тоже имеет свой закон: две ауры усиливают друг друга в семь раз, если люди – единомышленники, волна одинаковая, в одну цель направлена. 3 Человека – в 7 раз в квадрате, то есть в 49 раз. Если 4 человека – они усиливают друг друга в 7 в 3-й степени – в 343 раза! Поэтому чем больше людей, тем ценнее каждый следующий, он умножает силу во много раз. Коллектив – великая сила”.

И сегодня, во вступительном слове к этому альманаху, я с радостью хочу рассказать вам о таком коллективе единомышленников, о литературной и музыкальной “Галактике” – Минском литературно-музыкальном объединении “Галактика”.

Как сказал Харуки Мураками, весна – это такое время, когда очень хорошо начинать что-то новое. И вот во время зазывания девушками весны, после празднования в народе Сороков (“На Саракі прыляцелі 3-за мора птакі”) с прилетом из теплых стран долгожданных жаворонков, группа друзей-единомышленников, коллег – поэтов и прозаиков решила открыть свое любительское литературное объединение. 24 марта 2018 года в красивой гостиной библиотеки № 12 г. Минска состоялась первая литературно-музыкальная гостиная, посвященная дню рождения нового литобъединения и Всемирному дню поэзии.

Место для заседаний и проведения литературно-музыкальных гостиных нам любезно предоставила заведующая библиотекой, большой профессионал и ценитель прекрасного Людмила Григорьевна Новосельская. На сегодняшний день под ее крылом мы организовываем интересные мероприятия, на которые приглашаем известных поэтов и музыкантов.

Создавая своё литературное пространство, мы решили, что нашим творческим кредо будет участие в “понимании и улучшении бытия”, стремление создавать по мере нашего профессионального роста образцы белорусской поэзии и прозы (будем стремиться к совершенству!), восстановление диалога между поэзией и другими видами искусства, такими, как музыка, театр, танцы, привлечение в наши ряды молодых литераторов и музыкантов, которым мы дадим путевку в творческую жизнь. Но, главное, это дарить своим творчеством радость людям, “глаголом жечь сердца людей”.

Современная белорусская литература – это явление многогранное и разнообразное по своим художественным направлениям, поискам и приобретениям. Она богата яркими и самобытными творческими индивидуальностями. И в данном альманахе вы, дорогие читатели, познакомитесь с поэтами и прозаиками, которые наполнят ваши часы досуга прекрасными эмоциями и переживаниями, а, возможно, вы откроете для себя нечто важное и ценное, и «Голос “Галактики”» станет вашей настольной книгой.

Как говорят, для влюбленного в свое дело человека – работа вкуснее хлеба, слаще воды, приятнее сна. Для наших авторов их литературное творчество – это то, без чего им порой даже трудно дышать. И этот альманах – это результат их упорного литературного труда. Это наша первая ласточка, первое заявление о новом творческом формировании в огромном мире современной литературы. И пусть поэты Екатерина Мешкова, Светлана Шашко-Шаблинская, Евгений Вермут, Афанасий Ботяновский, Ольга Ботяновская (Дедкова), Алла Шикович, Светлана Сердечная, Вера Феоктистова, Елизавета Дашко, Владислав Чистяков донесут до вас чистую магию слова, мелодику своих стихотворений, глубину своего поэтического самовыражения. А прозаики Юрий Мельников, Александр Змушко, Наталья Радькова, Светлана Сердечная, Вера Феоктистова и Екатерина Мешкова, Екатерина Бирюкова, Наталья Щирская, Ирина Цуканова через простоту, читабельность, занимательность, логическое построение, пропущенные сквозь призму души, раскроют вам свой взгляд на окружающий мир и познакомят со своими открытиями. Верю, что вы,

первооткрыватели нашей “Галактики”, почувствуете и жар души, и холодность разума, которые должны сочетаться в истинном ху-дожнике слова.

А еще у нас в альманахе есть “Детская страничка”, где ярко представлено творчество детской писательницы Ирины Цукановой. А Наталья Радькова расскажет вам на двух языках про забавную хомячиху Сонечку. Особенно это оценят маленькие читатели.

В названии нашего объединения тесно переплелись литература и музыка. И это неспроста, ибо эти два великих вида искусства взаимодополняют друг друга и глубже раскрывают один одного. Не будем голословны. Поэзию Блока всегда слушали как музыку и он сам говорил, что сначала была музыка, что музыка – это сущность мира, а культура – это музыкальный ритм. Поэтому наши поэты и музыканты решили дополнить звучание друг друга, и на наших тематических концертах и встречах с известными авторами всегда звучат стихи в обрамлении музыки. Наш музыкальный руководитель Ирина Цуканова следит за этим строго, она ответственно подходит к подбору концертного репертуара. С марта по ноябрь мы провели 12 тематических концертных выступлений и встреч, не говоря уже о индивидуальных выступлениях от имени “Галактики”.

И это только начало! Мы полны сил, вдохновения и творческой энергии для осуществления всего задуманного. И наше главное “звездное предназначение” – светить людям своей поэзией и прозой, прилагая к этому свой ум, талант и щедрость души.

*Екатерина Мешкова,
руководитель литературно-музыкального объединения “Галактика”,
шеф-редактор альманаха «Голос “Галактики”»*

Коротко о главном, или Тайна нашей «Галактики»

Минское литературно-музыкальное объединение «Галактика» и литературный сайт «Бесконечность» – это своеобразный симбиоз двух равноправных образований в сфере литературы и музыки. Проще говоря, это единое целое сообщество, основным направлением которого является единение разных по социальному статусу, но близких по духу людей. Неважно, кто мы – учителя, рабочие или инженеры, люди разных профессий – в первую очередь мы писатели, поэты и музыканты, любители и профессионалы. Величие творческой души не только в качестве созданного произведения, но и в его выражении. Возможно, многие из нас и не привнесут в искусство что-то новое, главное, что мы можем и будем делать – это делиться собой. Принять нас или отвергнуть – право читателя. Наше право – не давать вам в нас разочаровываться. Мы с радостью примем в свои ряды любого человека, равнодушного к искусству. Творчество, в каком бы виде оно не было, остается творчеством, если только не извращает собой человеческое начало.

У объединения есть и второе неофициальное название: НЛЮ «Галактика» – Необычное Литературное Объединение «Галактика». Необычность его в том, что его члены стараются нестандартно подходить к своему творчеству.

*Евгений Вермут,
автор и администратор сайта «Бесконечность», поэт*

Авторы альманаха «Голос «Галактики»»

Кацярына Мяшкова



Нарадзілася 13 сакавіка 1968 года ў сталіцы Алжыра г. Алжыр. У 1990 годзе скончыла філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І.Леніна. Пасля заканчэння працавала ў Інстытуце мовазнаўства НАН РБ у адзеле сучаснай беларускай мовы, у выдавецка-рэдакцыйным адзеле Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, у газеце “Біржи и банки Беларуси”, у Дзяржаўнай службе медыцынскіх судовых экспертыз.

Супрацоўнічала з часопісамі “Першацвет”, “Маладосць”, “Мастацтва”, “Зрок”, “Нёман”, “Праваслаўе”, “Alpha Woman”; з газетамі “Галас Разімы”, “Чырвоная змена”, «Настаўніцкая газета», «Мінская праўда», «Кніжны мір», «Культура», “Наша слова”, “Краязнаўчая газета”.

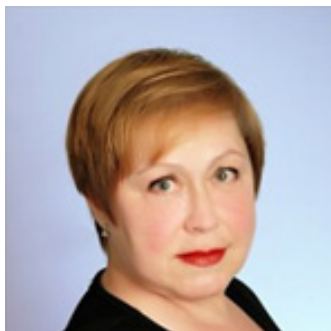
Выйшлі зборнікі паэзіі: «Алея кахання» (вершы), 1993, «Бібліятэчка часопіса «Маладосць»; «Кляновы цуд» (вершы), 1996, «Мастацкая літаратура»; кніга паэзіі і прозы “Чароўная хваля вандровак”, 2016, “Галіяфы”.

Вершы таксама ўвайшлі ў Анталогію беларускай хрысціянскай паэзіі «Насустрач часу», 2001; у Анталогію беларускай паэзіі XX ст. “Краса і сіла”, 2003.

У 2018 г. – адна з пераможцаў агульнаеўрапейскага літаратурнага конкурсу “Эхо одной судьбы”, прысвечанага Вялікай Айчыннай вайне (Хельсінкі, Фінляндыя); удзельніца XXXII Адкрытага конкурсу аўтарскай песні, паэзіі і выканальніцкага майстэрства “Витебский листопад-2018» у намінацыі “Поэзия. Свободная тематика”.

Кіраўнік Мінскага літаратурнага-музычнага аб’яднання “Галактыка”.

Ирина Цуканова



Родилась 18 марта 1961 года в Острошицком городке Минского района. В литературу пришла сравнительно недавно. Пишет в жанре короткой прозы. Пробует поэтическое перо. Публиковалась в детских изданиях «Качели», «Рюкзачок», журналах «Пралеска», «Сваты», «Однако, жизнь», в газете «Друг пенсионера», в альманахе «Літаратурны экватар», в сборнике духовной поэзии, художе-

ственной прозы и публицистики «За все Создателю спасибо!».

Актриса народного театра «Альянс», певица.

Художественный руководитель Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Евгений Вермут



Родился 3 апреля 1957 года в Минске. Пишет с семнадцати лет. Печатался в различных белорусских газетах и журналах. Участвовал более чем в десяти общих сборниках поэзии, в т.ч. и в России. Публиковался в альманахе «Літаратурны экватар».

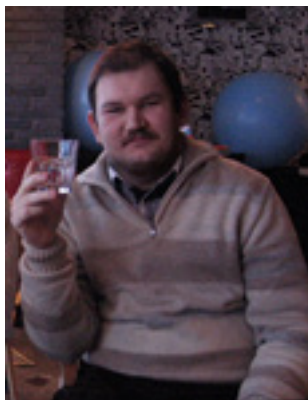
Автор пяти собственных сборников поэзии и прозы.

Член Международного Союза писателей «Новый Современник».

Участник XXXII Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад-2018» в номинации «Поэзия. Свободная тематика».

Автор сайта «Долгоброд», а также автор и администратор сайта «Бесконечность» -- официального сайта Минского литературно-музыкального объединения «Галактика» (НЛО «Галактика»).

Афанасий Ботяновский



Родился 19 августа 1985 года в Минске. Окончил Республиканский музыкальный колледж при БелАМ по классу скрипки (2006), музыкально-педагогический факультет БГПУ им. М. Танка (2009).

Автор трех поэтических сборников. Печатался в газете «Переходный возраст», в альманахе «Літаратурны экватар», в журнале «Нёман».

Автор генеалогического исследования рода Ботяновских.

Заместитель руководителя Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Светлана Шашко-Шаблинская



Родилась 19 октября 1958 года в Минске. Училась, работала, родила троих детей. Стихи начала писать в зрелом возрасте.

Среди любимых авторов: А. Пушкин, М. Лермонтов, М. Лохвицкая, В. Тушнова, с удовольствием читает и белорусских авторов.

Публиковалась в альманахе «Літаратурны экватар».

Член-корреспондент народного клуба композиторов и поэтов «Живица».

Автор 6 поэтических сборников. Автор песен, работает в дуэте с И. Цукановой.

Член Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Наталья Радькова



Родилась 16 ноября 1966 года в Минске. Стихи и прозу начала писать в зрелом возрасте на русском и белорусском языках. Пишет для детей и взрослых. Произведения неоднократно печатались в газетах и журналах Беларуси.

Публиковалась в альманахе «Литературны экватар».

В 2018 году рассказ «Вкусные сливки» занял третье место на международном конкурсе «Мой аленький цветочек» и был опубликован в литературно-художественном и публицистическом альманахе «Параллели». В этом же году по итогам общеевропейского литературного конкурса «Эхо одной судьбы» (Хельсинки, Финляндия) две работы были опубликованы в сборнике «Эхо одной судьбы-2018».

Последние годы активно сотрудничает с коллективом детской музыкальной школы №19 г. Минска. Некоторые ее стихи были положены на музыку.

Кроме увлечения литературой любит рукодельничать, изготавливать сувениры ручной работы в технике декупаж и скрапбукинг, чтобы потом дарить их родным и близким.

Член Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Екатерина Бирюкова



Родилась 6 октября 1999 года в Минске. Учится в филиале МГЛУ «Лингвогуманитарный колледж» на факультете «Лингвистическое обеспечение социокультурной деятельности». Пишет прозу с 2015 года.

Член Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Елизавета Дашко (С. Лизио)



Родилась 18 марта 1998 года в Минске. Окончила среднюю школу с языковым уклоном. Совмещает работу с учёбой в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники (БГУИР).

Состоит в народном любительском коллективе «Натхненне», благодаря руководителю которого, Соколовой Ольге Михайловне, решилась на издание первого сборника стихов. Также является членом клуба гитарной песни, от имени которого, под руководством Л. Н. Пашковской, участвовала в конкурсах, где занимала призовые места в номинациях «авторская песня» и «поэтическая».

Отдает предпочтение русской классической поэзии, особенно творчеству Бунина, Фета, Бальмонта, Тютчева, кроме того любит перечитывать зарубежную поэтическую классику. Переводит немецких и польских поэтов.

Выражает глубокую благодарность дедушке, привившему с раннего детства интерес и любовь к поэзии, и отцу, без которого ее мысли и чувства не вылились бы на бумагу.

Член Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Владислав Чистяков



Родился в 1999 году в Минске. Поэт, интернет-блогер. Окончил гимназию № 33 г. Минска. На данный момент является студентом I курса исторического факультета БГУ.

Лауреат премии Президента РБ, премии Мингорисполкома, обладатель двух дипломов второй степени заключительного этапа Республиканской олимпиады по истории, победитель интернет-олимпиады БГПУ.

Увлекается астрономией, стендовым моделированием, спортивной журналистикой.

Член Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Ольга Ботяновская (Дедкова)



Родилась 27 октября 1961 года в деревне Бирюли Краснопольского района Могилевской области. С золотой медалью окончила десятилетку в Смолевичском районе Минской области в 1979 году. В 1984 году окончила БГУ им. Ленина (факультет журналистики). Работала в газетах «Трактор», «Автозаводец», «Транспортник столицы».

Автор сборника стихов и поэмы («Минсктиппроект», 2003), а также юмористической книги «Зина и Сима. Телефонный разговор» («Ковчег», 2010).

Публиковалась в альманахе «Літаратурны экватар».

Сотрудничала с детской редакцией БТ (как сценарист и актриса).

Член Союза журналистов Беларуси.

Пишет маслом картины.

Александр Змушко



Родился 10 апреля 1981 года в Минске. Окончил факультет биологии БГУ по специальности «биотехнология». Научный сотрудник отдела биотехнологии РУП «Институт плодородства» РБ.

Кандидат сельскохозяйственных наук.

Писатель. В основном работает в жанрах научной фантастики, фэнтези, альтернативной истории, детской сказки, постмодерна.

Имеет печатные публикации (в издательствах «АСТ», «Эксмо», журналах «Космопорт», «Уральский следопыт», газете «Виртуальные радости», альманахе «Літаратурны экватар» и др.).

Принимал участие в организации литературного конкурса «Фант Доп-2013» на базе издательства «Аэлига». Литературный псевдоним – Саша Тэмлейн.

Член Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Сердечная Светлана



Родилась в Прикарпатье, выросла в Запольшье, окончила физфак БГУ в Минске, где с тех пор живет, много путешествуя.

Физик с душою лирика. Имеет научные публикации, авторское свидетельство на изобретение, более 30 литературных публикаций (стихи, проза, песни) в тематических сборниках и альманахах, в журналах.

Участует в международных литературных конкурсах, литературных конкурсах песенной поэзии, фестивалях песни и творчества. Награждена дипломами фестивалей и конкурсов. На стихи написано 6 песен, одна из которых стала гимном фестиваля светской духовной авторской песни и творчества «За солнцем вслед».

Действительный член Международного Союза писателей «Новый Современник».

Член Литературно-музыкального объединения «Галактика». Член Музыкально-литературного Клуба «Добры настрой».

В данный момент работает над сборником детских песен и циклом рассказов «Жизнь из чудес».

Алла Шикович



Родилась 30 июня 1978 года в городе Минске. В 1995 году стала студенткой Минского государственного лингвистического университета, который впоследствии успешно окончила, получив специальность «преподаватель английского языка и испанского языка». В настоящее время работает частным преподавателем английского языка.

С юности увлекается литературой, пишет стихи и песни на русском и английском языках. Стихи печатались в альманахах

«Літаратурны экватар», «Гоман», «Талент», «Содружество», в газетах «Знамя юности», «Женский калейдоскоп», в журналах «Алеся», « Я – Женщина», «Однако, жизнь», на литературном портале www.stihi.ru.

Участница трёх томов коллективного сборника «Гаманлівае дрэва любові: выбраныя творы», коллективного сборника духовной поэзии и прозы «За всё Создателю спасибо» (Минск, 2018).

Дважды номинант национальной литературной премии «Поэт года-2013» и литературной премии «Наследие-2015», учредённой Российским Императорским Домом совместно с Российским союзом писателей.

Номинантка премии имени Сергея Есенина «Русь моя-2018».

Член Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Юрый Мельнікаў



Нарадзіўся ў Мінску 10 лістапада 1976 года. Закончыў сярэднюю школу № 69 у 1994 годзе. Працягваў навучанне ў сталічным Дзяржаўным педагагічным каледжы № 1, дзе атрымаў кваліфікацыю “настаўнік беларускай мовы і літаратуры” у 1997 годзе. Далей вучыўся на вячэрнім аддзяленні факультэта беларускай філалогіі і культуры ў Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка, дзе атрымаў кваліфікацыю “выкладчык беларускай мовы і літаратуры”.

Працаваў педагогам-арганізатарам у мінскай сэрэдняй школе № 86, настаўнікам беларускай мовы і літаратуры, супрацоўнікам паштовага аддзялення, загадчыкам гаспадаркі на прыватным прадпрыемстве. На дадзены момант працуе ў камерцыйнай фірме.

Размяшчаў свае творы на старонках газет “Раніца”, “Наша слова”, “Наша ніва”, “Настаўніцкая газета”, “Беларуская Ніва”, “Народная газета”, “Минский курьер”, часопісаў “Вясёлка”, “Першацвет”, “Роднае слова”, у альманаху “Панядзелак”, “Літаратурны экватар”. Публікаваў навуковыя матэрыялы ў зборніку

“Святое Евангелле. Праблемы перакладу на беларускую мову”.
Аўтар кнігі прозы “Калі сны здзяйсняюцца...”.

Вера Феоктистова



Родилась 5 декабря 1939 года в селе Новый Буян Куйбышевской области. Окончила школу, техникум, институт, причем последний – в 49 лет с отличием. Долгое время проживала в Минске, полюбив его всем сердцем.

Писать стихи начала в седьмом классе, когда впервые влюбилась, и до сих пор успевает только записывать, когда они льются сами. Любимые поэты – Пушкин, Сергей Есенин, Александр Рождественский, Анна Ахматова, Эдуард Асадов, Инна Кашежева.

Автор поэтического сборника «Бог, Земля и Я». Активно пробует свои силы в прозе. Публиковала свои произведения в журнале «Тайны XX века» (Санкт-Петербург), в альманахе “Літаратурны экватар”.

В 2017 и 2018 годах открыла для себя Европу (Франция, Бельгия, Италия, Монако).

В конце 2017 года вернулась на родину, в Россию. Проживает в городе Сергиевск Самарской области.

Большой друг Минского литературно-музыкального объединения «Галактика».

Наталья Щирская



Родилась в 1967 году в Минске. Окончила медицинский институт. Долгое время работала врачом-психиатром. По стечению обстоятельств была уволена. А куда податься безработному врачу? Только в литераторы! Писать начала недавно, сочиняет маленькие рассказы о том, что наблюдает вокруг, чем восхищается и что заставляет биться ее сердце.

Поэзия

Слово мэтра

Каждый из представленных здесь поэтов большинством своих стихов мог бы быть напечатан, скажем, в журнале “Неман”. Я говорю не о всех стихах. Но у каждого есть такие, которые заслуживают газетно-журнальной публикации. Хотелось бы пожелать авторам-поэтам занимать и гражданскую позицию. В нашем «асяроддзі» столько явлений и проявлений конкретного абсурда, что стоит над этим подумать.

С уважением, Евгений Гучок (прим. Евгений Гучок – известный белорусский поэт и публицист).

P.S. Будь сегодня у меня редакторская власть, ни один из авторов этой рукописи не оказался бы в стороне от печатного станка. Конечно, хотя бы одним-двумя стихотворениями. Желаю всем добра и успехов на литературном поприще, тем более, что все Вы мало в чем можете уступить большинству членов, как одного, так и другого Союза писателей.

Ольга Ботяновская (Дедкова)

Кота сиамского проказы

художнику Маше Савельевой

Поэма

Сиамский кот спокоен и ленив.
Да, этот кот особенно красив:
Глаз голубых созвездие сияет,
Сиамский кот всё понимает.

Какая умилительная рожа!
Он – кот художника и сам художник.

В его квартире, полной превращений,
Где плавают медузы ощущений,
Где шорохи и призвуки витают
И своднями сомнения летают,

Так важно:
– Тапочки хотите?
Пройдите.

Сиамский кот лукаво улыбнулся,
Потом задумался и стал вдруг грустным.

Шафы натужились и распрямили спины –
На стенах проявляются картины.

Сначала будто из тумана,
Потом отчетливей, вполоборота, прямо

Идут в тебя, вживаются, тревожат.

«Бесплодие» –
На желто-серой коже

Измученной фигуры – платье смерти.
Здесь не рожденные рыдают дети,

Из треснутого лона льется жизнь
И отправляется навеки в землю.
Так погибает свет любви во лжи,
Неплодоносным умирает семя.

Мой гид моргнул:
– Вам, кажется, понятно.
Да, на стенах картины, как заплаты,

Как будто крови корочка засохшая.

И чем больней, тем понимаешь больше.
...Я задыхаюсь.
Стало тесно, трудно.
Часы сквозь стену бьют, как молот, нудно.

Обои старые
Свисают клочьями.
Стена, как пьяница,
От боли скорчилась.

Куда ни двинешься – везде стена.
Один шажок – и край окна.

Нет жестам выхода,
Нет крыльям выпада,
Нет сердцу отдыха,
Нет легким воздуха.

...И снова проявляются картины:
Портреты и пейзажи,
Как витрины.

И смотришь в мир иной,
Преображенный.
Иходишь в небо.

Там, вдали – иконы.

Сквозит там горный
Недоступный свет,
Виднеется размытый чей-то след –

Дорога без перил и перекладин,
И – суетное остается сзади.

...О, так легко, как бабочка, вспорхнуть!
Ромашки с васильками рвутся в грудь.
О, этот бег по солнечной кривой,
По восходящей – прямо в мир иной.
И я бегу, бегу, бегу.
Мне всё легко, я все могу.
Могу я за хвосты ловить кометы
И видеть то, о чем читала где-то...

Друзей ушедших нежные черты
Явились вдруг, как тени из воды.

...О, бабушка, ты столько лет мне снилась.
Я образок твой на груди носила,
Молилась я и крестик целовала.
Из тьмы судьбы, квартир-полуподвалов
Меня несла неведомая сила...

Я падала и подымалась снова.
Искала я в себе живое снова,
Искала я свое живое слово,
Друзей искала и не находила,
Но ты несла меня, неведомая сила.

Что говорить о прошлом? Уж не важно,
Оно ушло корабликом бумажным,
Листом пожухлым осенью сгорело
И сеном непросушенным сопрело.

Ушло, ушло. Но свет, и жизнь, и силу
Ты, память о любимых, мне дарила.
Минуя годы, горы, расстояния,
Я к вам спешу, родные, с покаянием.

Ромашкой и рябиной пахнет детство.
Я слышу звуки колыбельной песни,
Я легче стрекозы на этом свете,
Да, я – река, я – куст, я – лес, я – дети.
Я – все, я – всё, что искренне любила.
Любовь – мои расправленные крылья.

На цыпочки подняться и – взлететь.
Возможно всё, лишь нужно захотеть.

– Вы увлеклись, –
Сиамский кот мякнул.
– Вдруг лоб побьете, –
И лизнул мне руку.

– Я видела дорогу в то пространство.
– Туда сквозь стену не пройти, опасно.
А, впрочем, это невозможно даже.
Так вы уходите? Вот шляпа ваша...

...Забыла, что везде дома такие.
Труб водосточных вытянулись выи,
На лестницах кошмарных – перебранки,
На стенках грубых багровеют ранки.

...С грязных стен сдирали больно кожу,
Эти стены на людей похожи:
Ёжатся, ругаются, плюются...
Ночью стены меж собой дерутся,
Воют как-то озверело трубы,
И дома крошатся, словно зубы.

Через эти лестницы – в квартиры,
Через дух зловонный, серый, сирый,
Через брань и ада постоянство,
Через блуд и похоть, бедность, пьянство –
В то жилище, где кровать и книги,
Музыка, картины и вериги...

Выходить на лестницы не надо,
Выход здесь, как на картине – рядом.
Шаг в окно – с высоких этажей,
Ходят так иные, кто слабей.

Я, как все, лавируя, ругалась.
Я, как все, стремилась, спотыкаясь,
Вниз к земле, на воздух, на природу
К корешкам, к цветам и на свободу,
По ступенькам (что ни шаг – то пытка),
Как по скалам шла я в дверь открытую...

Кот сиамский на траве разлегся.
– Вы так быстро, кот! Вы как успели
Или птичкой сверху прилетели?

– Что за недогадливые гости!
Получилось вдруг через картину.
Прыгнул на лужайку – грею спину.

– Видимо, такие превращения Для
котов возможны и растений.

Сколько ж людям надобно трудиться,
Чтоб летать свободно, будто птицы,
Чтоб входить в луга через картины
И сиять на солнце апельсином.

– Кот, у Вас завидная прыгучесть.
– Кот художника – такая участь.

...В гости я в детстве ходила без спросу,
В ручках несла золотые колосья.
Их тонкие грани
На солнце играли.

Но нет тех полей, чтоб колосья собрать,
И солнца, чтоб грани лучом накалять.
Роняя на землю щемящие звуки,
Как души, летят над рекой незабудки.

Светлый их след полосой голубой
В небе всю жизнь проплывал надо мной...

Знаю – в раю незабудками пахнет,
Там райские птицы с широкими взмахами,
Там те, кого в гости не приглашали,
Там звезды, что в чистых озерах сверкали.

Но ни один художник в мире
Не нарисует тех незабудок...

– О, это очень трудно.
Кот ухмыльнулся и вскочил в квартиру.

...А вечером вдруг начиналось утро.
Шиповник цвел, как никогда на свете,
Цветы срывали маленькие дети,
Вдыхали аромат и хохотали.

Отцветшие каштаны зацветали,
Кивали мило веточки сирени,
Кончался май июнем иль апрелем.
Колечки солнц катились по дорожкам
В пруды – и воды дивно золотились.
Ныряли утки, клювики их, ножки
Мелькали и блестели в иле...

Все это было или мне приснилось.

28 мая 2007

Афанасий Ботяновский

Аухим Ботяновский

Мой пращур Аухим Ботяновский
Литовским* землянином был,
Своею фамилией польской,
Наверное, он дорожил,

Гордился старинною саблей,
Которой клинок был остёр,
Хотя без косы и без граблей
Немыслим землянина двор.

Себя звали шляхтой земляне,
Но жили без права на герб,
И пусть они полудворяне,
Нелёгким землянский был хлеб:

Под ветром холодным, под сильным
Дождем, по траве, по грязи
Им нужно – то в Ригу, то в Вильно
От пана листы развозить.

Именье в любую погоду
Землянина долг – сторожить,
Крестьян отправлять на работу
И строго за ними следить.

А если прикажет отчизна,
А если прикажет король –
В сраженьи пожертвовать жизнью,
Литовский землянин, изволь!

Так было еще до России,
Пил шляхтич за Польшу до дна,

Но вскоре пришли непростые
Для наших панов времена.

Аухим жил землянином вольным,
Он саблей гордился как пан,
Но внук его всё же пополнил
Сословье казённых крестьян.

Нет вовсе сегодня сословий,
Землян встретишь разве в кино.
Старинное гордое слово
Забыто в народе давно.

Но, Род мой, не канул ты в Лету,
И время пронзил как стрела:
Столетий величьем воспета,
Фамилия гордо жила.

Аухим, пред Тобою ребенком
Стою и невольно дрожу,
Своею фамилией звонкой,
Как некогда Ты, дорожу.

Я каждое новое лето
В тот край приезжать полюбил,
Где Ты, о далёкий мой предок,
Землянином честно служил.

**Литовский землянин – слово «литовский» в данном стихотворении использовано в историческом, а не этническом смысле; до середины девятнадцатого века некоторые регионы современной Беларуси называли Литвой; соответственно, слово «литовский» в те времена употреблялось как синоним слову «белорусский». Мой пращур Аухим Ботяновский жил в первой половине восемнадцатого века.*

Апостол Иоанн

В предание одно я бесконечно верю,
Оно мне греет грудь, как Божий светлый лик:
Как будто бы живет в заброшенной пещере
Апостол Иоанн, Иисуса ученик.

Он жив, нам говорят, он жив теперь, как ране,
А длинный жизни путь ему от Бога дан
За то, что верен был Христу, что от страданий
Его не убежал подросток Иоанн.

Не прятался в садах, не прятался в подвалах —
Тот верный ученик Марию утешал.
Не жил он во дворцах, в роскошных не был залах,
И слова звонкий дар ему Спаситель дал.

С могучим даром тем в столетья роковые
Пойдет по свету он с Енохом и с Ильей,
И все обличены пороки будут злые,
И будут казнены пророки злой толпой...

А нам? Что делать нам? Какая ждет нас доля
Всех, преданных Христу и телом и душой?
Мы скажем, как и Петр: «Вы не пугайте болью.
Распните, други, нас, но книзу головой».

Сентябрьский беглец

Бегу — не от людской гордыни:
Страшит высоких Башен взгляд.
Гляди — дымит в небесной сини:
Там, в небе, разгорелся ад.

Как будто во Вселенной тёмной
Сигару курит некий бог.
Увы, всегда беда напомнит
О Вечности в тисках дорог.

Я не зову себя поэтом,
Но чую стихотворный зуд,
И кажется: дрожит планета,
Поверив в Страшный Божий Суд.

И, чувствуя стиха рождение,
Я говорю Тебе, Народ:
«Поэта первый крик – знаменье
И... заключительный аккорд».

Другу стихотворцу

Не знаю почему, ты любишь жесткий стих,
Прямой, как взгляд, и – каменно-железный.
Ты любишь, чтобы он закручен был и лих,
И – обязательно! – полезный.
Не знаю, брат и друг, я тоже слаб, как все.
И, может быть, я струшу перед смертью.
Хотя, возможно, нет. Не знаю. Но тебе
Желаю твердым быть в час лихолетья.

Есть люди на Земле, которых бесит Мгла
Среди беззвездной и холодной Ночи,
Которые в себе таят полет орла,
Высокий дух и юношеский почерк.
Не знаю, как Господь построил этот Дом –
Поэт среди Пустыни строит души.
А Самозванец сел на светлый божий трон,
Отрезав многим языки и уши.

Немного золотых, святых минут стучит.
Ты скажешь: все равны под небесами...
Но что же человек по-разному глядит –
То ясными, то грустными глазами?
Вскормила нас с рожденья мамы грудь,
Любовь, очаг... Откуда прозябанье
Выводит нас на темный скучный путь,
На мыслей мглу, на скорбное молчанье.

По небу миллиард серебряных монет
Бог разбросал всем щедрою рукою.
Но горсти нет такой, и башни даже нет,
Чтобы сравняться с дивною Мечтою.
И кто простым путем свой добывает хлеб,
Увидит с неба сказочные виды.
А кто-то вспомнит Мглу и фараона склеп.
А кто-то не заметит пирамиды.

Мое лицо лаская светом,
Ты смотришь на роскошный пир...
Однообразные куплеты,
Насмешливые звуки лир

Мое нутро лишь раздражают...
Быть может, я совсем не то
Хочу услышать, но решает
За всех – Вселенной Решето.

Предметом этим управляет
Не друг, не брат, не кум, не сват.
Спокойно Некто отправляет
Кого-то – в рай, кого-то – в ад.

И я назвался обреченным,
Прищуренный увидев глаз,
Казался всем кувшином стройным
Среди китайских ярких ваз.

И я назвал тебя сестрою,
С соперником, как братом, сев.
А под высокою звездою
С ягненком шел спокойный лев.

Моя Снегурочка

Снегурочка, моя родная,
Глаза твои всюду блестят...
Гляди – огонь горит играя,
Поленья в пламени трещат!

Ты поддаешься красной пляске,
На язычки костра глядишь,
Но вдруг (наверно, вспомнив сказку)
Ты прочь от пламени бежишь...

Бескрестный ход

Без мудрости, без мысли, без чести, без лица,
Ползет, ползет телега – без неба и творца.
Вперед толкают люди, и песни их – гнетут,
И над душой-пустыней тела свои несут.

Как будто черной церкви идет бескрестный ход,
Капустой кислой пахнет и тиною несет.
Глоток твоей молитвы прославит Божью высь.
Не бойся холодов ты, иди, не глядя вниз!

Сторицею воздастся – телегам и чертям!
Мы будем верить в небо – и на земле, и Там.
Будь тверд! Пускай фальцетом толпа себе поет.
Пускай идет бескrestный, пока незряч народ...

Ищу гармонию в Природе

Ищу гармонию в Природе:
В Природе нет Добра и Зла.
Звезда на тихом небосводе
Влечет поэта и вола.

Я знаю: в сердце у коровы
Есть место только доброте.
И мне дороже бестолковой
Столицы – птичка на кусте.

Красивых пёстрых магазинов
Милее мне весенний сад.
И фар светящихся машины
Милее лошадиный взгляд.

Быть может, для кого-то новость,
Быть может, обезумел я,
Но есть душа и у коровы,
Но есть душа и у коня.

Космическое есть сознание
И в человеке, и в траве,
И, кажется, всё мирозданье
Сосредоточено в цветке...

В каком бы городе я не был,
Я задавал вопрос не раз:
Мы, люди, далеки от Неба
Иль Небо далеко от нас?

Я вижу брата в каждом звере,
А в каждой ласточке – сестру.
Живя под Небом, я поверил,
Что никогда я не умру.

Я просто растворюсь в Природе
(Уходит так вода в песок),
Я во Вселенском огороде
Бессмертный пламенный цветок.

Внизу – трава, а выше – Космос.
Я – во Вселенной, и во мне –
Вселенная. Хоть мал я ростом,
Я не живу в духовном сне.

Близка мне радость селянина.
Как он, Свободою живу,
Себя зову Природы сыном,
Влюблён в зеленую траву.

Когда-нибудь, надеюсь, встану
И я во весь духовный рост
И прошепчу, от воли пьяный:
«Как близко до бессмертных звёзд!»

Скажу я, блеск презрев Парижа,
Плененный сельской красотой:
«Здесь Небеса как будто ближе,
Здесь до Луны подать рукой».

...Живет Вселенская свобода
В глазах задумчивых вола.
Ищу Гармонию в Природе:
В Природе нет Добра и Зла.

Стихи честного гедониста

Зло – это голод.
Зло – это боль.
Зло – это холод,
Рваный подол.

Счастье – не слезы,
Счастье – пиры,
Сладкие грезы,
Сладкие сны.

Зло опошляет
Сердца порыв,
Зло посыпает
Солью нарыв.

Зло осуждает
Сладкие сны,
Страшно карает,
Бьет без вины...

Боги, о, Боги!
Я – человек.
Там, за порогом,
Кончится век.

Выпало маяться,
Выпало жить...
То, что нам нравится,
Будем ценить!

Добрый ли демон,
Ангел ли злой,
Я не смиряюсь
С серой тоской!

Грубое, злое –
Брошу во тьму.
Всё остальное –
Честно приму!

Противоборство

Этим мертвым вещам
(И кровати, и стулу),
Этим злым голосам
И вселенскому гулу,

Этим тягостным снам
И физической силе,
Этим желтым огням
И холодной могиле, –

Что могу им сказать
И противопоставить?
Я смотрю в небеса
И бужу свою память...

Я, конечно же, слаб:
Крики режут мне ухо.
Но я всё же не раб,
Ведь свободен я духом.

Прозвеню я строкой,
Докажу свою силу.
А не я – так другой:
У кого крепче жилы.

Фонограмма

Перед публикой с цветами
Тенор или баритон
Под аккорды фонограммы
Шепчет песню в микрофон.

«Мертвой» музыкой искусной
Зал, конечно, покорен.
Словно кобра на индуса,
Смотрит зал на микрофон.

Голосок ненастоящий
Взрослых радует людей,
Что ж, игрушкою блестящей
Забавляют так детей.

Фонограммой зал доволен,
Но душа полна тоской,
Если ближе ей Бетховен,
Легкий Моцарт, Григ живой.

Отдается в сердце верой
Поступь Баха-мудреца.
В Гайдна, Глинку и Равеля
Веруй, друг мой, до конца.

Символисты

И ныне есть на свете символисты,
Что любят Бога и не терпят лжи,
Что языком возвышенным и чистым
Зарифмовать способны нашу жизнь.

Но им не верит публика. Понятно,
В железном веке символ – это грим,
И даже Блок нам кажется невнятным:
Двух мировых его окутал дым.

Высокий слог безумием зовется:
Его редактор точно не простит.
Иное дело: мат, презрение... Бродский,
Взяв Нобеля, привнес их в русский стих.

Идеализм, наивность – вне закона,
Они сегодня – смертные грехи.
Давно с литературного амвона
Их проклинали, дав кличку: «не стихи».

Слог благородный – он теперь не в моде.
Литературный нынешний бомаонд
И Блоку бы сказал, что «не народен»,
И Гумилева бы послал в расход.

Кто моден? Образованные дамы,
Что любят водку, мат и бурный секс?
Мещанские поэты? В них ни грамма
Нет благородства: чистоплюи все!

Но есть творцы...они дорогой серой
Идут, поверив в правду на кресте,
И пишут об отчизне и о вере,
О звуках мира, не о суете.

Их не найти теперь в крутых журналах,
Но время аллегорий не прошло.
Довольствуются малым? Нет, не малым,
Поэтов поднимая на крыло.

И ныне есть на свете символисты,
Что любят Бога и не терпят лжи,
Что языком возвышенным и чистым
Зарифмовать способны нашу жизнь.

Коты

Как известно, коты – короли,
Что достойны людей похвалы.
Почитанья святой фимиам
Пусть струится к кошачьим ногам.
Оды, песни, улыбки, цветы –
Всё для вас, дорогие коты!
Человека задача трудна:
От рассвета и до темна
На работе свой пот проливать,
Чтоб себя и кота содержать.
Но иная судьба у кота,
Его миссия очень проста:
На крылечке лежать и балдеть,
И на мир наш блаженно смотреть.
Человек, потрудись, и потом,
Может быть, ты родишься котом!

Стихи современного символиста

Я – современный символист;
В плену своих мечтаний,
Порой стремился птицей ввысь,
Порой блуждал в тумане.

Моим возвышенным стихом
Меня же попрекали:
«Не так ты пишешь, не о том,
Не в те ты смотришь дали.

Жизнь – не туман, жизнь – это твердь,
Твердь дарит нам занозы.
Сырой могилой пахнет смерть,
А не прекрасной розой».

Не спорю я, есть здравый смысл
В подобных рассуждениях.
Печально, если гибнет мысль
В тумане откровенья.

И всё же: пафос иль цинизм?
Что лучше? Не по нраву
Мне всё, что тащит душу вниз,
Пушай и дарит славу.

Стихи иных – мышьяк для крыс,
Для мушек – паутина...
Кто я? Безвестный символист.
Ну что ж, зато не циник.

Оригинальный взгляд на поэта

Кто мучается – тот поэт.
Не важно: пишет или нет.
Христос элегий не создал,
Но, боль познав, поэтом стал.

Не тот, конечно же, поэт,
Кто свой имеет кабинет,
Кто ест с икрою бутерброд,
Пять книжек выпускает в год.

А тот поэт, кто в злой мороз
Твердит строку себе под нос,
Строфу, страдая, написал,
Что безупречна, как кристалл.

Кто мучается – тот поэт.

Литераторы (шуточное)

Написала книжку
Шустрая мартышка.

Графоман хорёк
От усилий взмок.

Ласковая кошка
Пишет у окошка.

Миленький стишок
Накропал сурок.

Сочиняет слон,
Что в луну влюблён.

Проливает пот
Над стихами крот.

А романтик страус
Написал про парус...

Юному поэту

И на привале, и в бою,
И над покоем, и над бездной
Ты выверяй строку свою,
Желая миру стать полезным.

И коль строка не задрожит
Перед лицом судьбы грозящей,
Ее ты вправе, друг пиит,
Назвать строкою настоящей.

Путник

Я судьбу стихам вверяю:
Пусть как хлеб крошатся строки,
Рифмы, словно птичью стаю,
Стилем приманю высоким.

Я обидчиков – прощаю,
Не виню за зло и беды.
Кровной мести не желаю –
Я небесной тверди предан.

Сколько разных песен слышал:
Нежных, матерных, унылых...
Ветер, что скользил по крышам,
Нес мне свет и неба силу.

Смотрит Бог любвеобильный...
Здравствуй, Вечность! Здравствуй, Небо!
Пусть звучит напев старинный –
Для меня он вроде хлеба.

Мои стихи охрипли! – Толпы
Предпочитают пить и есть,
И поэтические стопы
Забыты, как любовь и честь.

Мои стихи – в сыром окопе
Солдаты, что пойдут на смерть,
Чтоб в каждом стихотворном тропе
Бездушию в аду гореть.

Мои стихи – они для битвы,
Но в них не только злобы плоть:
Мои стихи – мои молитвы.
Надеюсь, примет их Господь.

Надо мною созвездья блещут.
Предо мною пылится дорога.
Полюбил я задумчивый взгляд
И молчанье распятого Бога.

Почему я влюблен в этот взгляд,
Что, как небо, глубокий и синий?
Просто двадцать столетий назад
Бог томился в похожей пустыне...

Когда тоска под вечер душит,
Тогда за карандаш берусь,
Своим стихом лечу я грусть,
Поэзией врачую душу.

А если не идет строка,
Тогда Псалтирь я открываю,
И слову светлому внимаю,
И вновь душа светла, легка.

Ода Музыке

О, Музыка, ты – часть Вселенной,
Как мне еще тебя назвать?
Идей и чувств Зарей священной,
Когда закончились слова.

Мной сотворенная в тиши,
О, ты – Великая, живая!
Родник моей живой души.

И светлое твое рождение
Мне Богом благословлено,
Твое звучащее спасение
Всем душам трепетным дано.

И пусть волненье и сомнения
Ведут к высотам по пути!
С тобой усталости забвение
От серых будней защитит.

Ведь всё же творчеством на сцене
Мой труд окупится сполна,
Мелодий чудных исполнением
Души Вселенная полна!

О, Музыка, ты – глас Вселенной,
Мой благовест и благодать!
Стою коленопреклоненный,
Хочу от радости кричать.

Ты – Чудо, светлое явление,
И ставшие вдруг явью сны,
Мои священные мгновения
Всевышним с музыкой даны.

Длинными вечерами

Когда под вечер (страшный миг!)
Себе кажусь я серой мышкой,
Беру я с полки, полной книг,
Заветный томик, как мальчишка.

Богемный офицер, эмпирик.
Вот Пушкин и Есенин-лирик,
Вот успокоенный Рубцов...

Я шлю хвалу моей судьбе
За частые с искусством встречи.
Поэты, рыцари небес,
В духовной выстоять борьбе
Мне помогают каждый вечер.

Евгений Вермут

Из несбыточного

Я опять к телевизору льну –
Может кто-то расскажет о чуде,
Может, снова покажут страну,
Где живут только добрые люди.

И увижу я старенький двор,
Оглушающий гомоном детским,
Где старушки ведут разговор,
Временами бранясь по-соседски.

Там, где бьют в домино старики,
А на лавке приемник играет,
Где деревья еще велики,
Но мальчишки об этом не знают.

У мальчишек немало забот:
Догонялки, рогатки и прятки...
Мальчиши – реактивный народ,
У которых всегда все в порядке.

Жаль, что память немного во мгле,
Да и сам в этой жизни лишь зритель.
Для меня, как для всех на Земле,
Старый дворик – святая обитель.

Не вернется мой детский уклад,
Хоть не хочется с этим смириться.
Выключаю опять аппарат –
Может что-нибудь ночью приснится...

Не наваливай горы желаний...

*Чем больше воздушный замок, тем труднее выбираться
из-под его обломков!*

Не наваливай горы желаний –
Не пройдёшь через несколько лет.
Помечтай до умеренной грани,
Там, за гранью, кончается свет.

Доползешь до мечты своей мнимой,
Но, уже за последним бугром,
Кто-то в сердце, по-детски ранимом,
Безвозмездно устроит погром.

Не врагом для Судьбы стань, а братом,
Обращая все трудности в дым.
Будь умеренным – станешь богатым.
Будь уверенным – станешь святым.

Невероятное

То ли горе, то ли радость –
Растерялись мы.
Снег зачем-то начал падать
Посреди зимы.
Что за новая угроза
От небесных слуг?
Вновь откуда-то морозы
Появились вдруг.
Улетучились туманы,
Обнажили день.
Я хожу с утра, как пьяный.
Мне ходить не лень.
А народ весельем пахнет,

Он какой-то свой.
Думал я, что город чахнет,
Ну, а он живой.
Все друг другу страшно рады,
Словно от вина.
Все не так, но жить-то надо.
Жизнь, она одна.
Снова кутаться придется,
Если так пойдет.
...Может больше не польется
Дождь на Новый год.

Монолог того, у кого душа в пятках

Наступила зима на пятки,
И замерзла моя душа.
Тают льдинки – души остатки –
Эта жертва зиме нужна!

Но не жертвы хотел я ныне,
Охлаждая свой ценный груз.
Пусть душа моя в пятках стынет,
Не подумайте, что я трус.

Поговоркам таким не верьте,
Поговорок фальшивых тьма.
Я оставил горячим сердце
И немного припас ума.

Что с того, что я стал построже
Относиться к себе и к вам.
Верх нелепости лезть из кожи,
Доверяясь чужим словам.

Сколько раз уже ошибался,
Расшибая о стену лоб.
Я не дятел, но задолбался,
Хватит шишек уже по гроб.

Время делается тревожней.
Стало нормой всюду грешить.
Надо, надо быть осторожней,
Если хочешь еще пожить.

Без сна

Засыпаю.
Уткнулся носом в плечо
Жены.
Она тихо сопит.
Не знаю,
Что ей снится.
Хотелось бы знать еще,
Отчего ей так сладко сопится.

Тишина.
На улице снег с дождем...
Никого.
Ни машины, ни крика.
Завтра вместе с женой в магазин пойдем,
Только ноги болят дико.

Засыпаю, но
То ли громкая тишина,
То ли ноги кричат от боли.
Есть желание спать.
Не до сна.
Не до сна!
Выпить кофе покрепче, что ли.

Не получится.
Пил
Три часа уже как.
Вот, привычка – похуже прочих.
Гайкой вжался со страхом в кровать-верстак
В ожидании доброй ночи.

Только добрая ночь в эту ночь что-то зла
Под желанным моим одеялом.
Затаилась в тиши и тихо ждала,
Будто места на улице мало.

Мысли в ряд,
Как подгнившие зубы во рту,
Беспокоят, но жалко несчастных.
Злюсь на них и еще на свою доброту,
Но без мыслей остаться ужасно.

Засыпаю...
– Что, утро уже?
– Нет, день.
– Как же так, я не спал до упора...
Ночь сбежала внезапно,
Оставив мне тень,
Как намек.
Значит, встретимся скоро...

30.01.2018 г.

Мир поэта из палаты №...

*Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую...
(С.Есенин «Русь советская»)*

Мне кто-то у виска
Покручивает пальцем,
А у меня тоска.
Сочувствую страдальцу.
Не страшен его сглаз,
Он сам в сплошной проблеме,
Ведь кто больной из нас,
Рассудит только время.

Есть истина одна
В одной духовной нише:
Не зря стоит стена,
Пока на месте крыша.
Но, если вдруг она
Поедет ненароком,
Причина здесь одна –
Ваш дом вам вышел боком.
Наш мир – больничный двор:
Кто лечится, кто лечит.
Для мыслей есть простор
И темы есть при встрече.
И как ты не кричи,
Что сбредила природа –
Одним нужны врачи,
Другим нужны доходы.

Сломать кому-то нос,
Наверное, не сложно,
Но этот симбиоз
Разрушить невозможно.
Пусть бьет судьба под дых,
Уверен шизофреник –
Есть хвори для больных
И нет врачей без денег.

Услышал как-то лесть:
– У вас ума палата!
Палатой номер шесть
Звалась она когда-то.
Я сразу не постиг
Секрет его сарказма,
Лелея долго миг
Душевного оргазма.

Палата номер шесть..., –
Осмысливал я строго, –
Уже шестая есть.
Не знал, что нас так много.
Ну, значит, все путем.
Мы – избранные люди.
Напишем, наплетем,
И мир счастливым будет.

Уйдет навек тоска,
Забудем про страдальцев,
Как долго б у виска
Нам не крутили пальцем.
И сколько б в след плевать
Нам смели бы при этом,
Мы будем воспевать
Любовь, цветы и лето.

Вышли в финал?

Инопланетный разум или земная дикость?
Что победит в итоге? Станет ли он концом?
Мир справедливый в грезах, в практике лишь двуликость.
Суть человека в духе, но не с таким лицом.

Зря истязали Землю, сея в народах ропот,
Жизнь заменяли страстью, дом превратив в казну.
Всей человеческой расе не пригодился опыт.
Опыта было много, чтобы вести войну.

От золотого гнета трудно освободиться.
Будем гордиться вечно нажитым в нем горбом.
Тысячи лет на деле были в плену амбиций.
Если свободным не был, так и умрешь рабом.

Елизавета Дашко

Поэзия

Опять пришла весна. Опять природа
Богатством нежных красок расцвела.
Налились синью выси небосвода.
И дни теплы, и ночь уже тепла.

И снова от восхода до восхода,
Какая бы погода не была,
Душа поет, наивна и светла,
Расчувствована вновь весны приходом.

Не счесть, как много весен за спиной,
Но сердце вновь в груди от счастья млеет,
Лишь снег сойдет и лист зазеленеет.
Пока душа пленяется весной,
Пока весна приходит, землю грея, —
Поэзия останется со мной.

Покой

Над стихнувшим в безлюдье садом
Застыл ветвями скрытый свет,
Колеблем воздух листопадом,
Которому скончанья нет.

О чем еще желать, дыша
Лишь безмятежностью блужданий?
Спокойна лишь тогда душа,
Когда свободна от желаний.

*(перевод с польского стихотворения
Теофила Новосельского)*

Человеческое сердце, как изменчивое море,
Как изменчивое море, безгранично и бездонно.
Человеческое сердце в глубине своих просторов,
Как изменчивое море, настроением непреклонно.
Человеческое сердце, как изменчивое море,
Часто дуется и злится, будто брови тучи хмуря.
Сердце, также как и море, изменяет облик вскоре:
То покоя безмятежность, то опять ненастье, буря.

Как изменчивому морю, сердцу в пасмурном уборе
Нужен солнца лучик ясный для безоблачной погоды.
Человеческое сердце, как изменчивое море,
Есть прямое отраженье чистой выси небосвода.
Как среди ночного мрака в изменяющемся море
Звезды ясные, сверкая, в отражениях зависли,
Так и в сердце человека в темную ночную пору,
Ясным пламенем мерцают его собственные мысли.

В вящем сердце человека, как в огромном море синем,
Прячутся большие рифы, друг о друга трутся скалы.
Как в меняющемся море, в сердца потайной пучине
Есть на дне жемчужин бисер и прекрасные кораллы.
Человеческое сердце, как изменчивое море,
Всё бесценное, родное в глубине своей скрывает,
Но среди коварных рифов, где скрывает пики горе,
Человек, как лодку в море, быстро сердце разбивает.

Кацярына Мяшкова

Узгоркі тытунёвой жаўціні
Засыпаў снег няроўна, паласата:
Пячорныя малюнкi адрасата
Сучаснага шукалі ў цішыні.

А можа птушкі казачнай шпацыр
Малюнкам стаў для снежнага кіліма?
І лапкамі птушыных пілігрымаў
Снег счырканы амаль што з раніцы.

Узгоркі лістападнай жаўціні,
Што снег засыпаў пухкі, невялікі,
Трымаліся за сонечныя блікі
І снежнае чакалі глыбіні.

Бераг

Бераг – пясчаны каток,
Калі адбывае хваля,
Мяне ў танцавальны гурток
Паблажліва заклікае.

І вецер бярэ пад руку,
Спрыяльны да бальнай спробы,
І мой танцавальны тур,
Настойлівы як хвароба.

Вада адмывае сляды –
Адбітак майго імпэту
З няздоўжаным танцам тым,
На самым краі сусвету.

І роўнядзь пясчаных дзён
З арэхавым мокрым брыжам
Маім танцавальным жыццём
Была разбуральна ўзвышана.

Калядны верш

На Прагу сыйшлі Каляды,
У крупках нябеснай манны.
Чароўных мастоў далягляды
Ўпрыгожылі свет старанна.

Яліны урачыстыя вабяць
І водар святочны гайдае.
А шчасце хаваецца, мабыць,
Дзе зорка калядная ззяе.

Лесвічка

Замшэлая лесвічка зноў да крыніцы
І белыя козы між дрэў скрыжаваных,
Нібы вартавыя ламоткай вадзіцы,
Увосень таксама гаюча-жаданай.

З ёй восені слодыч лагодна бруіцца
Па сцежках, пазначаных коз капыткамі.
Яны – светлякі паміж мокрай ігліцы
Бязлістага леса, што сочыць за намі.

Узлескамі цянецца ён да крыніцы,
Мінаючы ўчэпістых прыступак схілы.
І хочацца мне ў цішыні загасціцца,
Як лесу сярод чысціні небасхілу.

Як козам, што лесу ідуць падзівіцца
І дрэў скрыжаваных пазначыць галіны.
Замшэлая лесвічка – крок да крыніцы,
Адзінай крыніцы святла несупыннай.

Дняпроўскі надвячорак

Чароды аблокаў нагадваюць горы –
Гарбатых нясе ружаватай ракою
Таго надвячорка, таго наватвору,
Што разам з Дняпром я адкрыю з табою.

Нагадвае блікамі сонца ундзіну,
Што срэбнаю грае лускою на хвалі.
Ты йдзеш па рацэ засяроджана-дзіўны
З вудзільнам шыкоўным, што ўсіх захапляе.

Там плынь зачарована бераг суседні
Наблізіць да нас разам з чапляй пужлівай,
Што ў зараснік збегла зялёны і летні.
Ля берага дражніцца рыба маўкліва.

Не верыцца рыбе, што ты яе сёння
Завабіш маленькаю плеченай мушкай.
І з хваляў дняпроўскіх рачнога ўлоння
Далоні рыбацкія рыбу загушкаюць.

Чароды аблокаў нагадваюць горы,
Калі надвячоркам лугамі мы крочым.
Адкрытае сэрца дняпроўскага мора
Мацуе каханнем і душы, і вочы.

Светлана Сердечная

Надо только захотеть

*«Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе...»
/ Андрей Дементьев «Как важно вовремя успеть» /*

Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе,
И гнев в душе преодолеть,
Чтоб не шипел там злою коброю.

Как важно руку протянуть,
Не дать сорваться в пропасть адскую,
И двери другу распахнуть,
И разделить с ним чашу братскую.

Как важно сумрак разогнать
С лица усталого прохожего,
В ответ улыбкой засиять
И скорбь души покрыть порошею.

Как важно вовремя успеть
Помочь, подставив плечи верные.
И надо только захотеть,
Чтоб в мире меньше стало скверны...

Голос Тишины

Песня

1.

Когда умолкнут звуки дня,
Мы будем слышать звуки ночи.
Недостижима тишина,
Коль весь наш мир молчать не хочет.

Спешат взахлёб все говорить...
Обидно – слушать разучились!..
Но чтобы душам со-Творить –
Нужна для каждой божья милость

Понять, принять, созвучной стать,
И паузу уметь держать,
И слышать Голос Тишины
Среди безумства мишуры.

2.

Достигнем Чуда Тишины –
Услышим Божье Слово сразу.
Готовы души быть должны
Внимать! Пусть вопреки соблазну...

Гармонии Заря придёт,
Когда друг друга будем слышать,
Непонимание падёт
С попыткой дальних всех и ближних

Понять, принять, созвучным стать,
И паузу уметь держать,
И – слышать Голос Тишины
Среди безумства мишуры...

Чигиринка

песенка о бард-рыбалке

1.

Дождик шёл по озеру
Капельками-ножками,
Ветер гладь озёрную
Украшал дорожками.
Вышивали макраме
Тростники с кувшинками,
Серебрило озеро
Солнечными рыбками.

Припев:

Чигиринка, Чигиринка,
Край сосновый, рыбный край!
Ты у всех стихий любимка,
Круг друзей своих встречай!

2.

Бережёт Дракончик Ра
Твой покой заботливо.
Тебя славят у костра
Песнею походною.
Барды гимн поют с утра,
Рыбки хороводятся:
Разбегается плотва,
Щуки следом носятся.

Припев:

3.

Много зим и много лет
Пролетит над озером,
Будут также сосны петь
На закате розовом,

И берёзок стройный хор
Восхищаться зоренькой,
Душу радовать простор
Водной глади созданной.

Припев:

За солнцем вслед

гимн фестиваля «За солнцем вслед»

Крылатые души слетелись на берег реки,
Их свет озарил нашу землю чудесным сияньем,
Волшебную радугу песней над миром зажгли,
И солнцем рассветным умылись и звездным мерцаньем.

Припев:

Крылатая душа летит за солнцем вслед,
Сама, как лучик, всё вокруг обогревает,
И дарит каждому Тепло своё и Свет,
Подняться людям добрым Словом помогает!

Мечты их слились, словно реки, в единый поток,
Искрящийся Верой, Любовью и Радостью светлой.
Теперь из него лишь достаточно сделать поток –
И полниться будет душа Красотою ответной.

Припев:

И трудятся Музы, своих не жалея даров –
Художникам, бардам, поэтам несут вдохновенье:
Крылатые души свободны от злата оков,
Бесценны для них лишь прекрасные жизни мгновенья!

Припев:

Приходим в мир, чтобы извлечь урок

Приходим в мир сполна извлечь урок
Любви, Преображения, Гармонии.
И посылает методично Бог
Все средства нам для этой церемонии.

Не счесть нам в жизни всех его даров
И благодати для Преображения,
И окружает каждого Любовь
Заботой нежной с самого рождения.

Всего лишь надо распахнуть сердца,
Настроить струны в такт её мелодии,
Которая не ведает конца.
Но... часто получаются пародии,

Когда душа закрыта на засов –
Не слиться с мировой ей Гармонией...
Впускайте же в сердца свои Любовь,
Участие примите в церемонии!

Первые шаги

Топай, милый мой малыш,
Топай по дорожке!
Ты увидеть мир спешишь –
Тренируй же ножки!..

Мир огромен и богат,
Полон знаний слитков.
Будет каждый тебе рад,
Если ты с улыбкой!

И не бойся ты вершин:
Сверху вид чудесен,
Мир из множества картин
Будет просто песней!

Помни: каждый должен спеть
Свой подарок миру,
Чтобы души смог он греть
В солнечном эфире!

Не подрезайте детям крылья!

Не подрезайте детям Крылья,
Пусть за мечтой стремятся ввысь!
Ведь страусов и так засилье,
Орлы ж – почти перевелись!

Не убивайте в детях Радость,
Пусть она плещется в глазах!
Для вас покойной будет старость,
И ей не будет вedom страх.

Любовь дарите щедро детям –
Им будет что вам возвращать!
За Будущее мы в ответе –
В нём Настоящего печать!

Музыка Мира

*«Из всех искусств – учитель Музыка. Она
Воспринимается сердцами все века...» (Пифагор)*

«Гностики считали, что музыка тесно связана с космосом и астрономией. Таким образом:

- 1. Ре – Regina Astris, Царица звёзд. Луна.*
- 2. Ми – Mixtus Orbis, Смешанный мир. Место, где смешиваются Добро и Зло. Земля.*
- 3. Фа – Fatum. Судьба.*
- 4. Соль – Solaris. Солнце.*
- 5. Ля – Lacteus Orbis. Млечный путь.*
- 6. Си – Sidereus Orbis. Звездное небо.*
- 7. До – Dominus. Бог».*

(Бернар Вербер «Тайна богов»)

В руках БОГА (До)
СУДЬБА (Фа)
ЗЕМЛИ (Ми),
которой очень нужна ЛУНА (Ре)
на ЗВЁЗДНОМ НЕБЕ (Си)
и СОЛНЦЕ (Соль),
украшающее МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ (Ля),
ведущий к БОГУ (До)

Итак: *До Фа Ми Ре Си Соль Ля До*

Звучит божественная Лира:
ДО начинает песню Мира.
У этой строгой ноты есть
Власть и Любовь, Добро и Честь.
Она дает посыл к свершенью
Судьбы для каждого мгновенья,
И нота ФА – рисунок наш.
Для ДО же это – карандаш,
Который всем канву рисует,

Планете нашей Путь дарует...
Земля – пронзительное МИ,
Где Зло с Добром ведут бои.
Луна нужна ей непременно:
В РЕ – тайны прячутся Вселенной,
Чей свиток в Звездном Небе – СИ
Являет эталон красоты.
Еще нужней Земле СОЛЬ – Солнце,
Как радость жизни, свет в оконце,
Как трепет Ласки, Жар любви –
Их щедро дарит СОЛЬ. А МИ
Должна принять дары душою,
Сиять лазурью голубою
В рисунке Млечного Пути,
Чтоб по ступенькам ЛЯ пройти.
ЛЯ – чудо-Лестница живая,
Всех к Истине зовет, сверкая...
Но запрещает строго ЛЯ
По ней взбежать с сумою Зла.
Бесспорно: проще с лёгким сердцем
Пройти земное наше скерцо.
Вы, хмураясь, не споёте ЛЯ –
У ДО задумка такова!..

Вера Феокистова

Я просыпаюсь. Вижу: в небе черном
Сияют звезды. Надо мной – Стрелец.
И тишина. Как в небесах просторно!
И это всё создал для нас Отец.
А я песчинка в божьем мироздании,
Всего лишь атом я, о, нет – микрон.
Приходит мысль, приходит осознание:
Меня зачем-то тоже создал Он.

У времени четыре ипостаси:
Вчера, сегодня, завтра и сейчас.
Вчера я был расстроен и несчастен,
Сегодня я любим, люблю всех вас.

Сейчас готов я в небо вознестись,
Потом – на землю волен возвратиться.
Пусть каждый миг душа стремится ввысь!
Не дай, Господь, ей в бездне очутиться.

Голубое озеро в Самарской губернии

Голубое блюдо – синие глаза.
Ручеек серебряный всё нам рассказал:
Ты бездонно, озеро, как бездонно небо,
В глубине твоей никто в мире не был.

Из тебя выходит чистый Божий Дух.
Ручеек об этом нам поведал вслух.
Я горжусь, что рядом долго я жила,
И любовь в душе своей миру принесла.

Пауки

Сидит Паук в банке
И выбраться не может,
Сидит банкир в Банке,
Своё богатство множит.

И мы как пауки
Ползаем по стенкам,
Идохнем от тоски
В безрадостных застенках.

Паук вьет паутину,
Банкира поджидая:
Богатство тянет в тину,
Лишая душу Рая.

Владислав Чистяков

Танки

Два монстра шли по вражеской земле
Неторопливою могучей ратью,
Сметая неприятелей во мгле,
Клеймя их Доты смертною печатью.

Земля дрожала, раскалялся ствол,
Безжалостною битвой утомленный.
Остановиться бы, но буря зол
Все бушевала в душах обреченных.

И вдруг удар! И встал один из них,
В пята фугасом вражьем пораженный.
Казалось, то его предсмертный миг
В снегах чужой страны непокоренной.

Однако возгремел, как глас Творца,
Его товарищ и продлил сражение
До самого победного конца,
Изгнав с триумфом призрак поражения.

...Пусть тело павшего забвению досталось,
Пусть к жизни он не возвратился, не увидел бой,
Но имя монстра-воина в истории осталось
Автографом стихии грозовой...
А сталь его в иных бойцов переплавлялась.

На спицах старого велосипеда
Сыграю вдохновенный гимн судьбы,
Песнь пламени, бушующей победы,
Покоя песнь и песнь лихой борьбы.

Откликнется природа песнопеньем,
Мне громы в такт сурово прогремят,
Допишут струи ливня сочиненье,
Его не в силах победить закат.

На спицах старого велосипеда,
Что лучше самых идеальных струн,
Сыграю гимн вселенского рассвета,
Понятный лишь тому, кто сердцем юн.

Двое во мне

Бессильем и страданием томимый,
Он жизнь свою и грезы проклинал,
Твердил: «Увы, судьба неумолима!»
А я смотрел на звезды и мечтал.

Я знал, что, несомненно, мало смысла
В моих полетах в выдуманный мир,
Что плоть не обретут мечты и мысли,
Но всё ж смотрел на звезды и творил.

Я понимал, что счастья не достану
С недостижимых благодатных высот,
Но звезды мне сказали: «Плакать рано,
Придет триумфа твоего черёд».

В обрамленьи Волос Вероники*
С незапамятных давних времён
Есть обитель прелестной богини,
Что поэтов зовет на поклон.

Там сверкают амурные грёзы
В будуаре священных светил,
И во мгле растворяются слёзы
Меж пылающих звездных могил.

Там вуаль нераскрытых секретов
Привлекает собой мудрецов.
И летают кометы сонетов
В ожерельях нетлеющих слов.

Там я вижу любви отражение
На поверхности давней мечты,
Там я вижу святое стремленье
К постижению вершин красоты.

** Имеется в виду созвездие Волосы Вероники*

Уносятся перышки слов
Ветрами ушедшего времени
В хранилище будущих снов,
А может, и в царство забвения...

Уносятся перышки слов,
Их часть растворится во времени,
Но многие в сонме веков
Вплетутся в иные вселенные.

А позже поэты найдут
По перышкам путь вдохновения
И Счастья наполнят сосуд
Искристые стихотворения.

Снег в лицо швыряет ветер,
Боль пронзает плоть, Наступает
зимний вечер, Предваряя ночь.

И являются картины
Вечной мерзлоты.
Роберт Скотт и Роберт Пири –
Детские мечты...

Ах, давным-давно мечтал я
Полюсов достичь,
Все лишенья побеждая, Бросив
в небо клич.

Вырос я, но не увидел Северных
морей,
Предо мной открылись виды
Выжженных полей.

Да, померк хрусталь иллюзий,
Но всегда зимой
Получает волю узник –
Дух усталый мой.

Как мгновенья дорогие
В память о мечтах:
Легкий поцелуй стихии
На моих устах.

Тучи осадили цитадель
Радостной безоблачной лазури.
Небо захватить – их злая цель,
Цель – отправить в наступленье бурю.

Вот и артиллерия грозы
Громами просторы оглашает...
Меньше, меньше пятен голубых...
Серый цвет в свои права вступает.

Так и жизнь. Все радостное в ней –
Сочетанье вспышек скоротечных
С ворохом однообразных дней,
Дней тоскливых и как будто вечных.

Дракон

По дороге забытой, отверженной,
Погруженной в тенёта из зарослей,
Я стремился, как хищник рассерженный,
За Драконом, исполненным ярости.

Хитрый Змей от начала творения
Совершенствовал злобы алхимию,
Но теперь хватит мне дерзновения,
Чтоб замучать его до бессилия.

Вот настиг я его. И баталия
Разгорелась, как танец немислимый,
А затем Змей укрылся за скалами,
Задрожав перед силою Истины.

Но и там не укрылся Змей раненый...
Мой клинок, звездным светом мерцающий,
Прорубил в его крепости каменной
Брешь, и миг тот был мигом решающим.

Змей-безумец молил о прощении,
Мне богатство сулил и величие,
Неземные красоты поэзии,
Милых девушек чудо-обличия.

Я же тверд был душой. И сомнения
Были мною без страха отброшены.
Взмах меча. Золотое мгновение –
Дни и ночи Дракона окончены.

Мне чудятся дома из тульских пряников,
Над ними золотые облака,
Следы святых неутомимых странников
И песен славных не одна строка.

Но ныне надо мной не диво дивное,
А небо злое, полное тоски,
И льются дегтем песни заунывные
У пересохшей умершей реки.

...Мне чудятся дома из тульских пряников,
Зовет меня российская земля,
Жаль, по стопам святых и мудрых странников
Не ляжет никогда моя стезя.

Мелькают заросли и чахнувшие овощи,
Гниют под деревом падшие плоды,
И местное лохнесское чудовище
Корягою вылезит из воды.

Летит под облаками тень забвения,
Натужно надрывается Борей,
Он обещает смерть и злоключения
Тому, кто для природы как злодей.

Крадутся по своим делам животные,
Невозмутим зацветший водоем,
И за пейзажами веду охоту я,
К итогу мира близясь день за днем.

Расстилается темная дивная ночь,
Звезды в небе, как сны, догорают.
Ветер гонит печаль и сомнения прочь,
Нам готова подарки из рая.

В тишине держит путь золотой звездолет,
Судно девы, межзвездной принцессы.
Он спешит перейти все туманности вброд,
Чтоб войти в галерею Прогресса.

Дева смотрит устало на мир без границ.
Ночь длинна и чудесна как вечность.
Метеор устремился Денницею вниз,
Он печали познал бесконечность.

Ночь красива, она, как принцесса-мечта,
Золотыми звездами играет.
И цветок говорит из земного куста:
«Я цвету у подножия рая...»

На руках великанов ветвящихся,
Украшаемый кистью забвения,
Самолет, обреченный на тление,
Стал мечтой для людей не боящихся:

Не боящихся сумрака адского,
Не боящихся тьмы разрушения,
Что прозвали бедой вдохновение,
Увядаьем – обличие царское.

Застывает картина события
На бескрайнем холсте мироздания...
Здесь машины, предметы и здания –
Все в пронзительно-грустном величии...

Мы с дьяволом сошлись в одной дуэли
На световых мерцающих мечах:
Эмоций искры к небесам летели,
И вихрем мыслей поднимался прах.

Мы оба битвы пламенной хотели:
Я – для того, чтоб позабыть свой страх,
Чтоб духом стать, разбив оковы тела,
А у него – весь ад был на плечах.

Сражение стало частью нашей жизни,
Всем тем, что страстью делает ее.
Да, плоть мою оплакали на тризне,
Но дух мой счастье приобрел свое.

Мы с дьяволом дрались, в пылу сражений
Минутою казался целый год,
Да, я из тех, кто ищет приключений,
Кто отрешен от бытовых забот...

Эмоций искры к небесам летели,
И вихрем мыслей поднимался прах.
Мы с дьяволом сошлись в одной дуэли
На световых мерцающих мечях.

Обрыв. Передо мной разверзлась бездна,
И облака гнетущей тишины
Вдруг оказались обручем железным
У края ветхой каменной стены.

Я не хочу творить и вдохновляться,
Одно желание: просто лечь поспать
И больше никогда не просыпаться,
Лишь в лабиринтах грез своих блуждать.

Иль рухнуть в пропасть, стать незримым духом,
Который отстранен от бытия,
И обладать лишь зрением и слухом,
Пожить в эфире, позабыв себя.

Без будней, монотонных и безумных,
Лишенный сострадания людей,
Я обрету покой, я, чудо-судно,
Плыву наперекор ветрам скорбей...

Светлана Шашко-Шаблинская

Вышла в поле, в лесок

Вышла в поле, в лесок, а потом и в село.
Погребён хуторок, детства стены снесло.
Закружили года в городской кутерьме:
Оказалось – живу я как будто в тюрьме.

Закричала душа небесам в тишине:
“Отворите же дверь мне хотя бы во сне!”
И услышала шёпот всех прожитых лет:
“Всё открыто давно. От тебя ждут ответ”.

Окунулась я в речку меж двух берегов
И таскаю оттуда свой скромный улов.
Угощаю прохожих, желающих есть,
И дарю на дорожку души своей песнь.

Не была я в деревне

Не была я в деревне
Лет пятнадцать, наверно.
Не шептала сирени
О желанье заветном.

Не дышала свободой
В предрассветном тумане,
В лес не бегала бродом
И не плакалась маме.

Слышу нынче я вести
Не весёлые вовсе:
Не один мой ровесник
На далёком погосте.

Вымирает деревня,
Хаток десять осталось,
Вырубают деревья
И не чувствуют жалость.

* * *

Звучат нашей юности саги
В далёких забытых мирах.
Мы в жизни, конечно, не маги,
Но чувствуем свежесть в ветрах.

Звенит наша юность весною,

Капелью и первым скворцом,
Петляет тропинкой лесною
И прячется за озерцом.

Шумит наша юность в рассветах
И в зное на летних лугах,
В клубнике, что слаще конфеты,
В росе на уставших ногах.

Слышна нашей юности песня
В палитре осенних красот.
И тут, хочешь – плачь, хочешь – смейся,
Достигли мы в жизни высот.

Спешит наша юность за нами
По снежной, морозной зиме:
Привидится сладкими снами,
Смеясь, растворится в семье.

Подарив мне Любовь

Подарив мне Любовь – не покой –
Ты обрѣк нас на долгие годы
Плыть бушующей горной рекой,
Совершать в неизвестность походы.

Мы прошли водопады и степь,
Поднимались и в горы, и в небо.
На коленях стояли у стен,
За которыми Ангел наш не был.

Мы бежали, плелись и ползли
Со своей, а не чьей-то, любовью.
По дороге вязали узлы,
Дух питали надеждой и болью.

Мы дошли до контрольной межи,
Растворившись друг в друге навечно,
Одолели любви виражи
И не ждѣм остановки конечной.

Ты придѣшь в старый дом

Ты придѣшь в старый дом не сегодня, не завтра,
Наяву, не во сне, и подаришь зарю.
Приготовлю тебе самый простенький завтрак
И в объятых любви, как свеча, я сгорю.

Ты придѣшь навсегда после долгой разлуки,
Позабыв мир потерь, одинокие дни.
Друг для друга теперь мы как верные слуги
И надёжней сыскать невозможно родни.

Ты придёшь в старый дом, в нём откроются ставни,
Свет дневной озарит старомодный уют:
Трепет чувств и желаний проявится давний,
И глаза наши в радости слёзы прольют.

Будешь ты говорить – я внимательно слушать,
Гладить реденький ёжик твоей головы.
В этот час стану я для тебя самой лучшей.
И в душе запоют всей земли соловьи.

Любовь... Любовь

Любовь... Любовь не зрима
Плотскими очами:
Она вселяется необъяснимо,
И мы понять не можем сами,
Что происходит с этим миром,
Когда об образе храним
Ты грезишь сутки напролёт.

Любовь... Любовь – то трепет,
Внутренняя кома,
Затем стремительный души полёт
И одиночества истома.
А в сердце рай совместно с адом,
Душа пустыней или садом
К источнику любви спешит.

Любовь... Любовь в грехах
И в покаянии.
Печальная и светлая в стихах,
Застывшая, как изваяние.
Любовь – то благо для души
В бурлящем мире иль тиши.
И без Любви нам жизни нет:
В ней заключён Небесный свет.

Вы здесь

Вы здесь! Я чувствую, Вы здесь!
И прошлое вернётся зримо:
Спою запас сердечный весь,
Вниманием благодарима.

Вы здесь на час или на день,
Значенья вовсе не имеет:
Меня коснётся ваша тень,
И сердце снова захмелеет.

Вы здесь! Вы здесь ещё пока.
Я мигом наслаждаюсь этим.
А в сердце пишется строка:
Когда ещё друг друга встретим?

Ну вот и всё. Вы снова в путь
На месяц, может быть, навечно.
А я на угли буду дуть
И вспоминать свой хмель сердечный.

* * *

Свет давно погас в окошке,
Но звучит в селе гармошка,
И выходишь ты во двор
Слушать чистый перебор.

Под него грустишь немножко,
Возле ног мурлычет кошка.
С неба месяц озорной
Звёзды сыплет по одной.

Вспоминаешь дни и ночи,
Где была счастливой очень:
Когда рядом милый друг –
Забываешь про подруг.

Ах! Сердечко вострепелось.
Счастьем ты не приглянулась:
След красавчика простыл.
И недолго ведь гостил.

Свет померк с его уходом,
И не рада ты восходам –
Дни проводишь как в бреду,
Всю себя отдав труду.

Как зазнобу успокоить,
Жизнь сердечную устроить,
Если думы все о нём
И душа горит огнём?

Вот и музыка затихла.
На деревне тихо-тихо...
Месяц спрятал свой рожок.
Гармонист прилёг в стожок.

* * *

Жертвенный князь,
Я к твоим припадаю коленям.
Множится связь
Между нами в сердечном моленье.

Всё ты отдал
Ради взгляда надменной царицы.
Ёжится даль
При размахе крыла у орлицы.

Ветреный князь,
Обопрись на служанку простую:
Кружева вязь
Я тебе щедрым сердцем дарую.

Светлый мой князь,
Я тебя не покину вовеки.
Солнцем клянясь,
Обозначу любимого вехи.

А дождь стучит

А дождь стучит, не умолкая,
Сквозь шёпот слышен ветра вой:
Любимой речь была такая —
Стелилась шёлковой травой.

А я раскаты громовые
Пускал в раскрытый ею шёлк:
Трещали доски половые,
Когда я прочь из дома шёл.

А дождь стучит — то небо плачет
О быстротечности времён.
Ничто без милой жизнь не значит,
Когда по-прежнему влюблён.

Вознесись над суетой

То погружусь, то вновь всплываю —
Так в дрёме мыслями витаю.
Вот мрак окутал, тишина,
И не звучит души струна.
Ни песен, ни молитвы слов
Не дарит тесный мир оков.

Но, что звучит вдали неясно?
Я напрягаю слух напрасно.

И вдруг взорвалась тишина –
Отозвалась души струна.
Внимая, взор свой подниму –
И тянет, тянет в синеву.
Вновь погружаюсь в дрему я,
Не слыша зова бытия.

Набат ударил, в тот же миг
Мой разум истину постиг.

Какой покой небытия?
В нём тайна вечности моя.
Очнись, пока ещё жива!
Узри природы кружева,
Сбрось опьянение покоя
У рокового водопоя,

Верни небесный дух живой
И вознесись над суетой.

Ветер шальной

Ветер шальной поселился у дома:
Выйди за дверь – унесёт.
Треплет деревья под рокоты грома,
Только смеётся осот.

Гладит ветрище тяжёлой рукою,
Рвёт лепестки у цветов.
Силой играет своей колдовскою:
К бою и дружбе готов.

Водную гладь возмущает умело,
Облако топит в воде.
Дикий табун обгоняет он смело.
Ночью и днём весь в труде.

* * *

Ласкал ветрище тонкий стан
Берёзы в поле одинокой.
Звал посетить с ним много стран,
Нрав усмирить его жестокий.

Играл молоденькой листвою
На грани страстного порыва.
Шептал берёзоньке: “Я твой”, –
Толкая милую к обрыву.

Берёзка стройная в земле
Корнями прочно разрасталась:
На беломраморном стволе
Запечатлелась ветра “шалость”.

* * *

Жизнь всполошилась на заре:
Жила я так ли?
Года построились в каре*,
Как на спектакле.

Из памяти на белый свет
Метнулась совесть,
И развивается сюжет
Печально в повесть.

А дух витает над землёй
И ждёт чего-то,
Душа плетётся колеёй
В объятьях гота*.

Жизнь содрогнулась в тишине:
«Господь, помилуй!
Духовности пошли Ты мне,
Рабе бескрылой».

**Каре – существовавшее до конца XIX в. боевое построение пехоты четырёхугольником для отражения атаки со всех сторон.*

**Гóты – субкультура, зародившаяся в конце 70-х годов XX века в Великобритании на базе панк-движения: люди, поклоняющиеся тьме.*

Алла Шикович

Письмо любви

Я перечитываю строки.
О, мы с тобой не одиноки!
Заряд тепла несёт письмо,
Хоть и написано давно.
Здесь в каждой букве есть любовь,
Частичка сердца твоего.
Письмо читаю вновь и вновь,
И трогает меня оно
До глубины души, до слёз,
Ты столько света мне принёс...
Я весточку твою храню,
Тебя по-прежнему люблю...
Я перечитываю строки.
О, мы с тобой не одиноки!

Да, я наказана любовью...

Да, я наказана любовью...
И отзовутся в сердце болью
Твой мимолётный взгляд и смех...
Но я предчувствую успех,
Вновь учащается мой пульс,
А на устах победы вкус...
Да, я наказана любовью,
Но Бога я благодарю,
Ведь следую я за мечтою,
Ведь я живу, люблю, творю!

Не уставайте говорить «спасибо»

Не уставайте говорить «спасибо»,
Быть благодарным небу и земле.
Судьбе мы станем говорить «спасибо»,
Огонь зажжём в своей душевной мгле,
Растопим лёд неверия и злобы,
Непониманья, лени, слепоты...
Да, мы найдём, найдём мы к счастью тропы,
Пойдем к нему под стягом доброты.
Любовь нас осенит своим знаменьем,
И наших душ наступит возрождение!

Заблудившиеся души

Заблудились души
Во мраке отношений,
Заблудились души
В пустыне откровений.

Шли сквозь болота, лес густой,
Лесник нас принял на постой,
Очаг до полночи пылал
И страсти в сердце разжигал.

Во тьме лесной, в лесной тиши,
Познали мы полёт души.
Тебе спасибо, Млечный Путь,
Ты нас к любви сумел вернуть.

Заблудшие нашли дорогу,
Вновь вместе мы и, слава Богу!

Одинокая волчица

Мне в полнолуние опять не спится.
Глаза закрою: тот же сон мне снится.
Я понимаю – я теперь волчица.
О, как в лесу смогла я очутиться?

Навеки позабытая тобой,
Я на краю, с разбитою судьбой.
Я просто одинокая волчица,
Которая в судьбу твою стучится.

О, разбуди меня, позволь очнуться,
Позволь душе от страсти вострепнуться.

Проза

Екатерина Бирюкова

Человек дождя

Рассказ

Капли дождя, миллиарды капель, непрерывно падали с небес. Небо рыдало. Мир расплывался в печальной палитре красок: мрачных, унылых, серых... Вершины деревьев преклонялись от порывов сильного ветра все ближе к земле, отчего казалось, что они прислушивались к её шёпоту. С приходом ненастья радость на лицах горожан исчезла, словно растворилась в тумане. Крупные капли дождя падали, глухо ударяясь о землю, издавая негромкое: «Кап»... Кап...»

На холодном камне, в старом парке, укрывшись в густой тени деревьев, сидел молодой гитарист, лет 25, с густыми темными волосами и печальным лицом. Слегка сгорбившись, он перебирал струны пальцами, и гитара, покорно, предаваясь грусти, пела.

Прохожие, удивлено поглядывая на одинокого гитариста, пожимали непонимающе плечами и проходили мимо. В такую непогоду они торопились окунуться в уютную атмосферу дома. Кому-то хотелось укутаться в тёплый плед, а кому-то согреться ароматным горячим чаем или просто взять в руки интересную книгу, сесть перед окном и забыть на время обо всех проблемах. Люди спешили, спешили... Ветер становился всё сильнее и сильнее. Он рвал полы одежд, срывал листья с дубов, осин, клёнов, и деревья со стоном сбрасывали листву. Свинцовые растрёпанные облака мчались над опустевшим городом, улетаая куда-то вдаль.

Один гитарист никуда не торопился. Он лишь сильнее прижимал к груди гитару, дергал тонкие струны, словно желая вырвать из груди инструмента пронзительный стон. Мелодия гитары и ветра сливались воедино. Вскоре, разрезая тёмно-си-

ние тучи пополам, сверкнула яркая молния. Гром, будто гигантский оркестр, ухнул. Его гулкие раскаты разнеслись над оробевшими улицами. И вот уже сплошным потоком на парк обрушился ливень.

Гитарист, бережно прикрыв кожаной курткой гитару, перебежал в ближайшую беседку. По его тёмным волосам сбежали мокрые струйки. Карие глаза растерянно смотрели в грозное небо, ожидая очередной вспышки. И вот молния снова рассекла небо, вновь раздался оглушительный раскат грома. Гитаристу вдруг показалось, что недалеко мелькнула чья-то фигура. Он присмотрелся внимательнее. Сквозь стену дождя к беседке приближался человек. Он шёл под широким зонтом, не торопясь, словно не замечая происходящего вокруг. Вот незнакомец, наконец, вошёл в беседку, закрыл мокрый зонт, и теперь его можно было хорошо рассмотреть.

Это был светловолосый, голубоглазый мужчина, лет 30-ти, довольно высокого роста, с широкими плечами, с правильными чертами лица. Глаза гитариста остановились на его руках, на тонких, чувственных пальцах музыканта. Мужчина, улыбаясь, посмотрел на гитариста и, доставая из пачки сигарету, шутливо спросил: «Огоньку не найдётся?». Гитарист словно и не ожидал иного вопроса. Он молча достал из глубокого кармана старой потрёпанной куртки медную зажигалку, щёлкнул ей несколько раз, отчего вскоре вспыхнул слабый огонёк. Он трепетал на ветру, как крошечный платок на цепких прутьях забора. Гитарист поднёс зажигалку к сигарете. Незнакомец прикурил, наполняя воздух горьким запахом табака. Глубоко затягиваясь сигаретным дымом, мужчина присел рядом с гитаристом.

Шли минуты. А два человека продолжали молча сидеть в полумраке старой беседки. Незнакомец курил. Сизое, горькое облако, поневоле вдыхаемое гитаристом, как будто просачивалось до самого его мозга, затуманивая сознание. И тут ему в голову пришла странная мысль: «Иногда жизнь чем-то похожа на сигарету... Ты вдыхаешь в себя одурманивающий дым призрачного наслаждения и на какое-то время становишься счастливым, но потом это становится обыденным, привычным делом, и этот

дым начинает просто тебя губить... Ты начинаешь задыхаться... Ты пытаешься избавиться от этой зависимости... Но уже не можешь... Ты увяз в этом...».

Вдруг тяжёлый, надрывный кашель незнакомца перебил мысли гитариста. Незнакомец отдышался, а потом, повернувшись к музыканту, хриплым голосом представился:

– Олег, – и протянул свою широкую ладонь.

– Александр! – сказал гитарист, а затем быстро добавил, – можно просто Саша. Они крепко пожали друг другу руки, словно старые знакомые, и после небольшой паузы гитарист спросил:

– Чего это ты в такую шальную погоду здесь бродишь? А? Шёл бы ты домой лучше... Тебя, наверное, там ждут...

Новый знакомый долго не отвечал, а только продолжал нервно курить. Наконец, подняв печальные серые глаза, посмотрел на Александра.

– Никто меня не ждёт. У меня мать умерла на днях. Бывшая жена с детьми за границей живёт. Господи!... Как же я перед матерью виноват. Вовсе забыл про неё. Концерты и слава затуманили голову. Я не звонил ей месяцами, молчу про то, чтобы в гости зайти. Только теперь понял, что ближе её никого в жизни у меня не было!

Олег с мольбой посмотрел на небо. Из уголков глаз тихо покатались горькие слёзы, маленькие капли, похожие на миллиарды других капель, что падали сейчас с неба. Но, в отличие от холодных небесных капель, в них жили чувства... Живые чувства, чувства боли и вины.

Олег швырнул на мокрую землю скомканную сигарету. Его длинные пальцы впились в лохматые волосы. Застонав, он обхватил голову руками. Александр с жалостью посмотрел на него. И тут он вспомнил свою маму, немолодую женщину с потухшими, воспалёнными глазами, скрюченными от работы на заводе пальцами и больным сердцем. Александр нигде не работал уже несколько лет, жил с матерью на ее небольшую пенсию. А несколько месяцев назад, измученный бесконечными материнскими укорами, просто собрал вещи и ушёл из дома. Теперь вот мотался по друзьям и подругам. Жил, где придётся, подрабатывал, как придётся, о маме и не вспоминал.

– Свечку матери поставил бы, что ли... Полегче бы стало, – посоветовал Александр, глядя в пустоту парка.

– А что мне это даст? А? Я, что, по-твоему, так её с неба верну?!

Олег яростно сверкнул глазами, а затем, нахмурившись, закрыл тяжёлые веки и начал говорить:

– Никакие свечи не искупят мою вину, друг! Сколько бы я не молился... Поставь хоть тысячу свечей... Ты не сможешь больше никогда встать на колени перед матерью и прижать её дрожащую руку к своей заросшей щетиной щеке... Никогда...

– Олег всё говорил и говорил, словно исповедовался перед ним. А у Александра в голове эхом как будто звучало: «Никогда... Никогда...».

– И знаешь, – Олег поднял голову и, глядя прямо в глаза, проговорил хриплым голосом, – напоследок я скажу тебе вот какую вещь. Всё, что ты любишь, однажды или уйдёт от тебя, или умрёт... А потому цени то, что у тебя есть! И Бога благодари за это!

Олег встал и, открыв зонт, шагнул в серую стену дождя. Неожиданно гроза затихла. Над городом нависла оглушающая тишина. В воздухе витала прозрачная свежесть. Небо больше не проливало слёз... Всё стихло, лишь было слышно, как одинокие капли падали с деревьев. На город стали опускаться вечерние сумерки. Налетевший ветер очистил небо от облаков, и вскоре на улицы опустилась звёздная ночь.

Тем временем в одном окне, на первом этаже панельного дома горел мягкий, тёплый свет. На газовой плите грелся чайник со свистком. Сгорбленная фигура пожилой женщины суежилась у кухонного стола. Из-за угла дома вышел темноволосый парень с гитарой за спиной. Остановившись у окна, он с улыбкой долго наблюдал за женщиной. Словно почувствовав его взгляд, она выглянула в окно. «Сынок!» – за оконным стеклом беззвучно прошептали её губы.

Александр Змушко

Преданно твоя

Рози и Алекс лежали на крыше, и им было здорово. Хотя крыша была царапучая, поскольку покрыта шифером. А здорово было потому, что вверху – были звёзды.

Их было много, красные и жёлтые, белые и синие. Целое море звёзд. Словно мама рассыпала по небу драгоценности из шкатулки.

Был июль. Они лежали и болтали ногами, а по небу – огненными росчерками падали звёзды. И вдали, жемчужными сполохами, горели зарницы.

– Слушай, Алекс, так здорово, что мы сбежали от родителей! – сказала Роза. – Они-то, наверно, лежат в кроватях и думают, что мы уже видим десятый сон. Не хотели пускать на крышу, ну надо же! Хотя, вообще-то, она развалючая.

– Ага, – подхватил Алекс, – того и гляди, провалишься в какую-нибудь дыру или засадишь себе гвоздь в лодыжку. Если ты боишься, иди тогда спать, Роза Картман!

Девочка фыркнула.

– Ещё чего удумал, Алекс Михайлов!

Ветерок играл у них в волосах, собака шебуршала в малине, звёзды неистово пылали.

Мальчик перевернулся на спину, отчаянно ёрзая. На землю полетели щепки и осколки. Они с лёгким шумом успокоились в траве.

– Эх, как же здорово, лежать вот так, – он закинул руки за голову, ни за что не держась, и, явно бравлируя, стал насвистывать модную песенку. – Никаких родителей, никакой школы. И как же здорово, что ты смогла приехать, Роза Картман! Какое славное лето!

– Послушай, Саша... – внезапно спросила девочка, глядя на него серьёзными серыми глазами. – А мы всегда-всегда будем вместе, как лучшие друзья? Мы дружим с девяти лет, но ведь твои родители из Киева, а мои – из Гомеля...

Мальчик повернул голову. Осторожно подвинулся и взял Розу за руку.

– Послушай, Роза... мы всегда будем вместе. Когда тебе исполнится семнадцать, я приеду за тобой на кусачем чёрном жеребце. Или приплыву на корабле с чёрными парусами и пиратским флагом, и предложу тебе тот самый кусок миокарда, что сейчас бьётся у меня в груди совершенно бесполезно.

– Ух ты! – сказал девочка. – Ты сам такую фразу придумал?

– Я долго учил.

Мальчик рассмеялся.

– Но так всё и будет, Розалия Картман.

– Я не Розалия! – девушка сердито пихнула его кулачком в бок.

– Эй, эй! Спихнёшь меня с крыши!

– И поделом тебе!

Мальчик поймал её руку.

– Роза, успокойся, Роза, послушай!

Он замолчал. А потом продолжил, медленно роняя слова.

– Знаешь, если нас даже разделят горы и расстояния, капитан Крюк и моря... И если я не смогу приехать и забрать тебя в свой роскошный разбойничий вертеп... Мы всегда будем рядом. Видишь эти звёзды? Они такие яркие, словно жемчуг твоей мамы. Висят, как гроздь – кажется, можно сорвать рукой. Мы станем смотреть на них оба – ты из Гомеля, а я – из Киева, и мы будем рядом. Совсем рядом, вон как те звёзды, что жмутся друг к дружке.

Парень покраснел.

– Ты будешь смотреть на звёзды, Роза? Обещаешь?

И она сжала его пальцы.

– Обещаю.

От кого: От Розы Картман

Кому: Алексу. Просто Алексу.

Тема: обещание

Что ж, здравствуй, мой Алекс. Я пишу тебе письмо, потому что ты умер. Тебя больше нет. Я просто не могу в это поверить. Я сижу ночью и набираю тебе это послание, словно надеюсь, что ан-

гелы, или кто там ещё – кто знает, как там всё заведено на небесах? – передаст тебе это послание. Боже, что я несу. Пишу в пустоту.

Алекс мой, Алекс...

Ты ушёл в темноту – туда, где горят звёзды. Звёзды, что ты так любил.

Помнишь наше обещание?

Мы никогда не были вместе. У тебя были Катя и Таня, потом – Марина. У тебя были поездки в Швецию и на Канарские острова. Соборы Германии и пивные Чехии. У меня – Олег и Дима, потом – Вадим. Медовый месяц в Турции, пирамиды в Египте. Дача под Хмельницким. У тебя – сын и дочка, такие очаровашки. У меня – две дочки и внук.

Почему мы не исполнили своё обещание? Почему солгали жизни – или она нам солгала? У тебя – деловые поездки по всей Европе. У меня – работа в местном журнале. Мы были успешны и красивы, у нас была карьера, друзья, семья.

Так почему же мы не были вместе? И почему забывали смотреть на звёзды?

Знаешь, я ведь уже совсем-совсем старенькая, Алекс, и мне трудно печатать. Я тут читала, индейцы Анд верят, что души людей отдыхают на небе, дожидаясь нового перерождения. Горят там, как звёзды.

Надеюсь, Алекс, ты там, потому что я скоро приду к тебе. Настя смотрит телевизор, а мой ингалятор куда-то закатился. Я так устала, Алекс. Мне лень его искать. Ты ведь меня прощаешь? Пожалуй, я пойду, прилягу. Моим старческим рукам сложно печатать. Да-да, старческим, Алекс, они все покрыты сеткой вен, прямо ужас какой-то. А ты бы, наверно, хотел видеть меня молодой? Такой, как ты помнишь? Как тогда, на свадьбе?

На твоей свадьбе, ну, когда мы впервые поцеловались.

Всё, прости, Алекс, мне и правда надо идти. Мои пальцы дрожат, а дыхание перехватывает. Совсем я стала старая, никуда это не годится.

Пойду, прилягу.

До скорой встречи, люблю тебя и целую.

Преданно твоя

Роза Картм...

Юрый Мельнікаў

Чарга за чаргой

Эсэ

Ніколі не перавядуцца на белым свеце чэргі. Колькі іх бывае ў рэальным жыцці, дазнацца немагчыма. Нават маўкліва азіраецца навокал і навобмацак дакладная статыстыка. Здаецца, эпоха дэфіцытаў знікла назаўсёды, аднак перажыткі, на жаль, засталіся. У самым незайздросным выглядзе. Амаль у карыкатурным варыянце і ў сатырычна-гумарыстычнай сутнасці згаданай праблемы. Зразумела, кожная чарга адрозніваецца ад папярэдняй і наступнай формай, зместам і іншымі акалічнасцямі. Прыклады і галіны дзейнасці можна прыводзіць бясконца, і ўсё гэта будзе справядлівай ацэнкай, характарыстыкай і хваляваннямі неаб'якавых сэрцаў...

Мець публікацыі ў літаратурна-мастацкіх часопісах для любога аўтара, пачаткоўца, прафесіянала, класіка – гэта сапраўдны гонар і гераічны ўчынак. Ясна, дадзеная рэч не з'яўляецца вялікай таямніцай. Канешне, звычайна без асаблівых цяжкасцяў праходзіць першая публікацыя: гэта і адкрыццё чытачам новай творчай асобы, і знаёмства з тэкстам, асэнсаванне, усведамленне якога адбываецца паслядоўна, паступова і даволі працяглы час.

Я не супраць таго, каб мае напісаныя і набраныя на кампутары творы маглі быць адрэдагаваныя належным чынам. Дзеля гэтага вялікая адказнасць ляжыць на рэдактарах. Канешне, няхай усе памылкі будуць выпраўлены, каб толькі не страціўся сэнс тэкстаў...

А далей пачынаюцца неверагодныя прыгоды: кожнае новае гучанне пазіцыі аўтара, незалежна ад жанру яго задумаў, чакае свайго моманту. А колькі, вядома аднаму Госпаду Богу, галоўнаму рэдактару, рэдактару аддзела, творцу і цэнзару. Без апошняга цяжка ўявіць літаратурны працэс наогул. Нягледзячы на тое, што ў XXI стагоддзі пануе адносная свабода слова, пасада цэнзара чамусьці не трапляе ў спіс прафесій, што падлягаюць скарачэнню, звужэнню спецыфічных абавязкаў у мастацкай літаратуры...

На некалькі гадоў расцягваецца падобная праблема. Паспрабую адшукаць і растлумачыць магчымыя і верагодныя прычыны. Разумею, што маё меркаванне не з'яўляецца бяспрэчным, таму па тэме эсэ гатоў выслухаць парады, прапановы, крытычныя заўвагі і думкі апанентаў. Шляхам дыскусіі наблізімся да ісціны.

Таксама багата пытанняў адносна крытэрыяў адбору мастацкіх твораў рэдакцыямі часопісаў і альманахаў, калектыўных зборнікаў. На маю думку, трэба арыгінальнасць аўтарскай задумы, адметнасць стылю, нацыянальны каларыт, выкарыстанне толькі роднай мовы... Спіс патрабаванняў можна працягнуць...

Зараз свабода творчасці на Беларусі мае столькі абмежаванняў, забаронаў, забабонаў, што дзіву даешся. Законы аб СМІ, аб грамадскіх аб'яднаннях і шэраг іншых нарматыўных актаў настолькі абмяжоўваюць мастацкую творчасць у літаратуры, навуцы, журналістыцы, што становіцца жудасна і жахліва, калі падумаць пра наступствы. Адбываецца ціхае вяртанне да змрочнай эпохі тэорыі бесканфліктнасці ў найгоршым савецкім варыянце. Здавалася, ад СССР засталіся хіба ўспаміны, але яны камусьці патрэбныя і таму выплываюць на паверхню грамадска-літаратурнага жыцця. Маладразумелая нават адукаванаму чалавеку паўзе вужак нейкай там ідэалогія, ад якой не гарача, не холадна, не горка, не салодка...

Блізкія для мяне ёсць незалежнасць, воля і свабода роднага краю, ад чаго ніколі не адракаюцца, якія выпрабаванні не сустраліся б на маім жыццёвым шляху.

Вельмі мала выдаецца літаратурна-мастацкіх часопісаў на роднай мове, калі перавага аддаецца расейскай мове. Прымусовая русіфікацыя нацыянальнай культуры даецца ў знакі творчай інтэлігенцыі. Складаныя эканамічныя ўмовы, таму і малыя тыражы, і чарга на публікацыю, і пытанні распаўсюду... Як толькі павялічваецца наклад, адразу мітусяцца лайдакаватыя чыноўнікі ад друку, дасылаючы на адрас рэдакцый пагрозлівыя лісты з няўцямнымі спробамі нематываванай забароны выпуску часопіса. Згадайма гісторыю часопіса “Першацвет” і падрабязна запытайце пра гэтую з’яву ў заснавальніка і галоўнага рэдактара Алеся Герасімавіча Масарэнкі. Пачуеце рэальную гісторыю змагання за творчую моладзь і яе літаратурныя інтарэсы.

Адчуваецца шкадаванне, бездань пакутаў па прычыне таго, што цяпер у ХХІ стагоддзі не стае часопіса маладых літаратараў “Першацвет”. Пераважная большасць твораў там праходзіла ў друк без асаблівых цяжкасцяў, а чаканне ў чарзе на публікацыю не вельмі доўгае. Заўважым, рэдактура і карэктура заўсёды была на вышыні. Нягледзячы на пэўны адсеў матэрыялаў, пачаткоўцы, сталыя аўтары шчыра радаваліся таму, што іх прыкмецілі, іх творы знаходзілі чытачоў, а паважаная крытыка спагадліва ставілася да новых з’яваў сучаснай беларускай літаратуры.

Першацветаўскія традыцыі стала працягваюцца на старонках альманаха “Панядзелак”. Апошні выдаецца раз на год, штогод з’яўляецца 30-40 новых аўтараў. Адносна невялікі наклад робіць выданне бібліяграфічнай каштоўнасцю.

Цяпер прыгадаю некаторыя літаратурна-мастацкія выданні. Вядома, тэорыя без практыкі мала чаго вартая. У аглядзе будуць прыведзены тыя часопісы, альманахі, дзе аўтар эсэ публікаваўся ці чакае, калі яго матэрыял будзе надрукаваны. Надзея пакідае чалавека вельмі рэдка.

Пашанцавала ўпершыню апублікавацца на старонках часопіса “Маладосць” у жніўні 2008 года. Сталае выданне з багатымі традыцыямі. Не губляю спадзяванняў, што другая і наступныя публікацыі калісьці там будуць...

“Полымя” – найстарэйшае дзяржаўнае выданне. Аднак там засвяціцца пакуль не выпадала. На колькі гадоў там чарга на публікацыі, застаецца невядомым.

“Дзеяслоў” – новы незалежны літаратурна-мастацкі часопіс. Прыемна, што там змяшчаюць творы ўсіх беларускіх літаратараў. Гонар перыёдыкі, паколькі мець публікацыі ў “Дзеяслове” лічыцца творчым дасягненнем. Вялікая чарга не замянае ўпэўненаму чаканню: будзе і на нашай вуліцы свята!

“Архэ-пачатак”. Адмысловае грамадска-палітычнае і літаратурна-мастацкае выданне. Шмат твораў сусветнай літаратуры, гісторыі, навуковай, філасофскай, палітычнай, эстэтычнай, сацыяльнай накіраванасці ў перакладзе на беларускую мову. Выдатныя літаратурныя старонкі, толькі складана зразумець, чаму за-

надта суворыя крытэрыі адбору арыгінальных аўтарскіх тэкстаў, чаму рэдка з’яўляюцца новыя імёны на творчай ніве.

“Тэксты” выдаюцца з 2004 года. Гэта пераважна літаратурна-тэматычны часопіс. Выдаецца адзін нумар у год. Выданне прысвячае старонкі пэўным літаратурна-мастацкім падзеям. Варта адзначыць, што факты адмовы аўтарскіх матэрыялаў бываюць адзінкавыя. Хацелася б верыць, што рэдакцыя часопіса будзе публікаваць творы літаратараў, незалежна ад светапогляду, ідэйна-мастацкай пазіцыі, жыццёвага досведу, суадносячы крытэрыі разумнай колькасці і мудрай вартасці.

Да “Калосься” пакуль не пратаптаў я сцяжынку, таму гаварыць загадзя не буду. Хоць там хацелася пабачыць уласныя творы...

Зразумела, беларускія літаратары, нягледзячы на цяжкасці новага стагоддзя, актыўна ладзяць выпуск часопісаў, альманахаў, калектыўных зборнікаў, творчых старонак у газетах і штотыднёвіках. Часам сваім коштам, праз сяброўскія складкі, адным словам, выжываюць, баронячы правы на свабоду слова, мыслення, гонару... Дадзеная акалічнасць спрыяе таму, што з’яўляецца сціплай магчымасць прапагандаваць творы на матчынай мове, шукаць, гадаваць і падтрымліваць здольных да літаратурнай дзейнасці людзей. Ясна: не вывешваюць белы сцяг і шукаюць месца пад сонейкам.

Прыемна, калі пры дапамозе сяброў Саюза беларускіх пісьменнікаў выпускаюцца калектыўныя рэгіянальныя зборнікі “Берасцейшчына літаратурная”, “Гродзеншчына літаратурная”, а ледзь не кожны адміністрацыйны раён мае невялікія альманахі.

Мяркую, што вострых праблемаў сучаснага літаратурнага працесу вельмі багата, трэба не быць палахліўцам, а смела вызначаць некаторыя з іх:

– Незацікаўленнасць чыноўнікаў у развіцці нацыянальнай культуры і літаратуры. Тлумачыць можна доўга, пераканаўча і з вялікімі доказамі. Палохаецца бюракратыя творчых людзей, быццам асабістага ценю, а чаму такое стаўленне маецца і працяглы час трывае, цяжка сказаць.

– Адсутнасць канкурэнцыі паміж літаратурна-мастацкімі часопісамі за творы аўтараў. Звязана гэта з малой колькасцю зга-

даных выданняў і праблемамі распаўсюду, вельмі забытанай і складанай сістэмай атрымання ліцэнзій, цяжкасцямі падпіскі, продажу і шэрагам іншых.

– Наяўнасць рознабаковага пераследу за прапаганду беларускай мовы, літаратуры, культуры. Трэба быць невукам і пустадомкам, каб гнуць у крук роднае і схіляць галаву перад чужым. Не перавяліся яшчэ Тулягі і Гарлахвацкія на беларускай зямлі!

– Разнастайныя фінансавыя праблемы і прычыны... Ад кепскага фінансавання дзяржаўных часопісаў да прыгнёту незалежных выданняў велізарнымі штрафамі, беспадстаўнымі судовымі рашэннямі, неапраўданай заканадаўча канфіскацыі маёмасці і гэтак далей...

Застаюцца спадзяванні, што калі-небудзь самі па сабе знікнуць чэргі на публікацыі ў літаратурна-мастацкіх часопісах, а саміх выданняў павялічыцца шматкроць. Заззяе свабода слова на Роднай зямлі!

15-27 чэрвеня 2009 года, Менск

Чараўніца лагернай змены

Нарыс

Часам шчаслівых пачуццяў, лірыкі незабыўнага кахання, шчырых і вясёлых усмешак, неўміручых спатканняў можна назваць жнівеньскую змену 1995 года ў дзіцячым лагеры імя Мікалая Гастэлы.

Сардэчнай увагай, натхненнем сяброўства, дабынёй прывабіла душу і думкі аўтара Таццяна Заруба, мая аднакурсніца, чые здольнасці ўпрыгожваць свет таемным хараством праявіліся ў цудоўным жывапісным мястэчку Зялёнае, дзе мы працавалі разам педагогамі атрадаў.

Гнуткі дзявочы стан, падобны на квяцістую цёплай вясной бярозку, прыгожы твар багіні Афродыты, сінія вочы, у якіх зіхацелі надзея і цеплыня, незвычайнай красы светлыя, пшанічных таноў валасы, непаўторнага чараўніцтва голас, рукі

дзяўчыны, у якіх свяцілася сонейкам нават складаная работа, пяшчотная і даверлівая ўсмешка — такім быў знешні выгляд і вобраз Тані. Чаго б ёй толькі не даручалі, якую справу не прапаноўвалі — вынікі прасілі ацэнкі “выдатна”: выхаванцы заўсёды былі паслухмяныя, тэрыторыя ля корпусу, дзе размяшчаўся атрад, прыбраная, як парусны карабель перад адміральскай праверкай, інсцэніроўка мерапрыемства дружыны заслугоўвала пашану вечна прыдзірлівых крытыкаў з журы, сярод дзяцей існаваў аўтарытэт выхавацелькі.

Здараецца і так з людзьмі, якія імкнуцца данесці праўду жыцця да дзіцячага сэрца, што яны трапляюць ў дастаткова крытычныя сітуацыі, сюжэт якіх вельмі забытаны, параўнальны з ценом адчаю і безвыходнасці становішча. На такія выпадкі хапала аднаго дарагога позірка Таццяны, поўнага веры ў непераможнасць станоўчага, вясёлых слоў з дасціпнымі жартамі мілай сяброўкі, і самотны настрой з палыновай гаркавасцю смутку ляцеў ў нябыт з хуткасцю ўраганных вятроў.

Асабліва адметным застаўся выпадак з начной вахты, калі нас папрасілі зберагчы цішыню і парадак у будынку, дзе мы і жылі. Прычынай нечаканых падзей з’явілася тое, што на суседні пяты атрад засталася толькі адна педагог Вольга Кавердава. Яе выхаванцы вярнуліся з дыскатэкі ўзбуджаныя ад танцаў і доўга не маглі патрапіць у царства Марфея. Ну, як не прыйсці сябрам на дапамогу? Калі ў калег нязручнасць, адмаўляцца нельга, таму з ахвотай мы прыняліся за новае заданне.

Выкарыстаўшы ўсе магчымыя педагогічныя сродкі, а вопыту яшчэ было, як у верабейкі палётаў, мы вырашылі з Таней дзяжурыць па чарзе, а свой адпачынак перанеслі на ціхую гадзіну наступнага дня.

Калі несці службу начнога вартаўніка хлопцу не ўяўляе цяжкасці (гэтаму навучаюць у войску), дзяўчына ж вымушана прайсці рызыкаўны шлях выпрабаванняў без усялякай падрыхтоўкі.. З вялікай адказнасцю і мужнасцю Таццяна прыняла “баявы пост”. Радавала і радуе тое, што сяброўка захавала спакой ад Бога і лёгкую ўпэўненасць рухаў. Вусны аднакурсніцы спявалі прыемную і шчымлівую знаёмую баладу як знак нашай таварыскасці, без якой

нельга ўявіць чысціню сэрца Танечкі... Таму быццам бы цяжкое дзяжурства з'явілася ўмацаваннем святых і непарыўных сяброўскіх пачуццяў.

Жаданне зразумець і развіць творчыя здольнасці дзіцяці, спачуванне сябрам і сяброўкам у хвіліны няўдач, вернасць паміж словам і справай, залатое сумленне — яскравае дапаўненне да шчырай душы будучай настаўніцы роднай мовы і літаратуры, таленавітай Таццяны Заруба.

20 — 27 лістапада 1995 года, Менск

Кацярына Мяшкова

Ад Персіярні да беларускага Луўра

Днямі група прыхільнікаў беларушчыны на чале з кандыдатам мастацтвазнаўства Галінай Якаўлеўнай Мяшковай здзейсніла экскурсійную паездку ў старажытны горад Слуцк і Старыя Дарогі – у музей незабыўнага і гарачага патрыёта Беларусі Анатоля Белага. Экскурсаводам гэтай паездкі быў вядомы паэт і публіцыст, ураджэнец г.Слуцка Яўген Гучок. Аб падарожжы з такім унікальным гідам, патрыётам роднай зямлі, чалавекам з энцыклапедычнымі ведамі, шырокім кругавглядам і прыгожай душой можна было толькі марыць. Па дарозе ў горад «1000 храмаў», у былы цэнтр праваслаўя мы даведаліся шмат з гісторыі Случчыны і Літвы (Беларусі), а весь аповед быў пераплецены выдатнымі, нават геніяльнымі вершамі спадара Яўгена. Вось што я магу ўзгадаць.

Князі Алелькавічы паходзяць ад Гедымінавічаў, менавіта ад князя Аляксандра. Спачатку сталіцай слускага княства быў Капыль. Аб гэтым зараз нагадваюць высокія, метраў 20, валы, што засталіся на месцы капыльскага замку. Ну, а потым князі перабраліся ў Слуцк. І вось там, на зліянні паўнаводнай ракі Случ і бурлівага Бычка быў пабудаваны замак. Слуцк спачатку падпарадкоўваўся Кіеву. А потым, калі ўтварылася Турава-Пінскае княства, ўваходзіў у яго. У 1390 годзе Слуцк адзяліўся ад Турава-Пінскага княства і стаў сталіцай аднайменнага Слуцкага княства. А яшчэ аказалася, што па сведчанні Кіева-Пячэрскага архімандрыта Іосіфа Трызны (XVII ст.) Слуцк старэй на 111 гадоў, чым значыцца пра гэта ў Іпацьеўскім летапісе.

Амаль праз гадзіну знаходжання ў дарозе, нас сустрэла раўнянцкая Слуцкая раўніна. На ўсход ад Слуцка, як мы даведаліся ад нашага прамоўцы, землі ўжо не такія, а сама Случчына, якая з'яўляецца пачаткам Палесся, – гэта багатыя землі першай катэгорыі з каласальнымі ўраджаймі. Як той казаў: «Калі не ўродзіць Слуцкая раўніна, дык не пракорміць і Украіна». Так, за краёвідамі

і гамонкай не заўважылі, як праяцелі Буду Грэцкую (нездарма ж тут праходзіў славыты шлях «з варагаў у грэкі»), а там ужо недалёка быў і першы славыты пункт нашай вандроўкі.

Пасля ўезду ў Слуцк мы спачатку накіраваліся на старыя могілкі канца 18-19 стагоддзя, дзе адна частка была лютэранскай, другая кальвінісцкай, на каталіцкай, дзе калісьці было шмат прыгожых помнікаў і якія ўжо бяследна зніклі, дзякуючы зламыснікам, пакланіліся магіле аднаго з пачынальнікаў новай беларускай літаратуры і нашчадку старажытнага роду, магіле Альгерда Абуховіча-Бандынелі. Гэта было вельмі хвалююча, хацелася затрымацца тут паболей і паслухаць нашага гіда, але час нас прыспешваў.

Далей мы рушылі па былой Кладбішчанскай вуліцы, цяпер – 14 партызанаў (зусім, як аказалася, не чырвоных) і пачаўся цікавы экскурс па горадзе.

Наш гаспадар і экскурсавод быў вельмі ўзрушаны сучаснымі зменамі на сваёй славутай радзіме. Узгадваў, што была калісьці гасцініца “Асторыя”, гандлёвыя рады, штаб дывізіі, дзе ў час вайны стаяў Жукаў, вятрак. Як бегалі на рэчку Случ купацца і на лодках ездзілі, бо глыбіня была, і рака была судходная. Як потым прарылі каналы, асушылі. Балюча! Якімі цёплымі былі гэтыя ўспаміны чалавека, які застаў яшчэ стары Слуцк!

Па дарозе Я. Гучок паказаў дом свайго сябра Рыгора Родчанкі, беларускага (слуцкага) краязнаўцы, фалькларыста, літаратуразнаўцы і паэта, які адшукаў магілу Абуховіча. Ах, Родчанка!

Гарадскі Дом культуры стаіць на Замкавай гары, а раней там была Мікалаеўская царква. Сучаснае аздабленне берагоў Случы з прыгожым паркам нечым нагадвае Гродна. Павольна мінаем гарсавет, карцінную галерэю, славыты слуцкі базар (“У Слуцку, на рыначку...”). Мы пабачылі, дзе быў будынак дваранскага сходу, пастаялы двор, гандлёвая вучэльня – пазней культурна-просветніцкі цэнтр «Папараць-кветка», які пацярпеў у полымі, а таксама адзіны захаваны корпус Свята-троіцкага манастыра. Такі мізэр ад такой святыні!

Пакуль рухаліся па вуліцы Сацыялістычнай да Міхайлаўскай царквы з залачонамі шпілямі, мы даведаліся, што раён Востраў называўся так таму, што туды, ў адрозненне ад цэнтральнай часткі, выселялі гараджан за ўсялякія правіннасці: за скандалы, крадзеж, «мацершчыну». Вельмі небяспечная была частка горада. За гарадскімі ўмацаваннямі там было балота і, калі йшлі татары, дык як раз праз гэту тэрыторыю. А адзін з раёнаў цэнтральнай часткі называўся прыгожа – Выгода. Слухаючы нашага выдатнага знаўцу, мы рушылі на агледзіны “востраўскай” Міхайлаўскай царквы – аднаго з лепшых помнікаў палескага драўлянага дойлідства 18 ст. У час вайны там была Аўтакефальная царква, незалежная ні ад кога. Там хрысцілі Яўгена Сяргеевіча.

Захаваўшы ў сэрцы малітоўную цеплыню храма з яго салодкім пахам ладану, мы заспяшаліся вонкі, і за вакном аўто паплылі вуліцы са звыклымі “рэвалюцыйнымі” назвамі: Леніна, Валадарскага (наноў Багдановіча). Па дарозе спадар Яўген распавядаў наступнае: што на месцы цяперашняга завода чугунна-ліцейнага абсталявання амаль 100 год існавала Слуцкая мануфактура або Персіярня (1741-1846), фабрыка слуцкіх паясоў; што з вёскі Ячава было больш за ўсё слуцкіх паўстанцаў; што захаваўся будынак бернардзінскага манастыра з падземным пераходам і цяпер там маслабаза і яе дырэктар нават вадзіў Яўгена Сяргеевіча па skleпам. Што Чортаў мост праз Случ, дзе ўпрыцемку ў хмызах рабавалі мінакоў, названы так, быццам пад ім чэрці водзяцца.

Помнік святой Сафіі Слуцкай атрымаўся праз шкло пазадарожніка з кроплямі дажджу, а помнік нацыянальнай гераіні Настасі Слуцкай каля Дома культуры на былой Замкавай Гары нашай згуртаванай кампаніі пашчасціла разгледзіць зблізу. Пасля агледзін такіх прыгожых і гістарычна-значных для беларусаў помнікаў мы адчувалі сябе акрыленымі, нібыта набылі другое дыханне.

Помнік слуцкім паясам скульптара С.Гумілеўскага нагадаў радкі М.Багдановіча. І як жа пасля не наведаць Музей слуцкіх паясоў пры РУП “Слуцкія паясы”, дзе нас гасцінна сустрэлі і распавялі спачатку пра Слуцк (паводле кніг нашага спадара Яўгена), а пасля і пра “персіярню”, брэнд Беларусі. Багацце аналагаў слуцкіх паясоў, створаных на сучасным нямецкім абсталяванні Магэ-

ба, мажліва пры паўторы (не рэканструкцыі) тых жа тэхналогій, перапляценняў, а таксама захаванаму саставу сыравіны (натуральная ніць кітайскага шоўкапраду пастаўлялася на персіярню), што і ў 18 стагоддзі. Хто б мог падумаць, што і цяпер захаваны кожны мікрон у арнаменце! Па жаданню сучаснага заказчыка можна камбінаваць залатыя і срэбныя ніці ў поясе. А ў экспазіцыі “народнага” слуцкага пояса, дзе рознакаляровыя баваўняныя паясы вызначаюцца не статуснасцю, як іх раскошныя цёзкі, а маюць, у асноўным, абярэгавую функцыю, спадар Яўген апрануў без дазволу экспазіцыйны саламяны капялюш.

Далей, калі выйшлі з музея і крочылі наперад, мы пабачылі прыгожыя нямецкія драўляныя дамы. У адным з іх, двухпавярховым, пад час другой сусветнай вайны, была камендатура, а пасля вайны быў суд, які ўжо ў наш час спалілі пры пэўных абставінах.

На колах па Камсамольскай, да рэвалюцыі Сенатарскай, мы рушылі праз цэнтр горада да ружовых муроў Слуцкай міні-ТЭЦ. Мы прайшліся следам за нашым гідам і даведаліся, што на месцы гэтай электрастанцыі, насупраць гімназіі быў самы прыгожы дом у Слуцку, дом Эдварда Вайніловіча. У ім засядала Рада Слуцкай Рэспублікі і штаб паўстання Слуцкай брыгады. Пасля канчатковай ліквідацыі атрадаў паўстанцаў дом адразу сцерлі з твару зямлі. Будынак дваранскага сходу напаткаў лепшы лёс – у ім зараз Слуцкі краязнаўчы музей. А калісьці там “збіраліся дваранчыкі, гулялі ў карты на грошы”. Клубнае жыццё горада вялікай культуры!

Нам таксама было цікава, што раён, дзе жылі немцы, швейцарцы, якія выкладалі ў знакамітай слуцкай гімназіі, арганізаванай Радзівілам у 1615 годзе, называўся Калонія. Статут Слуцкай кальвінскай гімназіі быў настолькі распрацаваны, што знакаміты чэшскі асветнік Ян Амос Каменскі ў сваёй педагогіцы выкарыстоўваў гэты статут. А мы ж ведаем, якія немцы скрупулёзныя. Гэтую гімназію скончыў вядомы астраном Вітольд Цераскі (і аб ім быў матэрыял у Я.Гучка).

На заканчэнне такой прамяніста-займальнай экскурсіі па Слуцку мы наведалі раён Выган (сюды раней выганялі кароў і была геолога-разведка). Яўген Сяргеевіч паказаў свой родны дом № 226, а раней быў 222-м. Маці прадала дом з умовай, каб не

хадзілі і не падглядвалі за новымі жыльцамі, а то скажуць, што сурочылі. А як узгадаў суседа Янку Нядзельку, дык на сэрцы яшчэ больш пацяплела ад мілагучных беларускіх антрапонімаў і тапонімаў.

Развітваючыся з горадам, спадарыня Г. Мяшкова заўважыла, што пасля кожнай сустрэчы са Слуцкам ў сэрцы застаецца пачуццё цеплыні і любові да гэтага ўнікальнага беларускага горада. Цяпер адбылося ўжо яе трэцяе па ліку наведванне Слуцка. Два першых надарыліся, калі Галіна Якаўлеўна ў якасці сябра мастацкага савета канцэрна “Белхудожпрамыслы” і члена журы Рэспубліканскага конкурса на лепшую ткачыху прыязджала на фабрыку мастацкіх вырабаў. Я ведаю, якія прыгожыя сувеніры вырабляюць слуцкія майстры!

Час знаёмства з гасцінным Слуцкам праяцеў хутка, але наперадзе нас чакала галоўная частка нашага падарожжа – Старадарожскі нацыянальна-мастацкі музей Анатоля Белага. Мінаючы розныя населеныя пункты Случчыны, мы заспяшаліся ў Старыя Дарогі (калісьці Старадарожскі раён таксама Случчына была). А па дарозе ў замілаванні працягвалі слухаць спадара Гучка. Так мы даведаліся, адкуль пайшлі некаторыя назвы вёсак: Лучнікі – там стаяў полк лучнікаў, Бранавічы, там было ратнае поле, куды заманьвалі ворагаў і там іх білі. А якімі сучаснымі літаратурамі багатая зямля слуцкая: з Набушава Алесь Пашкевіч, з Лясішча Галіна Каржанеўская, Алесь Жук з Клешава...

І вось нарэшце, раённы цэнтр Старыя Дарогі, дзе каля 52-га дома па вуліцы Садовой нас сустрэла гаспадыня музея, жонка і паплечніца Анатоля Белага – чароўная Ала Мікалаеўна.

Убачыўшы фасад сядзібы музея, перад якім пачэсна красаваліся помнікі і гарэльефы знакамітым дзеячам Беларусі і змагарам за родную мову, мы шчыра здзівіліся такому нечакана смеламу аазісу беларушчыны. Гэта было проста фантастычна і вельмі хваляюча! Пасля вітальных слоў знаёмства, падмацаваных шчодрым абедам, пачалося наша доўгачаканае адкрыццё васьмі тэматычных экспазіцыйных залаў. Цяпер гідам у нас, вядома, была спадарыня Белая, але спадар Гучок не мог стрымаць сваёй любові да гэтага музея, як да роднай бацькаўшчыны.

Пры ўваходзе ў першую залу “Жывапісная Беларусь” на першым паверсе нас сустрэў драўляны анёл-ахоўнік, які тут з’явіўся па задумцы спадара Анатоля, як сімвал веры і адраджэння.

З левага боку ўся сцяна завешана палотнамі Л.Шчамялёва. Тут і партрэт Ларысы Геніюш з валожкамі на фоне летняй ночы, вялікі князь Літоўскі Гедымін каля сцен лідскага замка, партрэт Яўгена Куліка, Эміліі Пляйтэр конна, аўтапартрэт, беларускае вяселле Святланы Белай у Амерыцы.

Рухаючыся далей па зале, я з радасцю пазнала партрэт пісьменніка Альгерда Абуховіча-Бандынэлі пэнздыя мастака Алеся Цыркунова, што ўпрыгожвае і апошнюю старонку вокладкі нарыса Я.Гучка да серыі “100 выдатных дзеячаў” і пазнаёмілася з партрэтам ксяндза Ўладыслава Чарняўскага з крыжом, Бібліяй і ключом (несумненна ад раю). Побач з Бандынэлі красамоўны партрэт Святланы Белай у народным строі на фоне яе гістарычнага часопіса “Полацк” работы А.Крывенкі. Работа А. Кішчанкі “Мадонна” падалася ўсім сумнай. Такі ж задумлівы і мастак Георгій Скрыпнічэнка пад старым гадзіннікам у яго карціне “Аўтапартрэт. Час нацыянальнай свядомасці”. “А гэта Юзік, брат Якуба Коласа” – чуваць барытон спадара Яўгена каля карціны У.Сулкоўскага. Таксама светлай нам падалася і яго работа “Музыкант у нацыянальнай кашулі”. На журнальным століку пад работай Генрыху Ціхановіча (дарэчы ў Старадарожскім музеі налічваецца каля 100 твораў мастака) “Веру уваскрэснеш”, на якой на Галгофу вядуць Беларусь у вобразе Ісуса Хрыста, стаіць партрэт Анатоля Белы, які дабрачыліва пасміхаецца ўсім наведвальнікам свайго вялікага літаратурна-мастацкага збору і запрашае прайсці далей.

Драўляныя прыступкі прывялі нас на другі паверх першага з чатырох двухпавярховых дамоў музея. За нашым узыходжаннем у залу “Гісторыя Беларусі ў мастацкіх вобразах і партрэтах” сачыў “Сымон-мызыка” Г. Ціхановіча. А там нас сустрэлі партрэты лідэраў, гаспадароў, мысляроў Беларусі. Дзіўляла тое, што багатая нацыянальная спадчына застаецца ў Старых Дорогах, а не ў Нацыянальным мастацкім музеі. А. Крывенка стварыў цэлую галерэю магнатаў ВКЛ: князі, гетманы і канцлеры: Сапегі, К. Астрожскі (быў назначаны гетманам у 37 год). Падобна абра-

зам на іканастанасе ў шэраг размясціліся палкаводцы – трэці рад, другі і першы – дзеячы культуры і палітыкі беларускага замежжа: Яўхім Кіпель, дырэктар Беларускага інстытута навукі і мастацтва ў Нью-Ёрку, тутсама партрэт яго сына Вітаўта. Злева партрэты “нашаніўскіх” дзеячоў: Язэпа Дылы, Язэпа Драздовіча, Палуты Бадуновай, Тодара Жылкі. Прафесар Георгій Штыхаў гаварыў, што па музею А. Белага можна вывучыць усю гісторыю Беларусі.

Прыцягвае ўвагу прыгожы бюст А.Белага работы З.Азгура, а таксама харугвы, знамёны, карта Беларусі, складзеная А. Белым, радавод полацкіх князёў і князёў ВКЛ, помнік доктару філасофіі ў галіне матэматыкі і гісторыі навукі Барысу Кіту скульптара У.Мелехава, стэнд з 46 нумарамі часопіса «Полацак» і кнігамі С. Белай. Таксама зачараваў партрэт Святланы, створаны упадабным намі мастаком вялікага палёту А.Крывенкам.

Скульптуры дзеяча беларускай культуры М.Гусоўскага У.Панцэлеева, мастака Н.Орды І. Голубева, палатно “Грунвальдская бітва” М.Басалыгі без усялякіх намаганняў выклікаюць высокія эстэтычныя і патрыятычныя пачуцці.

Прыпыніліся ля экспазіцыі Наталлі Арсенневай, складзенай з нотных аркушаў і фотаздымкаў славутай паэтэсы, і каля “чэскага” стэнду, дзе Яўген Гучок узгадаў, што менавіта вядомы чэхаславацкі дыпламат Ян Масарык, заступнік беларусаў, прыклаў намаганні, каб для беларусаў адкрылі месцы ў Карлавым універсітэце. Вытанчаная арыстакратычная жаночка, якая бліжэй да сённяшняга дня, вылучае партрэт Магдалены Радзівіл, пра яе цёпла піша ў сваёй кнізе Аляксандр Надсан. Яна хацела, каб у Ватыкане была створана структура ў падтрымку беларушчыны, якая б працавала на развіццё беларускай каталіцкай царквы і для гэтай справы княгіня аддала свае вельмі дарагія ажааролак і пярсцёнак. Якая багатая і доўгая гісторыя нашай краіны і з колькіх выдатных асабістых гісторый яна складаецца!

Унікальныя работы мастака Аляксея Пятрухны сустрэлі нас у трэцяй зале. Яны былі легкімі, перапоўненымі святлом. Дасканалы малюнак ствараюць некалькі ліній і – узнікаюць на паперы, кардоне і палатне фігура, партрэт, пейзаж.

У гэтай жа зале два стэнды, прысвечаныя Васілю Быкаву. Ілюстрацыі мастакоў да яго кніг (напрыклад, любімага мастака спадарыні Г.Мяшковай Г.Паплаўскага), партрэты і асабістыя рэчы пісьменніка. Можна было падзвіцца на яве мастацкаму таленту Васіля Ўладзіміравіча: нацюрморты, графічныя малюнкi тушшу мясцін, дзе ён нарадзіўся, дзе вучыўся. В. Быкаў падараваў музею свае пэнзлі і спадар Анатоля дарыў тыя “імянныя” пэнзлі мастакам, якія, на яго думку, вызначыліся. Быкаў апошні час жыве ў Германіі ва ўнікальнага беларуса Барыса Кіта, а жонка Быкава прыязджала ў Старадарожскі музей са старэйшым сынам.

І як было не зазірнуць ў невялікі пакой (4-ю залу), прысвечаны творчасці культурна-асветніцкага клуба “Спадчына” і не пабачыць партрэты «спадчынцаў» Л.Лыча, Я.Юхо, А.Ліса, А. Саламонава і інш., іх асабістыя рэчы, кнігі, артыкулы, афішы, агульны партрэт работы А. Цыркунова?! Дзякуючы намаганням іх кіраўніка і быў пабудаваны гэты надзвычай цікавы гістарычна-мастацкі музей.

Алла Мікалаеўна паведаміла, што замежныя паслы з задавальненнем наведвалі музей. Пасол Чэхіі Уладзімір Румл – двойчы, амерыканскі пасол місіс Карын Сцюарт прысутнічала пра адкрыцці помніку Т. Касцюшке. А шведскі пасол Стэфан Эрыксан зазначыў: “Неймаверна, неспаціжна, каб гэтакае мог зрабіць адзіны чалавек”. Сапраўды арганізаваць сам будынак, сабраць такую колькасць матэрыялу і размясціць па залах экспазіцыі – гэта і непаўторна, і неверагодна!

Аднойчы вячэрнія наведвальнікі-геолагі, у аднаго з якіх дачка вучылася ў школе імя І.Ахрэмчыка, пасля агляду ўсёй экспазіцыі заплакаў і сказаў: “Перад гэтым чалавекам трэба стаць на калені”. Колькі было патрэбна намаганняў, энергіі, духоўнай і фізічнай моцы! І нам, першаадкрывальнікам старадарожскай спадчыны, немагчыма асэнсаваць усё адразу (толькі сёння выстаўлена 1700 адзінак твораў розных відаў мастацтва).

Гаспадыня падвяла нас да невялікага стэнда, прысвечанага караням Анатоля Яўхімавіча, з архівам партызанскага мінулага сям’і Белых, з лістамі, узнагародамі, з картай Старых Дарог, з кнігай «Памяць. Старадарожскі раён». Вось адкуль жыццялюбства і

бясконцы рух наперад у сваёй мірнай, але такой гераічнай справе ў імя сваёй роднай зямлі!

Старыя крэслы, канапа, рарытэтны буфет застаўся Анатолю Яўхімавічу “ад бацькоў бацькоў”. Бацька і дзед Анатоля Белага былі шляхцюкамі з Заходняй Беларусі. Менавіта любоў да прыгажосці, да культурнай спадчыны яго роду, унутраная інтэлегентнасць зрабіла пунктуальнага і мэтанакіраванага летчыка-вайскоўца вядомым мастацтвазнаўцам, калекцыянерам і гісторыкам.

Мы ізноў пераходзілі з адной залы ў другую, разглядаючы скульптуру і медальерную кераміку (больш за 500 медалёў) з партрэтамі вядомых беларусаў, знаёміліся з гісторыяй Беларусі ў графіцы. Адных партрэтаў Ф.Скарыны бачылі каля сотні, а М. Багдановіча – каля 90. Бачылі габелен ручной працы, які быў часткай габелену “Возера” з рэстарана “На ростанях”. Зацікавілі нас карціны, афорты Яўгена Бусла, намалёваныя лакцыямі, якія можна было сустрэць і ў кнізе “Беларуская народная творчасць”; “Партрэт парыжанкі” мастака В.Жалнеровіча, намалёваны алоўкам, і іншыя яго творы з “версальскімі” дыпламамі...

І вось ізноў мы ў першай зале, каля карціны “Веру – Уваскрэснеш” і фотапартрэта Спадара Анатоля. Па сваёй маштабнасці і значнасці Старадарожскі музей можна з гонарам назваць беларускім Луўрам, дзякуючы багатай гісторыі калекцыянавання мастацкіх і гістарычных рэліквій. Аднаго наведвання мала, трэба вяртацца сюды зноў і зноў, бо немагчыма з першага разу асэнсаваць усю глыбіню гэтага праекта даўжынёй у жыццё. Зразумела, што музей патрабуе пастаяннай патрымкі і вывучэння спецыялістамі мастацтва і культуры. Трэба прыязджаць сюды і пісаць студэнцкія дыпламы, магістарскія, кандыдацкія і доктарскія дысертацыі. Як узгадала Ала Мікалаеўна, што яшчэ “пры жыцці Толі у Старыя Дарогі прыязжала студэнтка з Італіі і пісала пра Слуцкі збройны чын”.

Нізкі паклон светлай памяці выдатнага сына Беларусі Анатоля Яўхімавіча Белага. Няхай ягоны Луўр у Старых Дарогах не саступіць па папулярнасці свайму вялікаму французскаму цэзку!

Ліст да пастара з краіны цюльпанаў

23 сакавіка 2004 года

Добры дзень, дарагі Пітэр!

Я ў захапленні ад тваіх лістоў, ад падвышанай увагі да маёй асобы, але сумняваюся, што ты ў захапленні ад майго працяглага маўчання, ад звонкай цішыні з боку вуліцы N. Мне сорамна, але мае пазнанні ў англійскай стаяць на нулявой адзнацы. Таму ўвесь працэс нашай перапіскі з майго боку выглядае наступным чынам. Я атрымліваю твой ліст, скачу ад радасці, як козачка, раскрываю канверт, пераглядаю яго змесціва і... шукаю перакладчыка. У мяне сярод знаёмых толькі некалькі чалавек больш-менш дасканалы валодаюць англійскай мовай. Усе яны – занятыя і дзелавыя людзі. Запісаць пераклад у мяне не атрымліваецца. Таму пераклады тваіх лістоў адрывіста захоўваюцца ў маёй галаве (асаблівыя моманты, якія зацікавілі перакладчыка). Так прабягаюць тыдні. Пакуль я збіралася адказаць на твой першы велізарны студзеньскі ліст – сапраўдны дзённік з жыцця таленавітага святара і скульптара, прыйшоў другі, лютаўскі ліст з рэпрадукцыямі і дыскам. Пітэр, павер, калі б можна было пісаць на рускай, беларускай, а таксама сербахарвацкай, балгарскай і французскай (са слоўнікам), я б адпраўляла карэспандэнцыю спраўна, без спазненняў. А так я выглядаю ў тваіх вачах легкадумным і неабавязковым чалавекам. Прыношу свае прабачэнні за сваю нязладжанасць. На шчасце, усе мае пакуты з перакладамі скончыліся, мне не трэба за адказам ехаць да сяброўкі, чакаць, пакуль яна перавядзе на ангельскую, перапісаць сваім почыркам на чыставік і толькі тады адпраўляць табе. Сёння мой супрацоўнік усталяваў на нашым працоўным кампутары праграму аўтаматычнага перакладу з англійскай мовы і наадварот. Канечне, пераклад атрымліваецца крыху смешны і часам неадарэчны, але пасля рэдактуры пад прымусам майго дабрачыннага памочніка, наша перапіска абавязкова наладзіцца (абяцаю!).

Аб усім па парадку. Дакладней, трохі інфармацыі аб сабе і адказы на некаторыя пытанні. Па-першае, прыношу шчырыя спакушванні з нагоды смерці сястры Геры. Няма нічога сумней такіх

момантаў для кожнага чалавека – будзь гэта блізкі сваяк, добры знаёмы ці вядомая ў свеце культуры асоба, якая сваім талентам змагла спарадзіць у тваёй душы натхненне, імкненне да прыгожага і эмацыйны ўздых. Такой асобай для мяне быў кампазітар, спявак, мастацкі кіраўнік ансамбля «Песняры», народны артыст Беларусі Уладзімір Мулявін. У яго быў незвычайны голас і цудоўныя песні, якія, дзякуй Богу, можна слухаць бясконца на аўдыё-касетах і дысках.

Па-другое, ад усяго сэрца віншую цябе, Піцер, і Геры з Новым 2004 годам (праўда, на двары ўжо вясна)! Жадаю, каб вы ўвесь надышоўшы год знаходзіліся ў полі радасці, любові і прыгажосці! Я адпраўляла табе калядную паштоўку з гатовымі вершамі, але з якімі, я не памятаю, бо вельмі спяшалася. Напэўна, пра дабро і шчасце (ты ж асвойваеш рускую мову, таму я вырашыла, што ты ў сілах перавесці некалькі паэтычных радкоў). Новы год я сустрэла весела, з мамай і бабуляй. Я заўсёды ў блізкім коле прыдумляю ўсялякія розыгрышы, гульні. Стараюся сама стварыць сабе добры настрой, хоць усё не так лёгка і проста, як здаецца з боку. Да 19 студзеня ў нас суцэльныя навагоднія святы з пышным застоллем, якое нават можа змарыць. У гэты святочны час спускаюцца кашалькі многіх грамадзян, якія альбо наносяць гасцявыя відзіты, альбо самі прымаюць гасцей. Так пралятае студзень. За ім апошні месяц зімы – люты. Не паспяваеш угнацца за гэтым часам. Ніводнага спакойнага дня, усюды хочацца паспець, быць у курсе цікавых культурных падзей: канцэрты, выставы, паэтычныя вечары, а таксама ўдзел у працы «Супрацоўніцтва дзелавых і творчых жанчын». Напрыклад, мая мама праводзіць там з канца лютага майстар-клас па завязванні хустак і адрэзаў тканін, а я працую з ёй у якасці асістэнта і мадэлі. Заняткі праходзяць у Рэспубліканскім інстытуце вышэйшай школы. Усе жанчыны, якія наведваюць наш майстар-клас, у поўным захапленні і ад майстра, і ад мадэлі.

Пітер, дзякуй табе за твой клопат пра мяне і маё асабістае жыццё. З аднаго боку, у мяне ўсё добра. Я здаровая і радуся вясне. А з іншага боку, я живу ў чаканні нейкай стабільнасці, нейкай упэўненасці ў заўтрашнім дні, надзейнага мужчынскага пляча, на

якое можна абAPERціся – так званага сапраўднага жаночага шчасця. Наконт разводу з мужам я вырашыла канчаткова. Гэта не той чалавек, якога трэба трымацца ў жыцці. Хоць чыста па чалавечы яго шкада. Ну, чаму я нарадзілася пад сузор’ем рамантычных Рыб? Яны такія нерашучыя. А магла нарадзіцца чыстакроўным Авенам, у красавіку, але чамусьці нарадзілася раней на 1 месяц. Так што мяне чакаюць непрыемныя моманты. Вось калі б прачнуцца свабодным, без хваляванняў і трапання нерваў. Але так не бывае. Давядзецца стрэсаваць наыве.

Пітер, вялікі дзякуй за дыск Крысціны Бранка. Мне вельмі падабаецца такая музыка. Ды і сам дыск пышна аформлены. Я ім проста люблюся. Я люблю апрацаваныя і аўтэнтчныя народныя мелодыі. Я не была ў сонечнай Партугаліі, не піла чароўнага портвейна, але ўяўляю, як гэта выдатна. Адзінаццаць гадоў таму я ўпершыню трапіла ў Балгарыю – павезла, як выхавальнік, на аздараўленне чарнобыльскіх дзяцей. І гэтая краіна проста звяла мяне з розуму. Каханне з першага погляду. Аказваецца і ў краіну можна закахацца, як у чалавека. Пасля гэтага я яшчэ тройчы адпачывала там: і на чарнаморскім узбярэжжы, і ў самай старажытнай вобласці Балгарыі – залатой Тракіі. Для мяне Балгарыя з яе мовай, песнямі, кулінарыяй, сонцам, морам, садавінай – гэта прабраз шчасця. Хоць жыць я там, на жаль, не засталася.

Таксама я ўдзячная за буклет з выставы Поля Клі. З яго я даведалася шмат новага пра жыццё і творчасць такога разнапланаванага (праца ў розных тэхніках) сюррэаліста. Як добра, што для выставы аб’ядналіся два музеі, якія змаглі раскрыць мажорны і мінорны перыяды ў творчасці Поля Клі (да і пасля 1933 года). Дзяўчына, якая перакладала буклет, прынесла мне закладку з фрагментам працы Джоана Міро, якую яна выпадкова купіла на кніжным кірмашы. Аказваецца, Клі і Міро працавалі ў адной тэхніцы, і нават удзельнічалі ў 1925 годзе ў адной выставе ў Парыжы. Вось якія бываюць супадзенні ў рэальным жыцці.

У сакавіку ва ўсёй нашай сям’і, акрамя мамы (2 красавіка), пачынаюцца дні нараджэння. У малодшай бабулінай сястры – 11 сакавіка, у мяне – 13 сакавіка, у бабулі – 19 сакавіка. А два (ўжо нябожчыка) бабуліных брата нарадзіліся 16 сакавіка, з інтэрва-

лам у 4 гады. На працы два бліжэйшых супрацоўніка з нашага аддзела таксама Рыбы. Адразу столькі Рыб, сапраўдны акварыум. І весела, і клопотна. Прыемна атрымліваць падарункі і слухаць прыгожыя словы віншаванняў, але трэба яшчэ стаяць паўдня ля кухоннай пліты і накрываць смачныя святочныя сталы для гасцей. А ты выпадкова не Рыба? Калі так, то міласці просім на нашы традыцыйныя святы. У нас вельмі весела!

Пітэр, ты прасіў мяне раскажаць аб Грунвальдскай бітве. Пазнака ў Грунвальд была для мяне і вялікай радасцю, і выпрабаваннем. Я прыкладу да ліста ўрывак з майго артыкула для Інтэрнэту. Табе спадабаецца яго пачатак: «Аднойчы, сама таго не чакаючы, я трапіла ў эпоху ваяўнічага Сярэднявечча, у эпоху мужнасці і прыгожай любові. Гэта здарылася з 12 па 24 ліпеня 2000 года, калі разам у мінскім рыцарскім клубам «Княжы гуф» (Княжы строй) (у ліку групы падтрымкі) я падарожнічала па Паўночнай Польшчы».

Дарагі Піцэр, я спадзяюся, што ў недалёкай будучыні я наыве ўбачу мора галандскіх цюльпанаў і твае незвычайныя скульптуры.

Як адчувае сябе рука творцы, ужо зажыла? Я жадаю табе здароўя і вясновага натхнення.

На гэтым заканчваю свой ліст. Яшчэ раз прабач.

Да пабачэння. Цалую і абдымаю цябе і Гэры.

Вялікае прывітанне ад маёй мамы Эвеліны.

Кася.

Хронікі далёкага Крыму

(урывак)

На ўездзе ў Бахчысарай, ў маляўнічай паўднёвай зеляніне, утульна размясцілася чайхана «Кача», дзе мы пілі каву «Капучына» з «курабье» – усходнім ласункам з пясочнага цеста на барановым тлушчы ў выглядзе зорчкі, прыцярушанай цукровай пудрай. Кача – гэта рака, якая працякае ў паўднёва-заходняй частцы Крыма. Над Качынскай далінай у раёне Бахчысарая навіслі велізарныя скалы мудрагелістай формы, якія аказваецца ўтварыліся ў

працэсе выветрывання, і якія захавалі багатую на падзеі гісторыю гэтага краю. І непарыўная яна з Крымскім ханствам.

Крымскае ханства – феадальная дзяржава, якая праіснавала з 1443 па 1783 год. Яно выдзелілася з Залатой Арды, стаўшы з 1475 г. васалам Турцыі. Бахчысарай быў заснаваны на рацэ Чуруксу (гнилая вада) у пачатку XVI ст. крымскім ханам Хаджы-Гірэем і быў сталіцай Крымскага ханства да 1783 года. Крымскія ханы здзяйснялі спусташальныя набегі на рускія, украінскія, малдаўскія і польскія землі. Ханства было ліквідавана ў ходзе руска-турэцкіх войнаў і далучана да Расіі. Кырк-ор (Чуфут-кале) – першы ханскі горад – размяшчаўся на плоскай вяршыні гары каля Бахчысарая. Да нашага часу захаваліся руіны абарончых сцен, вежаў, падмуркі дамоў старажытнага горада.

Ханскі палац у Бахчысарай, пабудаваны паміж XVI і XVIII стст., займае 4 гектары і нагадвае сапраўдны “сад-палац”. У тыя часы ў ханстве было пабудавана 32 мячэці – па адной у кожным раёне і дзве ў ханскім палацы. Тады ж у Бахчысарай адкрылі медрэсэ (вучылішча) з той мэтай, каб выхаванцы маглі пакланіцца мудрасці хана і Алаха. У XVI ст. правялі вадаправод, збудавалі 150 фантанаў. Сярод іх знакаміты “Фантан слёз” у Бахчысарайскім палацы, створаны яшчэ ў 1764 годзе, і апеты Адамам Міцкевічам у “Крымскіх санетах” (1825), Аляксандрам Пушкіным у паэме «Бахчысарайскі фантан» (1821-1823), Уладзімірам Караткевічам у вершы “Фантан слёз” (1969).

Рамантычная паэзія ў 20-я гады XIX стагоддзя авалодвала многімі і захапляла, вынікаючы капрыззе Байрана. І Пушкін ніколі не адракаўся ад сваіх ранніх гарачых «паўднёвых паэм». Вандруючы па Каўказе і Крыме, дваццацігадовы паэт часам забываў, што ён выгнаннік, апальны паэт. Ён упершыню здзяйсняў самастойнае падарожжа і здзіўляўся самому сабе. «У Юрзуфе, – піша Пушкін, – жыў я седзьма, купаўся ў моры і аб’ядаўся вінаградам; я адразу прывык да паўдзённай прыроды і атрымліваў асалоду ад яе з усёй абыякавасцю і бестурботнасцю неапалітанскага лацароні (гультая). Я любіў, прачнуўшыся ноччу, слухаць шум мора і заслухоўваўся ім цэлыя гадзіны». Вяземскаму нават здавалася, што Пушкін у Крыме «патанае ў раскошы Усходу».

Але Пушкін бачыў сапраўдную прыроду і сапраўдны «Усход», якім ён быў на самой справе. «У Бахчысарай прыехаў я хворы... – піша Пушкін. – Увайшоў у палац, убачыў я сапсаваны фантан; з іржавай жалезнай трубкай па кроплях падала вада. Я абыйшоў палац з вялікай прыкрасцю на нядбайнасць, у якім ён тлее...». У Бахчысарай ён пачуў ад Раеўскага-малодшага паданне пра каханне хана Керым-Гірэя да палоннай Марыі Патоцкай. Казалі нават, што яны былі абвянчаныя. Пушкін паглыбіўся ў чытанне «Пада-рожка па Таўрыдзе» Мураўёва-Апостала, які не давяраў легендзе аб шлюбе Марыі і крымскага хана. У новай паэме Пушкіна былі ўжо знаёмыя сюжэтныя матывы: выкраданне, палон, мара аб выратаванні. Згадка пра кінжал Зарэмы абрывае гэтую дзіўную і сумную гісторыю. Тут Пушкін упершыню закрануў тэму «рока». І на паўразбураных слупах Бахчысарая прачытаў «Запавет лёсу». У 1824 годзе паэма была надрукаваная з прадмовай Вяземскага. Галоўную вартасць гэтай паэмы Вяземскі бачыў у тым, што «колер мясцовасці захаваны ў апавяданні з разнастайнай свежасцю і яркасцю».

У зборніку «Легенды Крыма» ёсць легенда аб тым, што дадзены фантан – гэта помнік любові самага жорсткага і лютага хана Крым-Гірэя (Керым-Гірэя), які правёў усё жыццё ў войнах дзеля ўлады і славы, да чатырнаццацігадовай дзяўчыны-нявольніцы Дзеляре, закахлай ў няволі. «...На заходзе дзён сваіх любіць мужчыне вельмі цяжка. Ад гэтай любові сэрцу заўсёды балюча. А калі любімая сыходзіць з жыцця сэрцу заўсёды балюча. Выклікаў Крым-Гірэй майстра-іранца Амера і сказаў яму: – Зрабі так, каб камень праз стагоддзі пранёс маё гора, каб камень заплакаў, як плача мужчынскае сэрца. На мармуровай пліце выразаў Амер пялестак кветкі, адзін, другі... А ў сярэдзіне кветкі высек вока чалавечае, з яго павінна была падаць на грудзі каменя цяжкая мужчынская сляза, каб паліць яго не перастаючы, дзень і ноч, гады і стагоддзі. Каб сляза набягала ў чалавечым воку і павольна-павольна кацілася, як па шчоках і грудзях, з кубачка у кубачак. І яшчэ выразаў Амер слімака – сімвал сумневу. Ведаў ён, што сумнеў грызе душу хана: навошта патрэбна было яму ўсё яго жыццё з веселосцю і сумам, любоўю і нянавісцю, усімі чалавечымі

пачуццямі? Так пранёс Амер праз стагоддзі любоў і гора, жыццё і смерць юнай Дзеляре, свае пакуты і слёзы...».

Горы ў ваколіцах Бахчысараю нагадваюць трох кракадзілаў, якія паўзуць у Бельбекскую браму. Рака Бельбек – трэцяя па велічыні рака Крыма, але самая паўнаводная, што разразае Крымскую горную граду. Ад Сюринскай крэпасці (IV ст. да н.э.) да нашага часу захаваліся рэшткі крэпасных сцен, замка, вежаў. У Сюйрэн-гратах захаваліся нават салярныя знакі эпохі палеаліту. У VI ст. н.э. тут паўстала княства Феадора і крэпасць служыла як вартавы пункт, дзе на другім паверсе заходняй вежы захаваліся фрэскі X ст. Трохсотметровыя скалы атачаюць крэпасць з двух бакоў.

Захаваліся таксама пячорныя гарады і ўмацаванні. Мангуп-Кале – сталіца старажытнага княства Феадора. Пасля заваёвы княства Феадора ў XV ст. туркі ператварылі Мангуп ў месца зняволення вязняў. Колькі ж таямніц захоўваюць гэтыя велічныя горы, якія атачаюць паэтычную перліну Крымскага праўострава!

2002 г.

Запрашэнне на арабскі танец

Атрымаўшы ад рэдакцыі нечаканае заданне і пакінуўшы ў баку мары і мроі аб падарожжах, я беглым пярком паспрабую асвятліць прыроду прыгожага і загадкавага арабскага (усходняга) танца. Танца, у якога такая ж сіла, як у ветру, маланкі, электрычнасці (Ех oriente lux – з усходу святло. Гэта аб ім?!). Танца, сплеченага з мелодыі і рухаў, які дае нам радасць і выклікае лю-боў. Дазволю сабе некаторую паэтычную вольнасць паразважа-ць пра яго.

Выгіб цела... Паварот сцёгнаў... Вабныя вочы... Усходні танец – гэта сімвал жаночасці і кожнай жанчыне ён дорыць пры-гажосць, моц, здароўе. Ён паказвае, што жанчына можа быць прыгожай ў тым фізічным целе, якое яна мае. Юнай дзяўчыне ён дапамагае раскрыцца, стаць – захаваць маладосць. На конкурсе маладых выканаўцаў, які праходзіў у рамках «Славянскага база-Голас «Галактыкі»

ру», малады спявак з Узбекістана Джанік Джаз выразна выканаў паўзабытую песню: «На востоке, на востоке, что за небо без луны? На востоке, на востоке, что за чай без чайханы». Слухаючы яе, я мімаволі «растала» ў дзіўным свеце Усходу і ўявіла мясяцовае неба, маладога чайханшчыка і сябе танцуючай усходняй пры-гажуняй. То плаўна, то хутка рухаюцца сцёгны, у такт ім звіняць залатыя манеты і бразготкі на поясе, як птушкі ўзлятаюць рукі. Я – сама грацыя і запал! А вакол столькі захопленых вачэй!..

А бо, праўда, як можна ўявіць усходнюю прыгажуню без яе чароўнага «танца жарсці»? Як напісаў пра яе вядомы балгарскі пісьменнік, адзін са ста славутых балгар усіх часоў Мікалай Хай-таў: «...Крамная, навістая, і ўсё пры ёй – і костка, і мяса, тое, што спераду – ходырам ходзіць, агнём палае, так што глядзець – не наглядзішся, ціскаць – не націскаешся. Белая, як смятана, вочы, дакладна нож, у сэрца ўтыкаюцца, а грудзі – печ гарачая: хоць цеста кідай, хлеб пячы ды ясі!».

Усходні танец прывабны, у ім столькі жыцця і дзеяння. Аб гэтым старажытным мастацтве танца, якое дайшло да нас, гавораць ажыўлена, з запалам. Яно заваявала Еўропу і гэта – факт, які адбыўся. Па волі лёсу, прыцягальная сіла Усходу ўвайшла ў маё жыццё з дзяцінства пад зачаравальныя распевы мамы аб маляўнічым Алжыры, дзе я з'явілася на свет. Цалкам арганічна, душой і сэрцам, я ўвабрала магію арабскага Усходу. Магію бірузовага неба, зялёных пальмаў, мандарынавых дрэў, пяскоў пустыні і Міжземнага мора. Па паштоўках той пары – маляўнічым гідам з мінулага ў сучаснасць. Хваляванне і трапятанне ад дрыготкіх, нібы пульсуючых мелодый, моцных, гартаных або, наадварот, салодкіх, звонкіх галасоў і, тым больш, танца жывата, я зведала значна пазней.

Маё першае знаёмства з усходнімі танцамі адбылося ў Балгарыі, паўднёваславянскай суседцы Турцыі. Нароўні з хора, традыцыйным танцам жыхароў Балкан, танец «жывата» трывала «ўжыўся» у балгарскі менталітэт. Аказваецца, балгарскія дзеці пачынаюць «рухаць» сцёгнамі і дыхаць адной дыяфрагмай пад запальныя рытмы ўжо з чатырох гадоў. Вялікай папулярнасцю карыстаюцца відэазапісы неверагодна фэйных выступленняў

удзельніц Міжнароднага фестывалю мастацтва ўсходняга танца ORIENTALIST, які праводзіцца штогод у Стамбуле на пачатку траўня. Якія касцюмы, якія танцоркі! Тады я і даведася, што абавязковымі складнікамі ўсходняга танца з'яўляюцца ўдары (рэзкія рухі сцёгнамі практычна ва ўсіх напрамках), вібрацыя ў спалучэнні з плыўнымі рухамі (хвалямі, коламі, васьмёркамі). Кардынацыя рухаў тут вельмі значная – трэба, каб малюнак танца глядзеўся цэласна, каб завалодаў усёй увагай глядача. Але паўтарыць «арыентальскі» танец, выхапіўшы з рухаў самую сутнасць, мне яшчэ доўга не ўдавалася, нават пры наяўнасці балгарскіх настаўнікаў-добраахвотаў. Яны заўсёды ці то весела, ці то спагядліва перамігваліся паміж сабой і ўслых канстатавалі наяўнасць альбо адсутнасць майго брушнага дыхання: «Кася дыхае? Кася не дыхае». А я не здавалася, бо час ад часу ўзгадвала мудрыя словы Алішэра Наваі пра тое, што цярпенне маюць здольныя стварыць шоўк з лісця і мёд з пялёсткаў руж. Таму сузіранне на начной дыскатэцы вольных танцавальных нумароў «а-ля Усход» мясцовай моладзі давала мне райскую асалоду. Дарэчы, лепшая дыскатэка ў горадзе Сазопалі так і называлася - «Парадайз». Такім было маё спасціжэнне арабскага танца, заснаванае на захапленні ўсходам (а можа такім чынам прарэзаўся голас магрыбскіх продкаў?).

Далей, праз некаторы час, навучанне адбывалася ўжо ў Мінску, у групе для неспрактыкаваных танцораў, пад кіраўніцтвам дасведчанага трэнера. Сур'ёзная размінка да сёмага поту, бясконцыя паўторы танцавальных «па» і парадаксальна чароўны Таркан! Хіба могуць якія-небудзь фізічныя практыкаванні параўнацца ў прывабнасці і прыемнасці з запальным танцам? Паверце, няма лепшых сродкаў (акрамя ёгі і гімнастыкі цыгун), каб гарманічна развіваць сваё цела. А як квітнее душа!

Для асабліва дапытлівых будучых “усходніх танцораў” прапаную крыху гісторыі. ўсходнія танцы вельмі разнастайныя. Гэта могуць быць арабскія танцы, танец жывата, індыйскія танцы. Усе яны маюць адну асаблівасць: зачароўваюць сваёй прыгажосцю рухаў і экзатычнасцю. Калісьці яны мелі некалькі закрыты характар, бо на ўсходзе, адкуль яны прыйшлі да нас, жанчыне было дазволена танцаваць толькі для свайго мужа і сям'і. Здавалася б,

што танец – гэта выключна жаночая прэрагатыва. Але на самой справе танцаваць могуць і мужчыны. Наогул усё менавіта з мужчынскага танца і пачалося. Лічыцца, што так званыя «арабскія» танцы першапачаткова з’явіліся зусім не на прасторах Аравіі, а ў Тыбеце, прыкладна 11 тысяч гадоў таму, на зыходзе цывілізацыі Хіціды. Гэта была ваяўнічая цывілізацыя, таму і танцы гэтыя спачатку былі часткай мужчынскіх воінскіх танцаў. Затым танец пачалі выконваць жанчыны, змяніўшы малюнак танца і зрабіўшы яго больш зачаравальным. Неўзабаве танец распаўсюдзіўся па ўсёй Азіі, і, вядома ж, трапіў, такім чынам, і да славян. Што цікава, арабскія танцы былі шмат у чым перапрацаваныя старажытнымі славянамі. Яны выконваліся, напрыклад, падчас правядзення рытуалаў. Але за некаторы час да з’яўлення ў славян хрысціянства танец адправіўся ў адваротнае падарожжа ў Азію, і забыўся, мала выконваўся ў нас. Зараз жа можна казаць аб другім прыходзе арабскіх танцаў да нас, калі яны зноў сталі папулярнымі.

Спасцігнуць азы танца можна ўжо праз месяц заняткаў. На-яўнасць круглявай таліі, бачнага живоціка і шырокіх сцёгнаў таксама добрыя, як і іх прамыя супрацьлегласці.

Амаль кожная з нас незадаволеная тым, што падарылі ёй бацькі. Касцюм для арабскага танца дае нам масу магчымасцяў скарэктаваць менавіта тое, чым мы незадаволеныя. Яго можна пашыць самому ў хатніх умовах, замовіць у куцюр’е і купіць у спецыялізаванай краме. Галоўнае, не забыцца набыць шырокі металічны пояс («залаты» або «срэбны»), які цудоўна падтаквае музычным тэмпа-рытмам і танцавальным рухам.

Вось такія яны жывучыя, гэтыя танцы Усходу. Танец жывата не выпадкова атрымаў такую пікантную назву. У шматлікіх народаў слова “жывот” сугучнае са словам “жыццё”. Значыць, гэта танец жыцця. Можа, ізноў надыйшоў час жыць і танчыць?

2007 г.

Наталья Радькова

Находка двадцать лет спустя

Лето было в самом разгаре. В воинской части шла подготовка к отправке личного состава и техники на стрельбы на полигон в далёкий Казахстан. Дел было по горло и у командного состава, и у подчинённых. Работами по погрузке боевой техники руководил сам генерал Миклок. За плечами у него был большой стаж воинской службы в разных уголках бывшего СССР. Это был человек плотного телосложения, высокий, подтянутый. Ещё будучи курсантом, он взял за правило начинать утро с зарядки, и вот уже много лет следовал этой традиции. Он пристально и внимательно наблюдал за погрузкой, которая шла, что называется, без сучка, без задоринки. Но на лице генерала была видна некая озабоченность и волнение. И связано это было вовсе не со служебными моментами, а с семейными обстоятельствами.

Ещё вчера вечером его младшую дочь Ирину отвезли в роддом. Пал Палыч с минуты на минуту должен был в очередной раз стать дедом. Уже в который раз звонил домой жене, всё интересовался, нет ли новостей из роддома.

– Экий ты нетерпеливый, – отвечала ему Нина Сергеевна, – хватит тебе названивать, сама наберу, когда узнаю. А то и сам волнуешься, и меня лишний раз будоражишь.

Не прошло и десяти минут с момента их последнего разговора, как Нина Сергеевна услышала очередной телефонный звонок. Приготовившись снова отчитать мужа за нетерпеливость, Нина Сергеевна тут же в роддоме без прокола взяла трубку и сказала: «Здравствуйте, говорите же быстрее!»

– Нина Сергеевна, поздравляю, вы – бабушка, а внук у вас – богатырь, весь в деда! 4 100 родился и 55 сантиметров роста.

– Спасибо... спасибо большое, – говорила в ответ Нина Сергеевна, сдерживая намернувшиеся слёзы радости.

В следующую минуту она уже звонила мужу.

– Паша, у нас внук, внук родился!

– Ой, Нинуль, радость-то какая! Внука дождались, а то всё девки в семье. Пацан! Орёл! Богатырь! Так сколько он там в килограммах?

– 4 100 и 55 сантиметров рост.

– Вот я и говорю – орёл! Богатырь! Доча-то наша – молодец, мальчонку какого родила!

– Ладно, Паша, ты там грузись, а я к Иринке буду собираться, съезжу, узнаю, может что надо.

Новость о том, что у генерала родился внук, мигом облетела весь городок. Пал Палыча от души поздравляли сослуживцы.

– Паша, поздравляю! Теперь с тебя причитается, надо отметить такое событие! – подоспел его друг, полковник Балутин.

С Балутиным они когда-то вместе начинали свою воинскую службу, прибыли молодыми лейтенантами в гарнизон, познакомились. Получилось так, что их даже заселили в одну комнату в офицерском общежитии. Именно Пал Палыч приучил Балутина выбегать с ним на зарядку в любую погоду и в любое время года. Вместе служили, по выходным вместе ездили в город, ходили в кино, знакомились с девочками. Именно Серёга Балутин был свидетелем на свадьбе у Пал Палыча и Нины Сергеевны. Затем судьба разбросала их по разным точкам, а теперь вот уже три года, как они снова оказались в одной части, и оба были этому очень рады.

– Да не вопрос! Давай завтра, вечером, я ещё Бордовскому позвоню и Димычу тоже. Посидим и за внука накатим, и за то, чтоб наши отстрелялись хорошо. Идёт?

– Идёт, тогда до завтра!

Как и договаривались, наавтра Пал Палыч и Нина Сергеевна принимали гостей. Балутин был, как всегда, оригинален: в подарок родившемуся внуку сослуживца принёс самовар, медный, расписной под хохлому.

– Ну, ты, Серёга, додумался, дитю самовар в подарок принёс, – подтрунивали гости.

– А что тут придумаешь, когда в магазине шаром покати, а привоз только через неделю, в город-то теперь не выберешься. Ничего, подрастёт пацан, буду к вам в гости приходить, а он мне чайку и нальёт из личного самовара.

– А я вот кисти да краски принёс. Детишки все рисовать любят, – достал свой пакет генерал Бордовский.

Примостившись на диване, подполковник Самошин в это время развязывал большую картонную коробку. В ней оказалась настольная игра: детский бильярд.

– Вот, ребята, в эту штуку можно играть и детям и взрослым, – комментировал свой подарок подполковник. Так что эта игрушка мальчишке надолго. Мы ещё ему компанию составим, когда вырастет.

– Чего ждать-то, можно и сейчас опробовать, – предложил Балутин.

– Точно, давайте партейку раскатаем, – согласился новоиспечённый дед.

– Да вы, прям, как дети малые, – улыбнулась Нина Сергеевна.

– Ладно тебе, Нинуль, мы ж разок всего, проверить, так сказать, как кий бьёт, не кривой ли, – загоготали мужчины.

Вечер прошёл душевно, разговоры складывались про детей и внуков, иногда плавно перетекая в служебные.

После ухода гостей Нина Сергеевна попросила мужа упаковать подарки и сложить их на антресоль дожидаться, когда подрастёт их маленький хозяин.

– Давай, шевелись, Паша, а то укаатишь на свой полигон, мне их самой не запихнуть будет на такую высоту.

Дом, в котором жил генерал, строили сразу после войны, поэтому потолок там были высоченные – 2.70. Где уж тут женщине самой дотянуться до этих антресолей. А складывали туда обычно вещи на длительное хранение или то, что сразу выбросить жалко. Вот и отправился самовар в компании кисточек и бильярдного стола дожидаться своего звёздного часа.

Через два дня дед укатил на полигон, а ещё через несколько дней Нина Сергеевна с зятем забрали дочь и внука домой. Малыша назвали Максимом. Конечно же, теперь всё внимание, забота и ласка были обращены именно ему. У Нины Сергеевны и Пал Палыча ещё было три внучки, но, поскольку Максимка был младший, в семье его пестовали и лелеяли, как никого прежде.

Как и все детишки, он ходил в детский сад, а затем в школу. Особым рвением к учёбе не отличался. Незаметно пробежало время, и уже на носу был школьный выпускной, а за ним и поступление в институт.

Все его одноклассники уже твёрдо определились с выбором профессии. У Максима же по этому поводу был, что называется, ветер в голове.

– Макс, и на что ты надеешься? – не унималась его старшая сестра Вика, – к тестированию люди за год начинают готовиться, а то и раньше. Думаешь, всё так просто? Я вон, когда поступала, знаешь, какой конкурс был, каждый балл на вес золота. А ты даже толком не знаешь, куда поступать собираешься.

– Ладно тебе, учить меня вздумала, – недовольно ворчал Максим.

– Ты бы прислушался, что сестра тебе говорит. Уж она-то лучше знает, что да как. Вспомни, как она готовилась в медицинский. Только благодаря своему старанию и упорству поступила, – приговаривала мама.

– Ага, ты ещё скажи: «тяжело в ученье – легко в бою!», – подтрунивал Максим.

– Ты не ёрничай, – вмешался дед, – гляди, чтоб не оказалось наоборот: «легко в ученье – тяжело в бою»!

– Ты чего, дед?

– А ничего, с таким отношением к учёбе пойдешь по осени сапоги армейские примерять.

– Ай, всё! – огрызнулся Максим, и эта фраза означала: «отстаньте от меня!»

Как и следовало ожидать, вступительную компанию он действительно провалил. Провалил настолько, что набранных баллов не хватило даже на платное обучение. Вот тут-то Максим по-настоящему испытал шок. Только теперь до парня дошло, как были правы родители, дед с бабушкой и Вика. В этот момент ему казалось, что жизнь пошла под откос, и теперь он не представлял, что будет дальше. А дальше всё получилось, как и говорил мудрый дед. Вскоре по осени Максим получил повестку в военкомат. В семье наступило лёгкое волнение.

– Паша, надо что-то предпринять. Кто у тебя в военкомате есть? Поговорил бы про отсрочку какую? Надо что-то думать, – не находила себе места Нина Сергеевна.

– А что теперь думать? Думать надо было раньше, и не нам, а вот ему. Детство давно закончилось, Максимушка, а ты и не заметил. Во взрослой жизни за тебя делать никто ничего не будет. Всё надо делать самому и вовремя! Так что давай, готовься, когда там, в повестке указано явиться?

– Папа, ну зачем ты так? – всхлипывала Ирина.

– Всё, разговор закончен, я позориться не собираюсь. Пойдёт служить, как положено. Армия из него человека сделает и дурь из головы выбьет. Он же мне потом ещё «спасибо» скажет. Отмажь я его сейчас, думаете, что-то изменится? Опять бездельничать будет, и ещё один год коту под хвост. Решено, и точка! Армия сейчас для него – самое лучшее, что может быть.

Теперь жизнь не оставляла Максиму выбора. В назначенный день и час он, коротко подстриженный, стоял у военкомата. Впереди были два года службы, два года взросления и размышлений. Как и говорил дед, служба лёгкой не была, и морально, и физически. Пал Палыч не предпринял никаких усилий, чтобы оставить внука служить где-нибудь при штабе. Максим попал в мотострелковые войска. Оказалось, что простых вещей в армии нет. Начиная с умения правильно намотать портянку, чтобы потом в пешем походе без проблем преодолеть заданное расстояние в строго отмеренный промежуток времени. Немаловажным является и умение правильно обращаться с оружием, надеть противогаз, двигаться в установленном темпе, соблюдать дыхательный и питьевой режим. А самым сложным поначалу было неукоснительное выполнение приказов командира. Всем этим и другим премудростям Максиму пришлось научиться. Поблажек здесь никаких и ни для кого не было.

Два года службы не прошли даром. Помимо учений и марш-бросков Максим принимал активное участие в общественной жизни. Ему нравилось оказывать содействие в оформлении боевых листов и стенгазет. А поскольку с чувством юмора у него было всё в порядке, то выпуски, за которые отвечал непосред-

ственно он, отличались особым колоритом. К концу службы Максима назначили главным редактором стенгазеты.

За время службы в армии Максим многое понял и уже совсем по-другому смотрел на жизнь. К концу срока даже имел благодарность от командования за отличное несение службы.

Дед был всегда в курсе, как идут дела у внука. По своим каналам узнавал, всё ли в порядке, и радовался, что замечаний к его чаду нет, и даже, напротив, его Максимушка – на хорошем счету.

Быстро пролетели два года службы, и вот уже на пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял повзрослевший и возмужавший Максим.

Услышав звонок в дверь, Нина Сергеевна поспешила, как всё равно чувствовала, что этот визит её явно обрадует.

– Максимушка, родной, почему ж ты не сообщил, что приезжаешь? Папа бы тебя встретил на машине.

– А я, бабуль, решил сюрприз сделать! Что это у вас погром какой-то, как всё равно переезжать собрались? А дед где?

– Да не переезжать собрались, а ремонт делать. Хотели успеть к твоему приходу из армии. Мы тут с дедом на прошлой неделе начали вещи в большую комнату переносить, а его сердце прихватило. В госпитале наш дед. Ты не переживай, там специалисты хорошие, заведующий отделением Игорь Петрович – муж нашей соседки, так он говорит, кризис миновал, теперь главное покой и уход, всё будет хорошо. Вика наша в этом же госпитале работает, правда, в другом отделении, так что деда навещает, и не один раз в день. Да и он бодрячком держится. Уже домой начинает проситься. А беспорядок так и остался. Родители твои на работе целый день, вечером к деду в госпиталь надо. А у меня силы уже не те, чтобы весь этот скарб двигать.

– Бабуля, всё нормально! Я вернулся, теперь мы с тобой быстро всё по местам растолкаем. Ты только скомандуй.

– Вот и хорошо! А теперь садись кушать, голодный, небось. Я голубцов только что натушила, и картошечка есть, сейчас разогрею.

– Бабуль, не надо греть, я так, холодненькую, в сольку помакаю и с лучком.

– Давай, давай, а голубчик я тебе всё-таки положу.

– Ладно, давай твой голубчик.

Нина Сергеевна не могла налюбоваться на своего повзрослевшего внука. Она следила за каждым его движением, и лишь теперь заметила, как сильно он стал похож на своего деда. Такие же синие улыбающиеся глаза, такой же волнистый чуб. Те же движения и жесты, взгляд, даже интонации в голосе были такие же. Максим кушал, рассказывал про свою службу, расспрашивал про родителей и сестру. За разговорами они и не услышали, как щёлкнул дверной замок и в комнату вошла Вика.

– Максик! Ты вернулся! – она бросилась на шею брату.

– Привет, сестричка, Вичка-чечевичка.

– Я, между прочим, уже не чечевичка, а дипломированный специалист.

– Да знаю я, знаю.

– Как там дед? Рассказывай.

– Дед в своём репертуаре, домой хочет. Игорь Петрович говорит, что не раньше, чем через две недели выпишет, и то при условии, что никаких нагрузок на сердце.

– Надо его навестить.

– Подожди, мама скоро будет, с ней и сходишь. Вот дед обрадуется! Ты-то как, братишка? Какие планы? Чем заниматься теперь думаешь?

– Работать устраюсь, а ещё я тут собрался на подготовительное отделение подать документы. Хочу в следующем году в универ поступать, готовиться буду, а то получается, как в том анекдоте: мало что знал, да ещё и забыл. А ещё раз пролететь с поступлением что-то не хочется.

– О, да ты совсем по-другому рассуждаешь! Теперь уже знаешь, куда хочешь поступать?

– Есть варианты, надо ещё окончательно определиться. А вот и мама пришла! Mam, привет!

– Здравствуй, мой хороший! Как вырос-то, возмужал! Какой ты красивый у меня стал, давай к столу!

– Mam, да я только из-за стола, бабуля уже накормила, напоила, разве что спать не уложила.

- Ты такой же шутник.
- Мамуль, ты сама кушай, и давай к деду сходим, проведедем.
- Сходим, конечно же, сходим. Я быстренько.

Визит внука в госпиталь был для Пал Палыча лучше всяких лекарств. Взглянув на отца, Ирина заметила, что он помолодел на глазах лет на пять. Таким бодрым и весёлым она давно его не видела.

- Как ты, Максимка, не держишь зла на деда?
- Да ты что, дед, какое там! Я тут спасибо тебе сказать хотел. Я многое понял за эти два года, так что ты был, как всегда, прав.
- Ну, хотел – говори! – заулыбался Пал Палыч.
- Говорю. Спасибо! Ты сам давай поправляйся. За ремонт не волнуйся. Я бабуле всё помогу.

– Максим, ты там с антресолей подоставай барахло, пусть бабушка пересмотрит, может что-то уже не нужно. Стремянку в кладовке возьми, так не добраться будет. Мне уже самому и на стремянке не долезть.

– Будет исполнено, товарищ генерал, завтра же с утра и займусь!

Наутро Максим под руководством бабушки занялся ревизией антресолей. Сколько же здесь за многие годы набралось всякой всячины! Самое удивительное было то, что у каждой вещи была своя история. Бабушка с удовольствием рассказывала внуку, как эти вещи появлялись в доме и что они для неё значат. Здесь притаилась старая радиолa с множеством виниловых пластинок. Деньги на эту радиолу откладывали почти год с каждой зарплаты. Потом по вечерам с удовольствием слушали песни в исполнении Марка Бернеса, Леонида Утёсова, Владимира Трошина, Майи Кристалинской, Эдиты Пьехи, Ирины Бржевской и Клавдии Шульженко. Здесь же на антресоли нашлись старый фотоаппарат и фотоувеличитель, коробка с рыболовными крючками и леской. Аккуратной стопочкой лежала подборка журналов «Моделист-конструктор». Следующей находкой был новенький самовар, медный, расписанный под хохлому. В очередной коробке лежал детский бильярдный стол, тоже совсем новый. Было видно, что в него никогда не играли. Рядом с этой коробкой лежал свёрток, в котором обнаружили

набор кистей для рисования и краски Ленинградская акварель, которым, по меньшей мере, было лет двадцать.

– Бабуля, а это что за мираж? Вещи-то совсем новые, почему их никогда не доставали? Такое впечатление, что про них просто забыли. Это чьё вообще?

– Ай да находка! – удивилась сама Нина Сергеевна, – Максимушка, а это всё твоё.

– Как так моё?

– Да вот так. Когда ты родился, дедушкина часть на соби~~рали~~^{рали} ребята вечером зашли поздравить, вот и принесли подарки. А ты ж совсем кроха, куда тебе бильярд или краски, а уж самовар тем более. Вот мы и пристроили с дедом на антресоль всё это, пока вырастешь. Вот и вырос. Правда, что теперь делать с этими красками да кисточками? А с бильярдом?

Нина Сергеевна с подробностями вспоминала тот вечер и рассказывала Максиму.

– Да ты что, бабуль, это же всё раритет, особенно самовар. Надо его достать и на стол поставить, будем из него чай пить.

– Пожалуй, ты прав, хорошая вещь, хорошая память. Балутина-то уже и в живых нет, а память о нём вот осталась. Знаешь, как над ним тогда все смеялись, говорили: вот, мол, додумался ребёнку в подарок самовар принести. А он в ответ и сказал: «Эх, вы, тёмные люди, самовар – это не просто самовар, это символ. Он ведь всю семью объединяет за совместным чаепитием!» Золотые слова! Давай его сюда, начистим до блеска и на стол поставим. Деду тоже будет приятное воспоминание. Выпишется из госпиталя, пригласим Самошина и Бордовского, пусть посидят, пообщаются, чаю попьют из самовара, а там, гляди, и в бильярд с тобой сыграют, как когда-то собирались.

– Бабуля, да это просто суперистория, она достойна, чтоб её записать. Знаешь, я ведь в армии редактором стенгазеты был. Я заметил, что нравится мне описывать происходящее. А теперь, после этой истории, хочется писать, писать и писать. Про армию, про деда, его службу, друзей и про вашу с ним жизнь, это ж можно целый роман накатать! Я вот думал, куда готовиться поступать, а теперь твёрдо решил, что пойду на журфак.

– Давай на журфак! – улыбнулась Нина Сергеевна, заметив осмысленное решение внука и – главное! – желание учиться. – А что касается того, чтобы роман написать, да легко: у нас с де-душкой столько историй за время его службы можно вспомнить, только успевай записывать!

В этот раз к поступлению Максим отнёсся со всей ответственностью. Теперь его не надо было заставлять что-то учить, напротив, иногда родные говорили ему:

– Отдохни, прервись, ты уже полдня за книжкой сидишь.

Результат не заставил себя долго ждать. На этот раз Максим блестяще сдал тесты и творческий экзамен, и был зачислен в ряды студентов факультета журналистики. Учёба давалась ему легко и была в удовольствие. Максим стал одним из лучших студентов факультета. Пять лет учёбы пролетели незаметно, и вот наступил торжественный момент – вручение диплома. Журналист-международник – это то, о чём мечтал Максим последние пять лет. А толчком к этой мечте оказалась та необычная находка на старой бабушкиной антресоли...

Всё хорошо, что хорошо кончается

Лариса Андреевна проснулась раньше обычного. Сегодня предстоял ответственный день. На работе с утра ждали представителей фирмы «Оверлей» для подписания важного контракта. Лариса Андреевна работала главным бухгалтером крупного торгово-производственного предприятия «СтарМежПром». Работу свою она любила, и была на хорошем счету у руководства своей организации. Её, как грамотного специалиста, всегда приглашали на переговоры, связанные с подписанием внешнеэкономических договоров. Вчера она внимательно изучила проект, предложенный поставщиком, и выделила пункты, по которым хотела внести существенные изменения. Это касалось сроков оплаты и поставки товара, претензий по качеству и комплектации отгружаемой продукции, и так же порядка разрешения спорных вопросов. С вечера Лариса Андреевна отутюжила свой любимый деловой костюм, чтобы утром не тратить время на эти мелочи.

Несмотря на ранний подъём, она не чувствовала невыспанности и разбитости. Выходя из душа, бодрая и весёлая, она направилась на кухню, напевая на ходу: «А я иду такая вся Дольче Габана». Поначалу утро шло, как обычно, но через какое-то время всё пошло как-то не так.

На кухне под ногами всё время вертелся любимый кот Маркиз. Ему было более десяти лет, и по кошачьим меркам он уже был старожил. Он был похож на плюшевую игрушку: рыжий в полоску, толстый с бледно зелёными глазами. Кот был умным и воспитанным, но главным его достоинством было то, что он очень тонко чувствовал настроение своей хозяйки, иногда даже лучше всех домочадцев. Когда она приходила домой весёлая, он радостно вертел хвостом, быстро бежал впереди и подпрыгивал. Если кот видел, что Лариса Андреевна чем-то огорчена, он ложился рядом, с пониманием и сочувствием смотрел ей прямо в глаза, потом подходил ближе, лизал ей руку и укладывался на ко-лени. Он тихо урчал, тыкался носом в руки и как бы говорил: «Всё будет хорошо!».

Сегодня Маркиз вёл себя странно. Крутился и вертелся под ногами, задрав голову вверх, громко мяукал. В какой-то момент Ларисе Андреевне показалось, что кот просит её остаться дома и никуда не ходить.

– Маркиз, что случилось, что не так, мой хороший? – спросила хозяйка. Пронзительное «Мяу» послышалось в ответ.

– Может что-то болит? Что же ты так переполошился?

– Мяу, мяу, – не унимался Маркиз и ходил по кухне вперёд-назад. Потом он стал возле двери, широко расставив лапы, и пристально посмотрел на Ларису Андреевну.

– Всё, Маркиз, пропусти, а то я опоздаю.

Одеваясь в спешке, Лариса Андреевна всё поглядывала на часы, а в мыслях крутилось: «Вот тебе на – хотела раньше выйти, а тут времени в обрез, надо поторапливаться!»

Лариса Андреевна проживала на четырнадцатом этаже девятнадцатизэтажного дома. Как часто бывает по утрам, лифт в таких домах можно ждать по десять минут. Вот и сегодня лифт двигался вверх-вниз, не желая останавливаться на её этаже.

– Здравствуй, соседка, – слышалось из-за угла, где был расположен мусоропровод, – а ты не жди, пешком быстрее будет.

– Здравствуйте, тётя Лида, а Вам-то, что не спится? – ответила Лариса Андреевна и направилась вниз по лестнице, а про себя подумала: «Ну вот, ещё и соседка навстречу с пустым ведром, явно не к добру!»

Выскочив из подъезда на улицу, женщина окунулась в пустынный тёмный двор, освещённый тусклыми фонарями, и сразу почувствовала, как холодный колючий ветер буквально подхватил её. Дорога до станции метро пролегла через сквер. Зимой до метро она обычно подъезжала одну остановку, а в тёплое время года любила с утра прогуляться по тенистой каштановой аллее, вдохнуть свежий аромат ещё не закрывшейся маттиолы и ночных фиалок, полюбоваться цветущими всё лето бархатцами и петуньями, насладиться в начале дня перезвоном птиц, обитающих в её любимом сквере. Сейчас Лариса Андреевна бежала к остановке, надеясь быстрее вскочить в автобус и немного отогреться. Ветер дул в лицо, обжигал морозом, пробираясь под пальто сквозь все щёлочки. Однако на остановке её снова постигла неудача: автобус показал свой хвост, когда она стояла на перекрёстке, дожидаясь зелёного сигнала светофора. «Что же за день такой сегодня!» -- с досадой подумала женщина и прибавила шаг, потому как ожидать следующий автобус не было смысла.

Спустившись в метро и втиснувшись в наполненный вагон, Лариса Андреевна перевела дыхание и расслабилась. Сжатая со всех сторон такими же пассажирами, спешащими на работу, она блаженно вздохнула и даже закрыла глаза. Потихоньку согреваясь, она начала обдумывать ход предстоящих переговоров и возможные нюансы развития событий.

От метро до офиса было метров триста, но в это утро из-за холода и мороза они показались Ларисе Андреевне большим расстоянием.

– Доброе утро! – произнесла Лариса Андреевна, заходя в бухгалтерию.

– Доброе, доброе! – слышался голос заместителя генерального директора, – что-то Вы сегодня не торопитесь, до-

говаривались на восемь тридцать, а Вы впритык да впопыхах, как школьница.

– Ой, здравствуйте, Борис Владимирович, да что-то утро не заладилось, извините, вроде и встала раньше, а оно всё наперекосяк.

– Ладно, не время сейчас оправдываться, приводите себя в порядок и приходите в переговорную. Генеральный дал задание юристам пробить поставщиков по своим каналам, до переговоров надо обговорить все моменты и...

– Да, да, я сейчас, -- расстёгивая пальто, говорила Лариса Андреевна.

В тот момент, когда она, сняв пальто, быстрым движением взяла плечики из шкафа, чтобы повесить одежду, в кабинете повисла внезапная тишина. Верочка замерла с поднятой чашкой кофе в руке, а Борис Владимирович, не договорив, так и остался стоять возле выхода с широко разведёнными руками и раскрытым ртом.

– Да, вот это день начался, – нарушил первым молчание Борис Владимирович, -- умеете Вы удивлять, Лариса Андреевна.

Зам. генерального директора демонстративно отвернулся, подбоченился и не переставал нервно поглаживать свою лысину.

Лариса Андреевна, ничего не подозревая, направилась к зеркалу поправить причёску, как это обычно бывало.

– Ой, ай, – закричала она, увидев своё отражение, – как же так? Посмотрев на себя в зеркало, она увидела, что из ~~ленноприворонее~~ с вечера костюма на ней были надеты лишь блузка и пиджак. Юбка так и осталась лежать на диване. Заговорившись с Маркизом, она так торопилась, что не взглянула на себя в зеркало перед уходом. И вот результат: теперь она стояла посреди кабинета в тонких колготках, через которые просвечивалось нижнее бельё и красные от холода ноги. Теперь ей стало понятно, почему сегодня всю дорогу было так холодно.

Расстроенная в конце, Лариса Андреевна заметалась по кабинету, пытаясь чем-то прикрыться, затем села за свой стол и разревелась.

Верочка подскочила к шкафу и начала там что-то искать.

– Вот, возьмите, – она протянула начальнице свою вязаную кофту, которая всегда лежала в шкафу на случай, если кто замёрзнет.

В отделе все называли эту кофту «дежурный лапсердак». Её связала Верина мама из толстых шерстяных ниток Вере на тридцатилетие. В межсезонье, когда отопление было выключено и в кабинете было прохладно, все в отделе знали, что можно согреться, укутавшись в Верину кофту. Мама Веры безвременно ушла из жизни несколько лет назад, а её подарок, связанный с теплотой и любовью, продолжал согревать и радовать весь дружный коллектив бухгалтерии.

Борис Владимирович, махнув рукой, вышел из кабинета.

Лариса Андреевна выпила кофе, начала потихоньку согреваться и приходить в себя. Через час должны были начаться переговоры. Она понимала, что обернуться домой и снова вернуться на работу за такое время, было не реально. В бухгалтерии все притихли и искренне переживали за свою начальницу.

Неожиданная мысль пришла в голову самой молодой сотруднице – Маринке. Она была молодым специалистом и работала второй год после окончания университета. Девушка была общительная, весёлая, при этом довольно старательная и грамотная в работе. В коллектив она влилась практически сразу. Несмотря на то, что в бухгалтерии работали одни женщины разных возрастов, все они как-то находили общий язык между собой. И определение «змеючник, гадючник, серпентарий» никак не ассоциировалось с их коллективом, в то время, как очень часто во многих организациях именно такая обстановка царила в бухгалтерии.

– Лариса Андреевна, я сегодня после работы на фитнес собралась, так вот у меня форма как раз с собой. А что, если Вы мои спортивные брюки наденете?

– Мариш, ты чего? Представляешь, какой видок будет у меня! А как мне презентацию вести? – приняла в штыки предложение Лариса Андреевна, – нет, нет, нет, отпадает.

– Лариса Андреевна, придётся что-то поменять в схеме проведения переговоров. Вы можете просто сидеть за столом и вести презентацию, не вставая. А можно, чтобы презентацию провёл кто-нибудь другой, а Вы будете освещать общие вопросы, а затем обсуждать мелочи и детали по ходу переговоров. Вы подумайте хорошо, да и выхода другого просто нет.

– Маринка, а ведь ты права, – согласилась Лариса Андреевна, – доставай свои спортивные. Только загвоздка, а они на мне не треснут?

– Всё нормально, впишетесь, они на мне свободны. Я с сентября шесть килограммов на фитнесе сбросила, так что Вам как раз будут.

– Давай, попробую, всё равно надеть больше нечего. А ты, Маришка, давай садись, будем сейчас презентацию репетировать.

– Я?

– Ты, ты, а кто же ещё. Идея твоя, причём не просто хорошая, а идеальная в сложившейся ситуации. Да и дресс-код у тебя не то, что у меня. Так что будем работать, как в песне: «Молодым везде у нас дорога, старикам всегда у нас почёт!»

– Да ты не волнуйся, Маринка, – поддержали коллеги, – сейчас Лариса Андреевна всё расскажет, за час успеете подготовиться. Да там и на слайдах всё написано.

– Знаешь, Мариш, я подстрахую. Если что забудешь, сразу от презентации перейдём к диалогу с партнёрами, всё будет хорошо.

– Тогда я согласна.

Тем временем Лариса Андреевна надела Маринкины брюки:

– Ух ты, здорово сели! – приободрилась она, глядя на себя в зеркало, хоть сейчас на фитнес.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Входите, – хором ответили сотрудницы.

В кабинет робко заглянул Борис Владимирович.

– Я тут к вам поинтересоваться, как из ситуации выходить будем? Может переговоры перенести?

– Нет, нет, всё в силе, всё в порядке, ничего переносить не надо, – бодро ответила Лариса Андреевна и с улыбкой вышла на встречу Борису Владимировичу, – как я Вам в новом образе?

От неожиданности он закашлялся и с удивлением оглядел её с ног до головы.

– Мать честная, и это называется в порядке? – схватился за сердце шеф и присел на стул, – Вы меня без ножа режете.

– Мы всё придумали, – успокоила его Лариса Андреевна и изложила ему придуманный план.

– Ладно, под Вашу ответственность, вот Вам ключи от переговорной, идите туда с Мариной заранее и там готовьтесь.

Переговоры прошли, как говорится, без сучка и задоринки. Марина отлично справилась со своей задачей. По ходу ведения презентации она отрывалась от готового текста и своими словами говорила об особенностях работы их предприятия и о планах развития на ближайшее время. Главный инженер дополнял девушку. Юристы оговаривали свои аспекты. Лариса Андреевна вносила подготовленные поправки в проект договора, причём преподносила их так убедительно, что все её замечания были учтены, и договор был подписан на самых выгодных условиях для их фирмы. Все вели себя естественно и непринуждённо, за исключением Бориса Владимировича. Он всё время был напряжён и взволнован...

Переговоры были позади, поставщики, попрощавшись, уехали, и все участники с облегчением вздохнули. Борис Владимирович натянуто улыбнулся и вытер со лба проступивший от волнения пот.

– А давайте чай пить, – предложила, вставая, Лариса Андреевна, – с меня пицца, сейчас закажем.

В этот момент все присутствующие уставились на неё, потому как никто, кроме Марины и Бориса Владимировича, не был в курсе сегодняшнего конфуза, поэтому и вели себя, как ни в чём не бывало.

Во время обеда на фирме было шумно и весело. Все обсуждали сегодняшний удачный день и с удовольствием уплетали привезённую пиццу.

Светлана Сердечная

Материализация мысли

/ из цикла рассказов «ЖИЗНЬ ИЗ ЧУДЕС» /

В том, что мысль материальна, в наше время никто и не сомневается, множество примеров каждый может привести. Практически, это утверждение – уже постулат. А полвека назад оно было очень даже сомнительной теоремой...

На своём собственном жизненном опыте Ей пришлось убедиться в этой истине в годы студенчества. Происшествие настолько потрясло Её, что с той поры никому и никогда Она не желала ничего огорчительного, а только доброе и хорошее, даже взглядов сердитых ни на кого не бросала. Навсегда она запомнила ужасный результат воздействия адресной сильной отрицательной эмоции.

Это случилось на втором курсе, когда занятия на физфаке в Университете еще только начались после летних каникул. Перед началом лекции в аудиторию вместе с преподавателем вошёл незнакомый мужчина и сделал небольшое объявление, на которое вся студенческая аудитория тут же бурно и радостно отреагировала. Он сообщил, что городу требуется их помощь: нужно изучить транспортные потоки, чтобы правильно составить маршруты общественного транспорта, отрегулировать нужное количество машин на каждом маршруте в зависимости от времени суток. А для этого все вторые курсы снимаются с занятий на сутки для работы «счётчиками» в троллейбусах и автобусах. Именно их курс закрепляется за конкретным троллейбусным парком, куда надо прибыть к 9 утра с блокнотом и ручкой. Работать будут 6 часов небольшими бригадами из расчёта: одна дверь троллейбуса – один человек, т.е. в одном троллейбусе – три человека. Суть их работы – считать и записывать количество вошедших и вышедших пассажиров на каждой остановке.

Конечно же, обрадованные студенты начали сами составлять дружественные команды в соответствии со своими симпатиями, чтобы веселее и приятнее было кататься целый день, не подозре-

вая о стихийном факторе распределения по бригадам, который в суровой действительности безжалостно перекроил их планы.

Добравшись туманным утром в назначенное место сбора и потолкавшись среди однокурсников в поисках своих друзей, Она случайно оказалась вблизи главного распорядителя, который комплектовал очередной троллейбус бригадой студентов-«счётчиков».

– Вот Вы, девушка, – обратился он к Ней. – Прошу сюда, Ваша вторая дверь.

Она смутилась, но, ошеломлённая неожиданным поворотом событий, ничего не сказала, лишь с надеждой оглянулась по сторонам в поисках друзей и, не увидев никого, с досадой поднялась по ступенькам троллейбуса. Настроение было испорчено, планы порушены. А распорядитель перешёл к следующей двери и, укомплектовав бригаду третьим «счётчиком», отправил машину в рейс.

Как и положено, люди входили и выходили на каждой остановке, и Она послушно помечала в своём блокноте этот процесс...

А раздражение нарастало с каждой минутой, через две остановки оно яро полыхало уже отчаянной злостью: никогда Она не терпела принуждения и очень не любила, когда вмешивались в её планы. «Чтоб тебя заклинило!» – рассержено подумала Она, метнув на «свою» дверь испепеляющий взгляд. То, что произошло в следующий момент, запомнила Она на всю оставшуюся жизнь. Дверь, жалобно «охнув», внезапно задымилась и перестала подчиняться электронному управлению – её заклинило!..

Потрясённо смотрела Она на дверь, и множество мыслей пронеслось в её голове. Самая яркая была: «Боже мой! Это я виновата: это от моего злого взгляда дверь задымилась и её заклинило!.. А что же будет с человеком от такого ненавидящего импульса?!» И тут же Она поклялась сама себе, что никогда в жизни не только не посмотрит со злобой на кого бы то ни было, но даже не подумает и не пожелает никому ничего плохого.

Раздражение улетучилось, Она виновато смотрела на дверь: «Бедняжка! Прости меня, я не думала, что так получится...»

Поскольку дверь «погрузилась в кому», «счётчик» ей был уже не нужен. Но долго сидеть без дела всё же Ей не

пришлось: народ очень интересно реагировал на человека с блоком и ручкой в руках.

Неожиданно для себя Она стала эпицентром жалоб горожан: все входящие пассажиры считали Её ответственным лицом и топились излить наболевшее. Припомнили случаи, когда водитель «не подождал», «обрызгал», «долго не приезжал», «внезапно поехал в парк». Были и конструктивные предложения по организации новых остановок: «А вот возле больницы нужно вторую остановку сделать, чтобы не пилить целый квартал до главного входа! Вы запишите, запишите!» И Она записывала. Всё, что Ей выкладывали. Люди выходили повеселевшими, с торжеством в глазах и надеждой в сердце.

Когда троллейбус вернулся в парк, завершив маршрут, Ей было что показать распорядителю. За ценную информацию, добытую в кратчайший срок, Её поблагодарили, с маршрута сняли ввиду неисправности двери и предложили доработать в столовой. Чувствуя себя уже только наполовину виноватой, Она с радостью согласилась. К концу дня «грех» был отмыт и в прямом, и в переносном смысле.

Что бы ты ни натворил, жизнь всегда даёт шанс это исправить, главное – не пропустить его.

Парадокс... Но! Картина дымящейся двери каждый раз успешно «гасила пожар в крови» и не давала разгореться гневу, сделав Её характер ровным и навсегда доброжелательным.

Гришутка

*/Светлой памяти моей бабушки
Елизаветы Аксёновны Василенко/*

– Мама, у Кавы нозы манюни-манюни! – малыш нежно погладил и поцеловал ножки сестрички, которую Лиза осторожно пеленала после купания.

Большие ясные глаза мальчика, обрамлённые загнутыми ресницами, лучились восторгом. Лиза перестала пеленать и с улыбкой погладила сынишку по голове. Двухлетний Гришутка,

самый нежный и добрый её малыш, был восьмым ребёнком в большой семье.

Чугунок борща томится на печи, тазик с напеченными пампушками накрыт полотенцем. Обед для всех готов. Осталось покормить пятимесячную Клавочку, и нужно спешить на работу – в детском саду тоже пора готовить обед. Хорошо, что садик от дома недалеко: вон он, виднеется в конце улицы на противоположной стороне.

Клавочка уже крепко спала у груди, довольно улыбаясь, а материнские мысли беспокойно перебегали от одного ребёнка к другому. Надо укоротить для Маруси юбку старшей Полины, а Полине и средней Раечке скроить новые из запасов неприкосновенного сундука. Самому старшему Алёше пора справить новые сапоги: очень уж он вытянулся за последнее время, выше всех в семье стал в свои 14 лет. У Ванюши и Васи штаны прохудились, срочно штопать придется вечером. А Коленьке... Коленьке надо могилку поправить, крест покосился...

Уложив малышку в колыбель, Лиза наказала Полине отнести отцу в поле «узелок», накормить всех детей обедом и «слушать» Клавочку, а Рае – присмотреть за младшими Васей, Марусей и Гришуткой, чтобы не ходили со двора никуда. Дождь лил как из ведра ещё с ночи. Холодный октябрьский ветер беспощадно гнул деревья и срывал с них последние лоскутки роскошного золотого палантина, которым наградил их щедрый сентябрь. И уже заглядывает через порог строгий ноябрь: советует забыть о тёплых днях до самой весны...

Погладив по голове и поцеловав маленького Гришутку, Лиза поспешила на работу. Малыш увязался вслед за матерью, но споткнулся, упал и расплакался. Старшая Полина подхватила его с пола, поставила на ножки и легонько подтолкнула в направлении комнаты:

– Иди, играй, Гришутка, иди к Рае!.. – и выскользнула за дверь, торопясь исполнить материнский наказ отнести обед отцу в полевую бригаду.

В неплотно прикрытую дверь хулиганистый ветер нахально швырял охапки засохших листьев. А дождь нудно выговаривал ему, время от времени повышая «голос». Гришутка заинтересо-

вался перебранкой ветра с дождем и устремился к двери. До неё было гораздо ближе, чем до Раи. К тому же там была мама. Она ушла на работу. Гришутка знал, где мамина «работа». Ему нестерпимо захотелось, чтобы мама обняла и пожалела его.

– Я хочу к маме!.. – заплакал Гришутка.

– Иди, иди!.. – насмешливо прошуршал ветер.

– А моно? – с сомнением спросил малыш.

– Иди, иди!.. – повторил ветер...

Гришутка перестал сомневаться и потянул дверь. На ручке двери висела веревочка, кто-то из старших братьев играл с ней и повесил на дверь. Вот она-то и помогла малышу справиться с неплотно прикрытой дверью...

Ветер-хулиган радостно встретил Гришутку во дворе, но дождь вдруг стих, горестно прошептав напоследок:

– Верниисссь, малыышшш!..

Ветер кружил листву и не забывал подталкивать Гришутку к калитке. Обнаружив, что она не заперта, ветер сильным рывком распахнул её. Гришутка увидел в конце улицы «мамину работу» и заторопился к маме. Хитрый ветер встрепенулся и тут же захлопнул калитку. Малыш оглянулся, увидел, что путь к дому отрезан, и еще сильнее захотел уткнуться в теплые мамины колени.

Медленно переступая своими маленькими ножками по липкой жидкой грязи, щедро покрывающей пустынную улицу украинского села, Гришутка стал пробираться к единственным светящимся окнам – маминной работе. Этот спасительный маяк в конце улицы приковывал к себе глаза мальчика, и он не обращал внимания на препятствия пути.

Сандалики он потерял при первых же шагах по этому жуткому грязевому болоту. Одежда промокла, и стало невыносимо холодно. Он ковылял, дрожа всем телом, и плакал. Дождь искренне плакал вместе с ним, всё сильнее и сильнее жалея малыша. Только ветер никого не жалел – он играл со всем, что попадалось ему на пути.

И в жизни мы можем встретить таких людей. От помощи Человека-дождя делается только хуже. А Человек-ветер, играючи, подставляет нас на каждом шагу под неприятности...

Гришутка стоял посреди улицы и плакал в голос. Сил переставлять ножки уже не было, но силы ещё оставались, чтобы звать маму...

И вдруг он почувствовал, что холод перестал его мучить. Внутренний жар, как печка, разогрел его озябшие ручки и ножки, голова тоже запылала. Гришутка приободрился и попробовал идти дальше. Получалось очень медленно, но всё же заветное крыльцо приближалось.

Когда он на четвереньках вскарабкался на крыльцо, подняться на ножки уже не сумел. Малыш сел у двери и стал скрести её, как котёнок. Плач его тоже напоминал плач котёнка...

– Лиза, кто-то скребётся у двери, – сказала напарница Маруся. – Может, кот?..

– Поди, глянь, Маруся, – разминая картошку для борща, распорядилась Лиза.

– Батюшки мои! – заголосила от дверей Маруся. – Это же твой Гришутка, Лиза!..

Лиза выронила из рук ложку и опрометью бросилась на крыльцо. У неё подкосились ноги от душераздирающей картины, которую она увидела. Её малыш, босой, промокший до нитки, с распухшим и залитым слезами лицом, с затуманенными, лихорадочно блестящими глазами, безголосо шепча «мама», сидел на мокром крыльце и улыбался ей.

Схватив в охапку беспомощное тельце мальчика, непрерывно целуя свою драгоценную ношу, Лиза бросилась в дом. Материнское сердце рыдало, предчувствуя невосполнимую потерю.

Через три дня Гришутка умер от крупозного воспаления легких. Спасти его не удалось: шёл 1932-ой год, врач не мог к ним проехать из-за непогоды, а народные средства не справились.

Все три дня на пылающем лице мальчика светилась улыбка – мама была рядом и гладила его по голове. Последние слова, которые услышала Лиза от своего дорогого мальчика, были:

– Я Каву люблю!.. у Кавы нози манюни-манюни...

Вера Феоктистова

Побывала в Париже, теперь не страшно и умереть

Вы верите в чудеса? А вот со мной недавно произошло настоящее чудо: я побывала в Париже. Как это случилось? Проживала в то время я в Минске. И вот, прошлым летом, в июне месяце мне позвонили из компании «Исткон» (есть такая фирма, товары распространяет) и пригласили на презентацию. Я ответила, что была у них совсем недавно, всё видела, и не пойду. На что сотрудница фирмы сказала, что компания приготовила для меня сюрприз. Я ответила, что пойду на презентацию лишь в том случае, если мне конкретно скажут, что это за сюрприз. И тут я услышала потрясшую меня новость: я выиграла путевку в Париж! Конечно, я не поверила, но на презентацию все же решила сходить. Там, на презентации, мне и вручили путевку.

Мне предложили выбрать удобное время для поездки, и я выбрала конец ноября. Мне пришлось много оформлять документов, в частности, поменять паспорт и оформить шенгенскую визу. Для получения визы я вынуждена была сдать отпечатки пальцев, я даже с этим согласилась, так мне хотелось увидеть Париж!

Самолет вылетал из Вильнюса, и нам, туристам, пришлось ехать в Вильнюс из Минска на автобусе. Вот тогда и случилось настоящее чудо. За 30 километров до таможни, когда наш автобус объезжал машину, на встречную полосу, прямо нам в лоб выехала фура. Я всегда молюсь в дороге своему ангелу-хранителю, а также архангелам: Михаилу, Гавриилу и Рафаилу. Когда я увидела эту фуру, мне стало страшно, и я закричала: «Архангелы! Нет!» В этот миг произошел толчок, и наш автобус остановился, а затем от удара откатился немного назад. У автобуса треснуло лобовое стекло, но, слава Богу, все остались живы. Только у одной женщины случилась истерика, ей показалось, что дальше мы уже не поедem. Она кричала: «Я столько лет готовилась к этой поездке, к встрече с дочкой, а теперь всё пропало». Я успокоила ее. Все вообще как-то быстро успокоились и вышли из автобуса на свежий воздух. Что касается фуры, то она была в ужасном виде: весь «перёд» был помят, а стекла в кабине разбиты. Я спросила нашего водителя, как он себя чувствует, на что он ответил, что нормально, только нога болит немного. Я

коснулась его ноги, чтобы исцелить ее своей энергетикой, и в это же время увидела водителя фуры: он хотя и был бледен, но оказался невредимым. Когда приехали гаишники, то были удивлены: как эта фура разбилась, а водитель остался без единой царапины?

Вскоре нас пересадили на другой автобус и благополучно доставили к таможне. Всех нас пропустили, лишь мою соседку, Регину, слишком долго мытарили таможенники: от удара о стекло ее губы и щеки сильно распухли, поэтому ее лицо долго сверяли с фотографией, однако, сверив отпечатки пальцев, Регину, наконец, оставили в покое. Мы все прошли таможню, затем доехали до аэропорта Вильнюса, сели в самолет и вылетели в Брюссель.

Самолет летел над Европой, а я всё думала о своих ангелах: несомненно, это они нас спасли, это они воздвигли перед фурой энергетическую стену, оттого мы и не погибли. Да, все мы живы, и разве это не чудо?

В Брюссель мы прилетели ночью. Перед нами из самолета открылась дивная панорама города: огни фонарей, подсветка зданий, – в общем, потрясающий вид! До Парижа из Брюсселя мы добирались на туристическом автобусе и прибыли в гостиницу только в 4 утра. А уже в 7 часов намечалась экскурсия в Шампань, то есть на сон нам давали всего три часа времени. Мы с Региной (нас поселили вместе в одном номере) решили никуда не ехать, а лучше отдохнуть и осмотреть днем окрестности Парижа. Так мы и сделали.

Конечно, гулять по пригороду нам понравилось, но мы убедились, что, в целом, в Париже много спальных районов, которые, в общем, мало чем отличаются от наших, минских: те же многоэтажки и «евроопты». Правда, на следующий день мы испытали много неза-бываемых эмоций: у нас была экскурсия в центр Парижа и в Собор Парижской Богоматери. Попасть в Собор Парижской Богоматери – мечта моей юности. И в этот день она исполнилась. Свои впечатления от посещения Собора я потом отразила в стихах. Хотя то благодатное, восторженное состояние души передать словами невозможно...

Когда от Собора мы по набережной шли к месту стоянки автобуса, нас поразило интересное расположение букинистических киосков, но времени подробно с ними познакомиться, к сожалению, не было. Нас повели смотреть Бастилию и Сену, после чего мы отправились на Монмартр. ~~Да~~ уж! Монмартр

Альманах

это демонстрация секса во всем его многообразии, на все, так сказать, вкусы. Но нам с Региной на это смотреть было некогда, да и незачем.

Монмартр мы оставили, зато вместе с Региной и еще одной знакомой, Василисой, мы попали в собор святого Симеона, на службу. Людей там было мало, и это хорошо: никто не мешал помолиться.

В конце нашей прогулки с нами случилась неприятность: мы заблудились. Приближалась ночь, мы не знали города, к тому же не владели французским языком. Но Бог послал нам в помощь человека: к нам подошел мужчина, тоже русский, и подсказал к автобусу дорогу. Автобус уже отъезжал, но я успела помахать водителю рукой, и автобус остановился. Мы сели в него и благополучно отправились в гостиницу. Прощай, Монмартр!

Когда мы прибыли в гостиницу, было уже 10 часов вечера, сил хватило только умыться, затем мы с Региной легли спать и мгновенно отключились до самого утра.

На следующий день подъем был в 6 часов, в 7 мы позавтракали, а в 8 нас ждал автобус. Завтрак состоял из кофе, булочки «круасан» и кукурузных хлопьев. После завтрака мы отправились в Версаль.

Версальский дворец! О нем можно почитать в интернете. Но увидеть его собственными глазами – совсем другое дело. Ощущение старины – непередаваемое ощущение. Впрочем, спальня короля вызвала у меня двоякое чувство: да, дорого, пышно, красиво, но жить под неусыпным наблюдением придворных – удовольствие сомнительное.

Версальский дворец это, конечно, замечательно, но Версальские сады это, действительно, чудо. Мы, туристы, обозревали их сверху. Было очень красиво. Чтобы ими всласть налюбоваться, нужно потратить, как минимум, один день. Впрочем, есть открытые лимузины, в которых за отдельную плату можно проехаться по всем садам за гораздо меньшее время. Но это, конечно, не то. Красота не терпит спешки. Воздух Версаля нужно вдыхать не спеша. А воздух в Версале особенный! Чистый, целебный. Хоть на хлеб мажь и ешь.

На следующий день у нас была экскурсия на Марсово поле, затем нас повели к Эйфелевой башне. Честно сказать, на меня Эйфелева башня особого впечатления не произвела, и подниматься

на нее с Региной мы не захотели. Мы предпочли еще раз прогуляться по городу. А вечером нас ждала заключительная экскурсия: водная прогулка по Сене.

Вот это, наверное, было самое лучшее из всей поездки. Казалось, это не мы на катере плыли по Сене, а сам Париж плывет по реке. А Эйфелева башня нас все время сопровождала своими сверкающими переливающимися огнями. Казалось, протяни руку, и ты коснешься башни. Моя душа испытывала неземное блаженство. Я была счастлива как никогда в жизни. Это было наше, туристов, прощание с Парижем.

На следующий день, позавтракав, мы все поехали на автобусе в аэропорт Брюсселя. Нам сильно повезло: до посадки в самолет у нас оставалась уйма времени, и нам организовали пешую прогулку по городу.

Брюссель знаменит своими маленькими узенькими улочками, на которых тьма тьмущая разных магазинчиков и магазинов. А на одной из улиц мы увидели еще одну брюссельскую знаменитость: каменную фигуру писающего мальчика. Говорят, однажды женщины Брюсселя возмутились тем, что в городе нет похожей фигуры девочки, и теперь в Брюсселе можно также встретить и каменную фигуру писающей девочки. Правда, два изваяния находятся за решеткой и под замком: якобы когда-то их пытались украсть. Впрочем, почти в каждом магазинчике Брюсселя обязательно есть в продаже фигура писающего мальчика, сделанная из камня и даже из... шоколада. Еще одна знаменитость Брюсселя: пивная, где продается, как говорят, примерно сорок сортов пива. Самое популярное пиво – вишневое. Мы попробовали: действительно, очень вкусно.

Я там, в Брюсселе, познакомилась с иностранцами. Я им говорила: «Раша, Путин». Они улыбались, прикладывали руку к сердцу, некоторые, подняв вверх большой палец, отвечали: «Раша, Путин, хорошо».

Вообще к нам все там хорошо относились.

Честно говоря, несколько дней погулять по Парижу – это несерьезно. Хотя бы дней пятнадцать-двадцать. Что ж, буду учить французский язык. Может быть, когда-нибудь слетаю в Париж самостоятельно.

Ирина Цуканова

Родительская любовь

Сказка-притча

Много лет тому назад в городском парке, на высокой горе рос дуб-великан с могучей зелёной кроной и стволом в несколько обхватов. Сколько ему было лет – никто не знал. Да и сам дуб позабыл, сколько столетий он на земле этой стоял. От старости ствол покрылся зелёным мхом и местами прогнил. Кору изрезали глубокие трещины-морщины, а ветви стали кривыми и корявыми.

Его старые друзья-деревья давно были срублены на дрова. И теперь, при звуке удара топора, дуб со страхом вздрагивал от мысли, что пришёл его черед. Но время шло, а дерево по-прежнему крепко держалось корнями за землю.

Каждую весну к нему с юга прилетали птицы. Они вили на крепких ветвях гнезда и откладывали в них маленькие яички. Через какое-то время появлялись на свет крохотные, беспомощные птенчики-желторотики. Они весь день неугомонно пищали, просили есть. Взрослые птицы-родители без устали носили им жучков и червячков. А дуб, осторожно качая гнёздышки, ублажи-вал птенцов. Они сладко спали и им снились добрые сны.

Старый дуб очень любил пернатых, шумных соседей и скупал, когда они улетали осенью в дальние страны. С высокой горы он махал ветвями им вслед, а потом жил до весны ожиданием их возвращения.

Своих сыночков-дубочков ему бог не дал и из-за этого он очень переживал. Но вот однажды солнечным, осенним днём под его кроной собирал жёлуди рыжеволосый мальчонка. Малыш выбрал из них самый большой жёлудь и закопал его в землю, прикрыв заботливо сверху листиками. Пришедшая зима укрыла землю пушистым снежным одеялом. А весной, когда пригрело ласковое солнышко, вылез из земли крохотный, тонкий пруттик, на котором в конце мая распустились первые листочки. Старый дуб был очень

Благодаря Галактике появился сынок. Он нежно оберегал хрупкое деревце: летом притенял от лучей палящего солнца, осенью укрывал листвой от холодных дождей, а зимой защищал от северных ледяных ветров.

Шли годы. Сынок быстро подрастал на радость отцу. Да неожиданно пришла беда – заболел дубок. Его листики опустились, тонкий ствол согнулся к земле. Лишился покоя и сна старый дуб. Дни и ночи напролёт думал, чем сыночку помочь.

Как-то присел на его ветку мудрый ворон. Он внимательно посмотрел на засыхающее деревце и сказал: – В тени твоей чахнет сынок. Без солнечного света не будет ему жизни. И, взмахнув крыльями, улетел прочь, оставив дуб в горьких размышлениях.

Ночью разыгралась страшная буря. Сверкали молнии, хлестал холодный ливень. Разбушевавшийся ветер ревел, как разъярённый зверь, ломая ветви деревьев, кружа сорванную листву в вихре своего бешеного танца.

– Ветер, ты силен и могуч! – обратился к нему дуб. – Старый я стал и дряхлый. Пора молодой поросли место под солнцем уступить. Подтолкни меня с горы, самому от земли оторваться нет сил.

И послушал его ветер. Собрав всю свою мощь, он дунул на дерево. В тот же миг оно затрещало и со стоном, ломая ветви, рухнуло с горы вниз. К утру буря утихла. Взошло яркое солнце и тёплыми, живительными лучами согрело дубочек. Он облегчённо вздохнул, выпрямил тонкий ствол, листики ожили и снова зашелестели.

Старый дуб в тот же день распилили и вывезли из парка. Долго сыночек-дубочек смотрел отцу вслед и по его листикам текли то ли росинки, то ли слезинки.

С того дня прошёл не один десяток лет. Теперь на горе растёт высокий, могучий, молодой дуб. Как величественный страж, он гордо возвышается над старым парком, и никакое дерево в округе не может с ним сравниться красотой и крепостью. В его густой, зелёной кроне вьют гнёзда птицы, а в прохладной тени отдыхают горожане. От жгучего солнца, от злого ветра и от проливного до-ждя всем даёт спасение доброе царь-дерево!

Новоселье для Шарика

Лето любят и взрослые, и дети, но детишки, наверное, больше.

И не удивительно, ведь для них это пора весёлых приключе-

ний и смешных историй, в которые они частенько попадают из-за своего излишнего любопытства. Вот и мой трёхлетний сыночек Женечка не исключение.

Прошлым летом мы отдыхали в деревне у моих родителей. Сыну очень нравилось гостить у них. Развлечений хоть отбавляй: хочешь в гамаке кататься, хочешь с соседскими ребятами играй или с бабушкой в лес за грибами и ягодами ходи. А если повезёт, то дедушка на рыбалку возьмёт. И все-таки больше всего он любил играть с Шариком, рыжим пёсиком смешанной породы, с милой мордочкой и хитрыми глазками.

Как говорится, путь к сердцу собаки лежит через желудок, и этот кратчайший путь Женечка нашёл с помощью колбасы, которая быстро исчезала из холодильника.

Каждое утро Шарик стремительно выскакивал из старой будки, встречая Женю звонким, радостным лаем. А потом, прижавшись к земле, на согнутых лапках подползал к его ногам и, подняв голову, жалостливо смотрел Женечке в глаза, махая из стороны в сторону пушистым хвостиком. Затем следовало обязательное угощение. Проглотив кусочек знакомого лакомства, довольный пёсик крутился волчком по двору, танцуя собачий вальс. Вот так у сына появился преданный, четвероногий друг.

Как-то в один из июльских дней, после обеда, я как обычно уложила сына спать. Уложить-то уложила, и вдруг он из кровати загадочно исчез. Не уследила за сорванцом! Где только я его не искала: всех соседей обожала, во все уголки заглянула. Сын, как сквозь землю, провалился. Все родные испугались не на шутку: бабушка за сердце схватилась, дедушка – за голову, а у меня ноги от страха подкосились. И только одному Шарiku все нипочём: весело машет хвостиком и как-то странно в свою старую конуру поглядывает.

– Ага! – подумала я. – Видно друг его где-то рядом! Заглянула внутрь, а там, на соломенной подстилке спал Женечка. – Нашлась пропажа, – обрадовалась я и принялась сонного синишку тянуть из будки. Да не тут-то было, застрял мой мальчик. И ни туда и ни сюда! Пришлось крышу разбирать. Пленника освободили и, конечно, расспросили, зачем он в конуру полез.

– В гости ходил! – ответил Женя и громко заревел. – Где Шарика теперь жить?

– Не горюй, внучек, – поспешил успокоить малыша дедушка. – Будет завтра у Шарика новенький домик.

И, правда, на следующий день во дворе красовалась просторная будка из новых, обструганных досок. Внутри постелили свежее, душистое сено и пёсик, осторожно обнюхав новое жилище, залез в свой новый домик и, свернувшись калачиком, спокойно уснул.

Вот так, благодаря другу, Шарик новоселье справил. А Женечка больше в гости к нему не ходил. Хватило одного приключения!

Наталья Щирская

Зимняя сказка для домашней хозяйки (50+)

Заканчивался еще один год. Тусклый декабрьский рассвет тщетно силился рассеять плотный туман. Она подошла к окну и зажгла маленькую свечку, выполняя свой привычный утренний ритуал. Глядя в серое окно, она медленно пила первую чашку кофе за день.

В доме царила тишина. Хорошо, что сегодня ей не надо было куда-то спешить... Уже протопали спешащие на работу соседи, убежали в школу их шумные детишки. Наступало то время, когда старушки выгуливают своих собачек, а домашние хозяйки собираются по магазинам.

Черный кофе неприятно горчил. «Это вчерашняя ссора, – зло подумала она. – Мало того, что вчера этот гад настроение испортил, так еще и сегодня... Вот...осадочек в кофейной гуще, никакие конфеты не помогают...». Она с досадой вылила остатки кофе в раковину.

Потом прошлась по пустой квартире, отгоняя неприятные и злые мысли. «Раз, – вода на керогаз, два-два – суп кипит едва-едва, три-три-три – пыль протри», – вспомнила она бабушкину считалочку. Потянулась, поглядела на себя в зеркало, и принялась за ежедневные обыденные хлопоты, с тем, чтобы вечером непременно выйти на прогулку в Город...

А Город уже наряжался, прихорашивался к предстоящим праздникам! Уже установили большие елки, таких и в природе-то нет, развесили праздничную иллюминацию... Витрины магазинов и кафе принарядились, словно соревнуясь друг с другом в красоте нарядов, и сверкали тысячами огоньков. Она не торопясь шла вдоль праздничного проспекта, вдыхая морозный воздух, наслаждаясь предвкушением новогодних дней.

В поисках нужного ей магазина она свернула на боковую улочку, вдоль которой с патриархальным звоном катились пузатенькие трамваи. Здесь было тихо и несуетливо, почти как в провинциальном городке, а не в столице. Она медленно шла, раз-

глядывая вывески и витрины маленьких магазинчиков, предлагающих всем желающим купить цветы и подарки.

Из низких окон старых домов лился мягкий домашний свет. Там, за неплотно прикрытыми шторами, шла своя жизнь – хозяйки готовили ужин, детишки возились со своими игрушками, а уставшие за день мужья читали свежие газеты... Чей-то толстый кот сидел на подоконнике и мрачно глазел на холодный свет уличного фонаря.

И тут ее взгляд выхватил в чередѐ окон то, от чего сердце глухо стукнуло и сразу забилося чаще.

В старом обшарпанном зале с пожелтевшими плакатами и стендом «Информация для жильцов» в беззвучном танце кружились Мужчина и Женщина...

Они были немолоды, эти танцоры. У седовласого джентльмена мелко дрожала голова, а его невысокая дама медленно и старательно передвигала ноги в старомодных ботинках. Но – ах! – у него под воротничком голубой рубашки чернела «бабочка», а у нее – губы были тронуты розовой помадой и брошь-каменя притаилась в складках нарядной блузки...

«И раз-два-три, раз-два-три» – кружились пары, отсчитывая ритм вальса...

Раз-два-три, раз-два-три – танцевал в свете фонарей новогодний снег ...

Прогулка

Одела. Взяла под мышку. «Уронишь!» – завопил из всех сил. Странно, удержала. Во баба дает – одной рукой меня тащит, а другой коляску мою по лестнице спускает, уважаю.

Вышли. Усадила. Зачем-то укутала ноги одеялом. Чудаковатая она какая-то! Говорила моей маме, что тепло, а сама... Ладно. Поехали!

Ну, кто ж будет мирно в коляске сидеть, когда впервые сапоги обули? Стал орать и брыкаться. Понятливая бабуля, высадила.

Я думал, она меня на руки возьмет – не тут-то было! Меня, Наследника по мечу, поставили на какую-то непонятную землю!

На всякий случай завопил, но тут же стих... Баба-то огромная! Еще стукнет...

Стал смотреть по сторонам, пошел... Сапоги старшей сестры велики, но ходить можно.

Ходил кругами вокруг бабки и пыхтел. Упал, стать нить. Подбежала, отряхнула. Думал, на руки возьмет...

Не взяла! Вот зараза! Шлепнула пониже спины: «Топай, – говорит, – внучек».

Блин, я тут как на Луне, все впервые, все не так, как дома... Сапоги тяжелые, это вам не босиком... Опять упал, не ныл.

Уперся. Ноги в раскорячку поставил, руки слегка в стороны развел и пошел! Я, мужик, по земле пошел!

Бабка уже сзади бежит, кричит: «Стой! Куда! Упадешь!».

Вот странные все-таки они, женщины...

P.S. Написано от имени внука, 1 год и 2 месяца.

Наталья Радькова

Сонечка

Кто весь день тихонько дремлет,
Повернувшись на бочок?
Это Сонечка-малышка,
Наш джунгарский хомячок!
Кто красивый и пушистый,
Белый с серой полосой?
Мех на спинке серебристый,
Хвостик маленький такой.
Глазки-бусины большие,
Добрый и потешный взгляд,
Все движенья озорные,
Лапки что-то теребят.
Наша Сонечка – чистюля,
За собой всегда следит,
Это – девочка-красуля,
У неё опрятный вид!
В клеточке просторно, мягко,
Там опилки на полу,
Соня иногда украдкой
Делает запас в углу.
Вечером, когда стемнеет,
Когда всем положен сон,
В колесе спортсменка Соня
Пробегаёт марафон.
Это общий наш любимчик,
Белый, маленький дружок,
Славный, милый позитивчик,
Наш джунгарский хомячок!

Наша Сонечка проснулась

Наша Сонечка проснулась,
В своей норке потянулась,
Сразу стала умываться,
Чистить шубку, наряжаться.
Заскочила в колесо,
Пробежала метров сто,
Быстро сделала зарядку,
Дом прибрала, всё в порядке.
Семечку нашла в кормушке,
Хватить её, прижала ушки.
Глазки сразу заблестели,
Ну, а зубки забелели.
За Андрюшей проследила,
Сашу в школу проводила.
И осталась за хозяйку
Наша маленькая «зайка».
Разошлись все по работам,
У людей свои заботы.
Хомячку ж днём нужно спать,
Чтобы вечером гулять.

Зноў пра Сонечку

У мяне жыве джунгарык,
Мой маленькі хамячок.
Гэта, нібы мой ліхтарык,
Бела-шэранькі бачок,
Сябар жвавы, непаседа,
Ён на месцы не сядзіць,
І заўжды, калі паснедаў,
Ускочыць у кола ды бяжыць.
Соня ў хованкі гуляе,
Запаўзае ў рукаў,

І адтуль ўсё пазірае,
У нашай Соні шмат забаў!
Возьмеш хамячка ў далоні,
А на сэрцы цеплыня.
Лепш за ўсіх жывёлін ў свеце –
Гэта Сонечка мая!

Ирина Цуканова

Кошка Ириска и серая мышка

Хвостиком виляет
Кошечка Ириска,
Весело играет
И резвится киска.
Но мышонок знает:
Кошечка хитра.
В страхе замирает
Серенький с утра.
С виду-то Ириска,
Хоть и хороша,
Только когти киски
Малыша страшат.
Выпустит когтище –
Мышка, берегись!
В норке не отыщет.
Чу, не шевелись!

Хитрый петушок

— Что случилось, петушок?
Где твой звонкий голосок?
Целый день вчера молчал
И на зорьке не кричал?

Мне ответил петушок:
– В дождь я вышел на лужок,
С лужицы воды испил,
Горло сильно застудил.

Весь до перышка промок,
Песни петь уже не смог.
Трудно мне теперь дышать,
Нет и силы даже встать.

– Не печалься, мой дружок.
Вот пшеничный колосок.
Станешь ты его клевать,
Сил прибавится опять.

Тут мой ожил петушок,
И на ножки быстро скок!
Про болезни позабыл,
На весь двор заголосил.

Про лесных зверюшек и глупого волка *Считалочка*

Серый волк в лесу бродил,
Громко с голода он выл:
“Где зайчата и лисята,
Где бельчата и лосята?
Кушать очень я хочу,
Вас найду и проглочу!”
Тут зверюшки испугались,
Кто куда все разбежались.
Лес весь мигом опустел.
Волк поймать их не успел!

Колыбельная для солнышка

Рассказ

Баю, баю, баюшки,
Что не спится заюшке?
Солнышко уснуло,
Лучиком махнуло,
На перину прилегло,
Сладко спит уже давно.
Ночь идёт седая,
Звезды зажигая.
С ней луна большая,
Землю освещая.
Спи же, мой хороший,
Мой внучек пригожий.
А я песенку спою,
Баю, баюшки, баю!

Тихо напевала бабушка колыбельную у кроватки малыша. Но ему совсем не хотелось спать.

– Бабушка, а где же спит солнышко? – спросил мальчик.

Бабушка улыбнулась и, погладив его по белокурой головке, сказала: – Когда приходит вечер, красное солнышко уходит за горизонт. Там за далёкими лесами, широкими полями, на самой высокой горе стоит хрустальный замок, где его дожидается сестрица-красавица луна. И как только солнышко ложится отдыхать на лёгкую перину из белого облака, луна вместе со звездами на смену ему приходит. Ведь нельзя землю без света оставлять. Вот она и сияет на небе до рассвета, пока солнышко снова не взойдёт. И так будет продолжаться из века в век.

– Бабушка, – не успокаивался малыш, -- а кто ночью солнышку колыбельную поёт?

– А ты послушай, – сказала бабушка и открыла окно в летний сад.

Малыш увидел кусочек тёмного, ночного неба с мерцающими кнопочками-звёздами. Среди них ярко сияла круглолицая

луна. Мальчику показалась, что она ему ласково улыбнулась. Он вылез из уютной постельки и босыми ножками подошёл к распахнутому в сад окну. Легкий ветерок нежным прикосновением погладил пухлую детскую щёчку, как бы приветствуя малыша.

Малыш удивленно посмотрел на бабушку: – А почему не слышно песенки?

Бабушка прижала палец к губам и сказала: – Тсс. Ты услышишь колыбельную только в полной тишине. Прислушайся повнимательней.

Мальчик сел к бабушке на колени и в ожидании замер. Он боялся даже шевельнуться, так ему хотелось быстрее услышать колыбельную. Вдруг за окном послышался тихий шелест листьев. Он то усиливался, то медленно умолкал, чтобы через мгновение зазвучать снова. Малышу казалось, что деревья поют от прикосновения к ним невидимого волшебника. С широко раскрытыми от удивления глазами, он слушал сказочную мелодию ночи.

Бабушка нежно обняла внука и тихонько шепнула ему на ушко: – Так кто же поёт колыбельную солнышку?

– Ветерок! – ответил малыш, сладко зевая. Его белокурая головка склонилась на плечо бабушке, глазки закрылись, и он уснул.

Сказка о непослушном поросенке

У свинки Марфуши появилось на свет потомство: два розовых поросёнка с кругленькими носиками-пятачками и хорошенькими хвостиками-завитушками. Старшего сыночка она назвала Пузик, потому что у него был толстенький животик. А младшего прозвала Бандит, сокращённо -- Банди. И, конечно, поросёнку имя его очень не нравилось. «Какой же я бандит? – думал обиженно он. – Ну, гоняюсь за курочками. Ну, переворачиваю их кормушку. Ну, звонко хрюкаю и громко стучу копытцами, когда все ложатся спать. А почему меня ругает хозяйка, если с разбегу прыгаю в грязную лужицу? Как же она смешно визжит, когда на неё брызги летят. Совсем как братец Пузик, когда его за хвостик кусаю! Не понимаю, почему они обижаются, ведь это так весело!».

Мама свинка и уговаривала, и наказывала непослушного сыночка за провинности, но он всё равно не слушался, продолжая по-прежнему шалить.

В один из погожих летних дней семейство купалось в луже. Фыркая от удовольствия, свинки переворачивались с одного бочка на другой, а потом сладко уснули на травке. Все, кроме Банди. Ему было очень скучно. Куры где-то спрятались от жары, и поросёнку не за кем было погоняться. Тут он заметил небольшую дырку в заборе и с трудом протиснулся в неё, забыв предупреждение мамы: «Не ходи, сынок, один за забор. Там может подстерегать страшный серый волк. Он крадёт доверчивых поросят и уносит их в далёкие леса. Откуда они никогда уже к мамочке не возвращаются».

Погода в тот день была прекрасная. Пели на опушке ближнего леса птицы. А перед поросёнком расстился небольшой лужок с яркими цветами. Травка на нём была такая зелёная и сочная! Банди, увидев такую красоту, радостно захрюкал и весело запрыгал среди цветов. От восторга он позабыл обо всём и не заметил, как к нему незаметно подкралась большая серая собака.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Банди, увидев её. – Давайте знакомиться. Я – поросёнок Банди! А Вы, наверно, друг нашего соседа Шарика?

– Какого Шарика? – удивилась собака. – Не знаю я никакого Шарика. А вот вкус сладеньких поросят я хорошо знаю.

Собака оскалила страшные острые зубы и стала наступать на поросёнка. И тут Банди вспомнил слова мамы. Он громко взвизгнул от страха: – В-в-в-волк!

Словно мячик поросёнок резко отпрыгнул в сторону и рванул, что было силы в маленьких копытцах, к дому. Сердце бедного поросёнка колотилось от страха, ножки дрожали. Но вот уже перед ним знакомый забор. Собравшись с последними силами, Банди, задыхаясь от ужаса, подбежал к нему и юркнул в отверстие. Да на свою беду, застрял. Волк за хвостик его и ухватил. От боли Банди пронзительно завизжал. Марфуша и Пузик, услышав визг, бросились Банди на помощь. Ухватив поросёнка за передние ножки, со всей силы дёрнули. В тот же миг Банди вместе с ними

кубарем покатился по двору. А его хвостик так и остался у волка в зубах. Вместо хорошенького хвостика-завитушки теперь торчал лишь маленький обрубок. Банди было очень больно, но мама заботливо обработала ранку, и боль быстро отступила.

Прошло несколько недель. Рана зажила, а сам Банди очень изменился. Он стал послушным и смирным, перестал шалить и теперь во всём слушался маму. Но на этом его неприятности не закончились. Стали куры посмеиваться над бесхвостым поросёнком. Припомнили ему прошлые обиды. Банди из-за злых насмешек даже перестал выходить во двор. Ему было очень стыдно! Тогда мама пожалела его и завязала ему вместо хвостика хорошенький зелёный бантик, чему поросёнок был несказанно рад. Ведь вместе с ним поросёнку дали и красивое новое имя: «Бантик!»

Бабке Ёжке триста лет

Бабке Ёжке триста лет.
Будет для друзей обед.
Письма им она послала
И на юбилей позвала.
Нет уж силы колдовать!
Надо всё самой решать:
Печь в избушке истопить,
Чай с малиной заварить
И, конечно, пироги
Спечь успеть бы до зари.
Ох, намаялась старуха,
Триста лет – не молодуха!
Но в положенное время
На столе все угощенья
Были выставлены в ряд –
На весь лес шёл аромат!
Вот и гости на порог!
Каждый подарил, что мог:
Змей Горыныч – карт колоду,
А Медведь – бочонок мёда,

Леший – из болот водицу,
Чтобы было чем умыться,
А кикимора-подружка
Мхом набила ей подушку.
Зайцы принесли морковку,
Ну, а лисонька-плутовка
Ей вручила петуха,
Чтоб будил Ягу с утра.
Белки принесли орешки,
А ежата – сыроежки,
Волк, вручая ей букет,
Спел из песенки куплет!
А старик-моховичок
Дал из трав лесных пучок.
Те травинки непростые:
Силы были в них такие,
Что любого старика
Ставят на ноги с глотка.
Бабка травку заварила
И случилось с нею диво:
Вдруг бабуся встрепенулась,
Улыбнулась, разогнулась
И пошла плясать она
Так, что кругом голова!
Вслед за бабушкой Ягой
Гости дружною толпой
Стали весело скакать
И чечётку отбивать.
Так шумели все они,
Что дрожали в страхе пни,
А когда настал рассвет,
Прочь ушли, сказав: «Привет!»
Вслед им крикнула Яга:
«Рада была Вам, друзья!
Ровно через сотню лет
Жду опять Вас на обед!»

Кот и мыши

Сладко Ваське нынче спится,
Рыбка свеженькая снится,
Сыр, парное молоко –
Много вкусного всего!
Спит... коту всё нипочём,
Лишь слюна течёт ручьём.
Мыши вылезли из нор:
Писк идет со всех сторон!
Нагло по углам шныряют,
Крошки со стола тягают.
И хозяйка с дома прочь
С визгом выскочила в ночь.
Вслед за мамкою сбежала
Дочка старшенькая Жанна!
Но Дениска, младший брат,
Вдруг решился взять ухват.
Им кружа над головой,
Как солдат рванулся в бой.
Но мышам всё нипочём:
Пусть махает хоть мечом!
Тут Дениска разозлился:
Взял метлу и ухитрился
В ухо Ваське угодить,
Вмиг лентяя разбудить!
Тот с испуга заорал
И мышей всех распугал!
В норки юркнули они
И замолкли до поры.
Кот махнул им вслед хвостом,
Вновь свернулся калачом,
Во весь рот зевнул опять
И продолжил сладко спать!

*Летопись клуба «Галактика»
(март – ноябрь 2018)*

*Концертные выступления и встречи с известными авторами
и музыкантами*

24 марта – Открытие Минского литературно-музыкального клуба «Галактика». Библиотека №12 г. Минска (Авrorовская, 8).

12 мая – Концертная программа «Любоў. Перамога. Вясна», подготовленная членами клуба для приглашенных гостей. Библи-отека №12 г. Минска.

26 мая – Встреча с известным белорусским поэтом Миколой Шабовичем. Библиотека №12 г. Минска.

9 июня – Встреча в рамках Пушкинских чтений с поэтессой Елизаветой Полеес. Библиотека №12 г. Минска.

19 июля – Выступление в госпитале инвалидов ВОВ с концертной программой «Жить, не старея» перед пациентами госпиталя. Пос.Лесной, Боровляны.

12 августа – Выступление «галактического десанта» с концертной программой «Жить, не старея» в санатории «Юность» на Минском море.

1 сентября – Выступление с концертной программой, посвященной году малой родины, в Минском государственном профессиональном лицее №7.

6 сентября – Встреча с белорусским поэтом Евгением Гучком. Библиотека №12 г. Минска.

3 октября – Выступление с концертной программой «Жить, не старея» в Территориальном центре социального обслуживания населения Ленинского района г. Минска (ул. Маяковского, 164).

16 октября – Концертная программа «Загляните в мамыны глаза», посвященная Дню матери. Библиотека №12 г. Минска.

10 ноября – Совместная концертная программа «У меня за спиной крылья» с бардами Верой Лебедевской (Минск) и Сергеем Суворовым (Санкт-Петербург). Библиотека №12 г. Минска.

20 ноября – Урок по профориентации «Творчество и жизнь» ГУО «Бор-Слободский УПК детский сад-базовая школа». Пуховичский район, Минская область.

25 ноября – Выступление на 108-й годовщине Красного костела. Литературно-музыкальная композиция «Вы святую веру захавалі...». Красный костел, г. Минск.

Наши творческие победы

В марте 2018 года были подведены итоги пятого международного конкурса «Мой аленький цветочек», посвященный русскому писателю, поэту С.Т. Аксакову. Рассказ Натальи Радьковой «Вкусные сливки» занял третье место в номинации «Рассказ для детей (для русскоязычных авторов СНГ)». Произведение было напечатано в пятом сборнике альманаха «Параллели».

17 июня рассказ «Коммунист с именем пророка» Екатерины Мешковой занял 2-е место на Международном литературном конкурсе «Эхо одной судьбы», проводимым Ассоциацией гуманистов Планеты, с включением его в итоговый сборник. В тот же сборник включены рассказы Натальи Радьковой «Спасибо деду за победу» и «Эхо войны».

5 октября – Выступление Аллы Шикович в дуэте с Юрием Редьковым в передаче «Творческий вечер» на Первом национальном канале Белорусского радио (запись состоялась 28 сентября 2018 года).

18-21 октября – участие Екатерины Мешковой и Евгения Вермута в XXXII Открытом конкурсе авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства “Витебский листопад-2018» в качестве финалистов номинации “Поэзия. Свободная тематика”.

В № 8-9 детского журнала «Качели» состоялись 2 публикации Ирины Цукановой.

12 ноября в передаче «Дыялогі пра культуру» на радиоканале «Культура» состоялся прямой эфир с руководителем музыкально-литературного объединения «Галактика» Екатериной Мешковой.



Выступление в госпитале инвалидов ВОВ
с концертной программой «Жить, не старея»
перед пациентами госпиталя. Пос.Лесной, Боровляны.



Совместная концертная программа
«У меня за спиной крылья» с бардами
Верой Лебедевской (Минск) и Сергеем Суворовым (Санкт-Петербург).
Библиотека №12 г. Минска.



Встреча в рамках Пушкинских чтений с поэтессой Елизаветой Полеес, членом Союза писателей Беларуси. Библиотека №12 г. Минска.



Встреча с белорусским поэтом Миколой Шабовичем, членом Союза писателей Беларуси. Библиотека №12 г. Минска.



Ирина Цуканова и Юрий Нехай на встрече
с учениками начальных классов,
посвященной открытию школьного лагеря. Библиотека № 12 г. Минска.



Выступление с концертной программой,
посвященной году малой родины,
в Минском государственном профессиональном лицее №7.



Встреча с белорусским поэтом Евгением Гучком: Евгений Гучок и Афанасий Ботяновский. Библиотека №12 г.Минска.



Екатерина Мешкова и Евгений Вермут на XXXII Открытом конкурсе авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства “Витебский листопад-2018». Концертный зал “Витебск”.

Содержание

<i>Рождение новой Галактики</i>	3
<i>Коротко о главном, или Тайна нашей «Галактики»</i>	6
<i>Авторы альманаха «Голос “Галактики”»</i>	7

Поэзия

Ольга Ботяновская (Дедкова)	17
Кота сиамского проказы	17
Афанасий Ботяновский	24
Аухим Ботяновский	24
Апостол Иоанн	26
Сентябрьский беглец	26
Другу стихотворцу	27
*** Мое лицо лаская светом	28
Моя Снегурочка	29
Бескrestный ход	29
Ищу гармонию в Природе	30
Стихи честного гедониста	32
Противоборство	33
Фонограмма	34
Символисты	34
Коты	36
Стихи современного символиста	36
Оригинальный взгляд на поэта	37
Литераторы	38
Юному поэту	38
Путник	39
*** Мои стихи охрипли!	39
*** Надо мною созвездья блещут	40
*** Когда тоска под вечер душит	40
Ода Музыке	40
Длинными вечерами	41

Евгений Вермут	43
Из несбыточного	43
Не наваливай горы желаний	44
Невероятное	44
Монолог того, у кого душа в пятках	45
Без сна	46
Мир поэта из палаты №	48
Вышли в финал?	50
Елизавета Дашко	51
Поэзия	51
Покой	51
*** Человеческое сердце, как изменчивое море	52
Кацярына Мяшкова	53
*** Узгоркі тытунёвой жаўціні	53
Бераг	53
Калядны верш	54
Лесвічка	54
Дняпроўскі надвячорак	55
Светлана Сердечная	56
Надо только захотеть	56
Голос Тишины	57
Чигиринка	58
За солнцем вслед	59
Приходим в мир, чтобы извлечь урок	60
Первые шаги	60
Не подрезайте детям крылья!	61
Музыка Мира	62
Вера Феокистова	64
*** Я просыпаюсь. Вижу: в небе черном	64
*** У времени четыре ипостаси	64
Голубое озеро в Самарской губернии	64
Голубое блюдце – синие глаза	64
Пауки	65

Владислав Чистяков	66
Танки	66
*** На спицах старого велосипеда	67
Двое во мне.....	67
*** В обрамленьи Волос Вероники.....	68
*** Уносятся перышки слов	68
*** Снег в лицо швыряет ветер,	69
*** Тучи осадили цитадель	70
Дракон	70
*** Мне чудятся дома из тульских пряников,	71
*** Мелькают заросли и чахнувшие овощи,	72
*** Расстилается темная дивная ночь,	72
*** На руках великанов ветвящихся,	73
*** Мы с дьяволом сошлись в одной дуэли	73
*** Обрыв. Передо мной разверзлась бездна,	74
Светлана Шашко-Шаблинская	75
Вышла в поле, в лесок	75
Не была я в деревне	75
* * * Звучат нашей юности саги	76
Подарив мне Любовь	77
Ты придёшь в старый дом	77
Любовь... Любовь.....	78
Вы здесь	79
* * * Свет давно погас в окошке,	79
* * * Жертвенный князь,.....	80
А дождь стучит.....	81
Вознесись над суетой.....	81
Ветер шальной.....	82
* * * Ласкал ветрище тонкий стан.....	83
* * * Жизнь всполошилась на заре	83
Алла Шикович	85
Письмо любви	85
Да, я наказана любовью.....	85
Не уставайте говорить «спасибо»	86

Заблудившиеся души	86
Одинокaя волчицa	87

Проза

Екатерина Бирюкова

Человек дождя	88
---------------------	----

Александр Змушко

Преданно твоя	92
---------------------	----

Юрый Мельнікаў

Чарга за чаргой	95
-----------------------	----

Чараўніца лагернай змены	99
--------------------------------	----

Кацярына Мяшкова

Ад Персіяні да беларускага Луўра	102
--	-----

Ліст да пастара з краіны цюльпанаў	111
--	-----

Хронікі далёкага Крыму	114
------------------------------	-----

Запрашэнне на арабскі танец	117
-----------------------------------	-----

Наталья Радькова

Находка двадцать лет спустя	121
-----------------------------------	-----

Всё хорошо, что хорошо кончается	130
--	-----

Светлана Сердечная

Материализация мысли	137
----------------------------	-----

Гришутка	139
----------------	-----

Вера Феоктистова

Побывала в Париже, теперь не страшно и умереть	143
--	-----

Ирина Цуканова

Царь-дерево	147
-------------------	-----

Новоселье для Шарика	148
----------------------------	-----

Наталья Щирская

Зимняя сказка для домашней хозяйки (50+)	151
--	-----

Прогулка	152
----------------	-----

Детская страничка

Наталья Радькова	154
-------------------------------	-----

Сонечка	154
---------------	-----

Наша Сонечка проснулась	155
-------------------------------	-----

Зноў пра Сонечку	155
Ирина Цуканова	156
Кошка Ириска и серая мышка	156
Хитрый петушок	156
Про лесных зверюшек и глупого волка	157
Колыбельная для солнышка	158
Сказка о непослушном поросенке	159
Бабке Ёжке триста лет	161
Кот и мыши	163
<i>Летопись клуба «Галактика»</i>	<i>164</i>
<i>Наши творческие победы</i>	<i>165</i>

Литературно-художественное издание

Голос “Галактики”

Основан в 2018 году

Альманах

Выпуск 1

2018 год

В авторской редакции

Подписано к печати 25.12.2018.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая.

Усл.-печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 7,78.

Тираж ** экз. Заказ 439.

ООО «Ковчег»

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/381 от 01.07.2014.

ул. Л. Беды, 11/1-205, 220040 г. Минск.

Тел./факс: (017) 284 19 81

e-mail: kovcheg_info@tut.by

kovcheg-print.by